

ISSN 2409-8671

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-07-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел. +7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-07-2025

Founder: Danilenko Vasilii Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Ryzhov Igor' Valer'evich - doktor istoricheskikh nauk, federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo", zaveduyushchii kafedroi istorii i politiki Rossii, 603005, Rossiya, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 2, of. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра: связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. 1-Я линия, 26, оф. 509

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Василий Рудольфович Филиппов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1 fvrd@rambler.ru

Тиберио Грациани — директор Института изучения геополитики и смежных дисциплин

(Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Фролов Дмитрий Борисович — доктор политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой "Компьютерное право" НИЯУ МИФИ. 115409, г. Москва, Каширское ш., 31 fdb@mail.cbr.ru

Аринин Александр Николаевич - доктор политических наук, академик РАЕН, директор Автономной некоммерческой организации "Институт федерализма и гражданского общества". 115035, Россия, г. Москва, ул.Ордынка Б., 21.

Безбородов Александр Борисович - доктор исторических наук, профессор, директор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 103012, Россия, г. Москва ул. Никольская, 15, кабинет 20.

Борисов Николай Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4, исторический факультет

Буданова Вера Павловна - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт всеобщей истории РАН

Галлямова Людмила Ивановна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. 690022, Россия, г. Владивосток, Пушкинская, 89

Данилов Александр Анатольевич - доктор исторических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 88.

Ершова Галина Гавриловна - доктор исторических наук, профессор, директор Учебно-научного мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета. Директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика), член правления итальянского Центра американистских исследований («Circolo Amerindiano», г. Перуджа, Италия). 125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6

Мартынова Марина Юрьевна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института этнологии и антропологии Российской академии наук, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт этнологии и антропологии РАН

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, главный научный сотрудник, институт мировых цивилизаций, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС),

профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96,
48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Editorial collegium

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", 656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55. sverhtitan@rambler.ru .

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg region, St. Petersburg, 1st line str., 26, office 509

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Vasily Rudolfovich Filippov — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1 fvr@rambler.ru

Tiberio Graziani is the Director of the Institute for the Study of Geopolitics and Related Disciplines (Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Frolov Dmitry Borisovich — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of

the Department of "Computer Law" of NRU MEPhI. 115409, Moscow, Kashirskoe sh., 31
fdb@mail.cbr.ru

Arinin Alexander Nikolaevich - Doctor of Political Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Autonomous Non-profit organization "Institute of Federalism and Civil Society". 115035, Russia, Moscow g, Ordynka B. str., 21.

Bezborodov Alexander Borisovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. 103012, Russia, Moscow, Nikolskaya str., 15, office 20.

Nikolay Sergeevich Borisov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Russia before the Beginning of the XIX Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 119991, Moscow, Russia, GSP-1, Lomonosovsky Prospekt, 27, Building 4, Faculty of History

Budanova Vera Pavlovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Lyudmila Gallyamova - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 89 Pushkinskaya Street, Vladivostok, 690022, Russia

Danilov Alexander Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Professor. Honored Scientist of the Russian Federation. 88 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia.

Yershova Galina Gavrilovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Educational and Scientific Mesoamerican Center named after Yu. V. Knorozov of the Russian State University for the Humanities. Director for Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico), Member of the Board of the Italian Center for American Studies (Circolo Amerindiano, Perugia, Italy). 125993, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6

Martynova Marina Yurievna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Honored Scientist of the Russian Federation. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational

Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Sushkova Yulia Nikolaevna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Dean of the Faculty of Law, 430007, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Osipenko str., 40, sq. -, yulenkam@mail.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Буракова У.С., Кречетов А.В. Тенденция к национализации литиевой промышленности, как угроза китайским компаниям, ведущим свою деятельность в Аргентине и Чили	1
Рахимов К.Х., Нгуен Ч., Чан Т. Перспективы экономического сотрудничества Китая и Афганистана после вывода войск США	19
Меньшикова Е.С. Цифровая трансформация как часть внешнеполитической стратегии КНР	36
Демидов А.М. Особенности африканского направления современной внешней политики Кубы	62
Арутюнян А.Г. Потенциал национально-культурных автономий в реализации публичной дипломатии (на примере деятельности национально-культурных автономий Республики Крым)	75
Болиев С.О. Влияние положения малой страны и исторических травм на внешнюю политику Сербии в контексте противостояния России и Запада	89
Рогожина Е.М., Маргарян Д.Л., Мельников А.В., Солодовникова А.Н. Анализ миротворческой деятельности КНР в Африке на примере конфликта в Судане	110
Англоязычные метаданные	129

Contents

Burakova U.S., Krechetov A.V. The trend towards nationalization of the lithium industry as a threat to Chinese companies operating in Argentina and Chile	1
Rakhimov K.H., Nguyen T., Tran T. Prospects for economic cooperation between China and Afghanistan after the withdrawal of US Troops	19
Men'shikova E.S. Digital transformation as the part of China's foreign policy strategy	36
Demidov A.M. Characteristics of the African Policy of Contemporary Cuba	62
Arutyunyan A.G. Potential of national-cultural autonomy in the implementation of public diplomacy (on the example of the activities of the national-cultural autonomies of Republic of Crimea)	75
Boliev S.O. The influence of the small state factor and historical traumas on the foreign policy of Serbia in the context of the confrontation between Russia and Western countries	89
Rogozhina E.M., Margaryan D.L., Mel'nikov A.V., Solodovnikova A.N. China's peacekeeping in Africa as a foundation for strengthening Beijing's influence on the continent considered on the Sudan's example	110
Metadata in english	129

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Буракова У.С., Кречетов А.В. Тенденция к национализации литейной промышленности, как угроза китайским компаниям, ведущим свою деятельность в Аргентине и Чили // Мировая политика. 2025. № 2. DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.74020 EDN: UBJAMC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74020

Тенденция к национализации литейной промышленности, как угроза китайским компаниям, ведущим свою деятельность в Аргентине и Чили

Буракова Ульяна Сергеевна

ORCID: 0009-0003-6197-1935

студент, факультет социальных наук и массовых коммуникаций; Финансовый университет при
Правительстве РФ

125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2.

✉ BurakovaU03@gmail.com

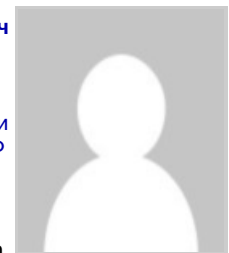
Кречетов Арсений Васильевич

ORCID: 0009-0005-0743-5191

студент, факультет социальных наук и массовых коммуникаций; Финансовый университет при
Правительстве РФ

143009, Россия, Московская обл., г. Одинцово, ул. Верхнее Отрадное, д. 1

✉ krvasily2003@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные экономические отношения"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.74020

EDN:

UBJAMC

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2025

Дата публикации:

11-04-2025

Аннотация: Предмет исследования статьи заключается в анализе деятельности китайских горнодобывающих и промышленных предприятий в Аргентине и Чили в

условиях усиливающейся тенденции к национализации литейной промышленности. Особое внимание уделяется влиянию этого процесса на доступ Китая к литейным ресурсам в контексте глобальной геополитической конкуренции. Исследование охватывает риски, связанные с перераспределением контроля над литейными проектами, а также возможности экономического давления со стороны КНР на страны «литейного треугольника». Кроме того, предмет включает оценку адаптации китайской стратегии в условиях национализации и ее последствий для позиций Китая на мировом рынке литейной продукции, учитывая современные экономические и политические факторы, включая ослабление влияния США и рост спроса на литейные изделия. Методология включает анализ вторичных данных из официальных источников и СМИ, сравнительный анализ политики стран «литейного треугольника», кейс-стади планов национализации 2023 г. и деятельности китайских компаний, а также качественную оценку геополитических факторов. Новизна работы заключается в комплексной оценке влияния актуальных планов национализации 2023 г. в Аргентине и Чили на деятельность китайских компаний с учетом современных экономических и геополитических факторов, что вносит значительный вклад в исследования ресурсного национализма в «литейном треугольнике». Данное исследование акцентирует внимание на текущих изменениях в политике стран региона, анализируя их последствия для Китая как ключевого игрока на рынке литейной продукции. Оно впервые объединяет анализ планов национализации 2023 г. с оценкой экономической зависимости Аргентины и Чили от КНР, а также с учетом ослабления позиций США, предлагая новые перспективы на адаптацию китайской стратегии в условиях усиливающейся геополитической конкуренции и роста глобального спроса на литейные изделия. Результаты исследования демонстрируют, что национализация может перераспределить контроль над литейными проектами в пользу местных властей, вынуждая Китай искать альтернативные цепочки поставок, однако зависимость Аргентины и Чили от китайских инвестиций и экспортных рынков создает пространство для маневра КНР, особенно в условиях ослабления позиций США в регионе.

Ключевые слова:

Китай, Латинская Америка, США, Литейный треугольник, литейная, геополитическая конкуренция, национализация, китайские инвестиции, ресурсный национализм, возобновляемые источники энергии

Введение

В XXI веке литейная продукция стала играть огромную роль в мировой экономике. Его различные сплавы и соединения используются в различных отраслях: автомобилестроении, авиационной промышленности, металлургии, микроэлектронике, химии, ядерной энергетике и многих других. Наибольшую популярность этот металл снискал благодаря своему большому электрохимическому потенциалу, который делает литейную продукцию практически незаменимой при производстве аккумуляторных батарей большой ёмкости. Согласно прогнозам S&P Global Commodity Insights от 2024 г. [\[1\]](#), спрос на литейную продукцию вырастет более чем в 2 раза к 2027 г. и более чем в 3 раза к 2030 г. К 2030 г. миру может потребоваться 3,2 млн тонн литейной продукции для удовлетворения растущих потребностей – в основном со стороны производителей электромобилей, на которых будет приходиться 80% спроса на этот металл, в то время как на сегодняшний день этот показатель составляет 58% [\[2\]](#).

Основным бенефициаром от применения и распространения литейной продукции является Китайская

Народная Республика. Порядка 25-30% реализуемых новых автомобилей в стране представлены электромобилями и гибридными авто [\[3\]](#). При этом 6 из 10 крупнейших в мире компаний-производителей электромобилей являются китайскими. Крупнейший китайский производитель электромобилей BYD Co Ltd совместно с американской компанией Tesla контролируют около трети мирового рынка электрифицированных автомобилей, в частности за 2023 г. они продали 3,4 млн электрических и гибридных автомобилей.

Кроме того, у КНР имеются большие планы, касающиеся развития возобновляемых источников энергии, в которых литий-ионные аккумуляторы играют огромную роль. На Китай приходится 37,6% от мировых установленных мощностей возобновляемой энергетики (ВИЭ) [\[4\]](#). При этом на долю Китая приходится 63% введенных в эксплуатацию в 2023 г. мощностей ВИЭ. Представленные факты указывают на огромную роль, которую играет литий для новых развивающихся отраслей Китая, а также для реализации его планов по декарбонизации своей промышленности.

При тотальном доминировании Китая в страновой структуре потребления лития более 50% всех запасов этого металла в мире приходится на так называемый «литиевый треугольник» — Боливию, Аргентину и Чили. В связи с этим большое значение для КНР имеют экономические, политические и правовые условия доступа к ресурсам лития за пределами своей национальной территории. В данной сфере в последнее время наметился ряд новых тенденций. Правительство Боливии, где сосредоточено 21% мировых запасов этого металла, в 2008 г. поручило Боливийской горнодобывающей корпорации создать Национальное управление испарительными ресурсами (Gestión Nacional de Recursos Evaporativos, GNRE), в зону ответственности которого входила «индустриализация добычи испарительных ресурсов» [\[5\]](#). В 2009 г. в Конституцию Боливии были внесены изменения, согласно которым литий был объявлен стратегическим ресурсом [\[6\]](#). Это означает, что разведка и добыча этого металла стала находиться под полным контролем правительства Боливии, фактически в стране произошла национализация данной отрасли. Результатом этого стало создание 27 апреля 2017 г. национальной стратегической публичной компании — Литиевые месторождения Боливии (Yacimientos de Litio Bolivianos, YLB), которая стала контролировать всю производственную цепочку лития [\[7\]](#).

Однако Боливия не единственная страна, где деятельность международных компаний по добыче лития оказалась под угрозой. В частности, в 2023 г. Президент Чили Габриэль Борич анонсировал планы по национализации литиевой промышленности. Хотя эти планы еще не реализованы, общая тенденция в странах литиевого треугольника не оставляет сомнений в том, что заинтересованным в бесперебойных поставках этого металла для реализации своих амбициозных проектов странам, таким как КНР, стоит пересмотреть свои стратегии и оценить все риски возможной национализации литиевой промышленности в Чили и Аргентине.

Китайские литиевые компании в Аргентине и Чили

В течение долгого периода времени большая часть производства лития, его добыча, переработка и транспортировка находились в руках так называемой «большой тройки»: американской компании Albemarle, чилийской Sociedad Química y Minera de Chile (SQM), а также корпорации Arcadium Lithium, образовавшейся в результате слияния американской компании Livent Corporation и австралийской Allkem Limited. Тем не менее, китайские литиевые компании продолжают укореняться на литиевом рынке

Латинской Америке, реализуя проекты разработки литиевых месторождений как с нуля, так и в рамках покупки доли в существующих компаниях.

По данным доклада, выпущенного в январе 2024 г. Геологической службой США, Аргентина обладает крупнейшими запасами лития в мире после Боливии – 22 млн т [\[8, p. 111\]](#). На данный момент в Аргентине можно выделить 5 крупнейших компаний по добычи лития, одна из которых является китайской, а именно - Ganfeng Lithium. Компания контролирует около 122 432 га солончаков в провинциях Сальта и Жужуй [\[9\]](#). Также в 2023 г. был введен в эксплуатацию литиевый рудник в районе озера Каучири-Оларос [\[10\]](#), принадлежащий компании Exar, акционером которой являются Ganfeng Lithium, и откуда, согласно контракту, будет отправляться около 40 000 т лития в год в Китай.

Помимо Ganfeng Lithium в Аргентине активно работает Tibet Summit Resources, которая в 2023 г. заявила, что инвестирует 1,7 млрд долл. в два своих новых литиевых проекта [\[12\]](#). Помимо этого, Tibet Summit Resources уже владеет литиевым производством «Angels Lithium Salt Lake», которое получило инвестиции в объеме 717 млн долл [\[12\]](#).

Что касается Чили, то здесь большую часть добычи лития контролируют две компании – чилийская Sociedad Quimica y Minera de Chile (SQM) и американская Albemarle, чьи лицензии на освоение месторождений заканчиваются в 2030 и 2043 гг. соответственно. Тем не менее, еще в 2018 г. китайская компания Sichuan Tianqi Lithium приобрела 23,77% акций литиевого гиганта Чили SQM [\[13\]](#). Горнодобывающая компания SQM занимает особое место в политической истории Чили. Более пятидесяти лет назад она была создана как смешанная частно-государственная компания и была приватизирована во время военной диктатуры Аугусто Пиночета (1973-1990). Родственник бывшего чилийского диктатора в настоящее время входит в совет директоров. Кроме того, в 2015 г. компанию обвинили в коррупции за незаконное финансирование кандидатов и политических партий, оппозиционных тогдашнему президенту Мишель Бачелет (2006-2010; 2014-2018).

Китайский бизнес не только добывает литий в странах Латинской Америки, но и владеет долями в крупных проектах по его переработке, что позволяет ему контролировать значительную часть мирового рынка.

Угроза национализации

Мировой рынок электромобилей продолжает расти. В 2023 г. он вырос на 29,7%, в 2022 г. - на 37% [\[14\]](#), что обусловлено расширяющимся спросом на более чистые энергетические решения. Китай, как крупнейший в мире производитель электромобилей, в значительной степени нуждается в литии, важнейшем компоненте в производстве аккумуляторов для электромобилей. По понятным причинам такие страны как Аргентина и Боливия привлекают китайских инвесторов и горнодобывающие компании. Тем не менее сегодня в странах Латинской Америки набирает популярность новая волна ресурсного национализма.

В отличие от Боливии, литиевая промышленность в Чили и Аргентине еще не национализирована. Тем не менее, в апреле 2023 года президент Чили Габриэль Борич анонсировал национальную стратегию страны, которая предусматривает развитие чилийского литиевой промышленности при участии государства по всему производственному циклу, а также научно-техническое развитие для создания добавленной стоимости внутри страны. Более того, президент объявил о создании

Национальной литиевой компании (Empresa Nacional del Litio).

Правительство Г. Борича аргументирует необходимость государственного участия в литиевой промышленности тем, что литий является национальным богатством и страна должна контролировать его добычу. Для реализации плана правительство поручило двум государственным горнодобывающим компаниям, Enami и Codelco, вести переговоры о государственно-частном партнерстве с действующими на рынке игроками, в данном случае речь идет о двух гигантах – SQM и Albemarle. Однако ни Enami, ни Codelco не имеют опыта работы с литием, их основная деятельность связана с добычей меди. В итоге государственный контроль над литиевыми проектами, особенно по разработке перспективных солончаков, может оказаться менее эффективным, чем это планировалось изначально.

Более того, необходимо отметить, что создание государственной литиевой компании до окончания срока президентства Габриэля Борича представляется нереалистичным, так как следующие президентские выборы в стране пройдут уже в ноябре 2025 года, а процесс создания такой компании требует одобрения Конгресса, который уже, например, заблокировал налоговую реформу, являющуюся одной из центральных в программе президента. Кроме того, оппозиция негативно настроена по отношению к этой идее. Некоторые правые депутаты даже предлагают передать месторождения лития в концессию, как это уже практикуется в других странах, с системой роялти, гарантирующей государству справедливую прибыль без прямого участия в качестве акционера. Именно такая система действует сейчас для компаний Albemarle и SQM, которые в 2022 г. выплатили в казну Чили более 5 млрд долл. в виде роялти [\[15\]](#).

Отметим, несмотря на то, что чилийское правительство упорно избегает термина «национализация» в своих заявлениях, многие СМИ [\[16\]](#) предпочитают использовать именно это слово, вызывая в памяти читателей такие политические фигуры, как Фидель Кастро (1959-2008) на Кубе, Эво Моралес (2006-2019) в Боливии и Уго Чавес (1999-2013) в Венесуэле, которые инициировали передачу частных компаний государству с незначительной компенсацией или вообще без нее.

Хотя министр горнодобывающей промышленности Чили Марсела Эрнандо в интервью агентству Bloomberg уточнила, что Национальная литиевая стратегия, предложенная правительством президента, не является «национализацией» [\[17\]](#), заявление Габриэля Борича вызвало негативную реакцию на фондовом рынке – акции Albemarle на бирже в Нью-Йорке упали в цене на 5,27%, а SQM — на 2,6% [\[18\]](#).

Однако в план Габриэля Борича входит именно «мирный развод», он стремится к добровольному согласию крупных компаний на передачу прав на разработку литиевых месторождений госкомпании. Процентное соотношение акций может варьироваться от 51 к 49 в пользу государственной компании до 60 к 40. Тем не менее именно это и может отпугнуть инвесторов и иностранные компании, которые решат, что данная страна менее привлекательная для вложений и переориентируют свои инвестиционные стратегии на другие страны. Например, в 2023 г. компания ALB объявила о планах покупки австралийского производителя лития – Liontown Resources [\[19\]](#), а SQM уже разрабатывает литиевый проект совместно с местной компанией в Австралии. Таким образом, Чили должна сбалансировать национальные интересы в условиях растущей конкуренции в глобальном секторе критически важных металлов.

Идея национализации литиевой промышленности очень быстро пересекла границу

соседнего с Чили государства - Аргентины, которая активно развивает свою литиевую промышленность, является одним из лидеров по запасам лития в мире (второе место), что и привлекает инвесторов. За три года, с 2020 по 2023, объем инвестиций в литиевую промышленность Аргентины составил около 5 млрд долл [\[20\]](#).

Тем не менее, уже через месяц после представления Г. Боричем его национальной стратегии депутаты аргентинского парламента от партии Фронт всех (Frente de Todos, FdT) представили проект национализации лития в своей стране. Согласно их заявлению, «минеральные запасы, содержащие литий, являются стратегическим природным ресурсом для социально-экономического и промышленного развития Аргентинской Республики» [\[21\]](#).

Также законопроект устанавливает, что все ранее предоставленные частным компаниям концессии на разведку и добычу лития полностью подпадут под действие нового закона и должны будут соответствовать его положениям и правилам [\[22\]](#).

Бизнес-сектор Аргентины, представленный Аргентинской палатой предпринимателей горнодобывающей промышленности (Cámara de empresarios mineros de Argentina, CAEM), Аргентинским промышленным союзом (Unión Industrial Argentina, UIA) и Аргентинской строительной палатой (Cámara Argentina de la Construcción, Camarco), выступил против этой инициативы.

Во время международной горнодобывающей выставки - ArMinera 2023, организованной CAEM, вице-президент палаты Франко Миньякко выступил с критикой данного законопроекта, сказав, что литиевая отрасль внесла весомый вклад в развитие экономики страны, особенно в регионах, где нужны инвестиции и развитие человеческого потенциала, инфраструктуры и т.д. Отрасль уже стала одним из ключевых драйверов инвестиций в стране. Однако новый законопроект может поставить под угрозу все эти достижения. Он прямо влияет на развитие отрасли и может замедлить ее прогресс [\[23\]](#). В итоге торговая ассоциация Горнодобывающий совет (Consejo Minero, CM), объединяющая крупнейшие горнодобывающие компании Чили, отклонила данный проект и поставил под сомнение инициативы, представленные в конгрессе.

Сегодня, по словам Хосе Алиото, менеджера по внешним связям аргентинской компании Allkem, законодательство в Аргентине – одно из самых благоприятных для иностранных инвесторов, что позволяет им вкладывать деньги в дорогостоящие и долгосрочные проекты. Например, в то время как в Аргентине существует потолок роялти в размере 3%, в Чили роялти варьируется от 6,8 до 40% в зависимости от различных соединений минерала [\[24\]](#).

По данным старейшей газеты Гонконга SCMP, Аргентина и Бразилия считаются «безопасными» странами для китайских инвесторов, поскольку их правительства более восприимчивы к иностранным инвестициям и приняли либерализованную политику в области добычи полезных ископаемых, которая способствует международному партнерству. Например, в марте 2024 года Ganfeng приобрела долю в аргентинском проекте по производству литиевого рассола за 70 млн долл., что свидетельствует о ее долгосрочной приверженности региону [\[25\]](#).

Следует отметить, что национализация литиевой промышленности может укрепить отношения с другими странами и в том числе с Китаем. Об этом свидетельствует успешный опыт Боливии. Например, в апреле 2021 года боливийская госкомпания Yacimientos de Litio Bolivianos заключила с китайской компанией Ganfeng Lithium

контракт на поставку карбоната лития. Отмечается, что КНР также крайне заинтересован в проектах по улучшению дорожной инфраструктуры Боливии, по строительству крупных сталелитейных заводов и предприятий по производству карбоната лития. По официальной информации китайской стороны, до начала пандемии в Боливии осуществляли свою деятельность более 60 китайских компаний, было запущено 55 совместных проектов с властями Боливии. В экономике латиноамериканской республики работало более 2 тыс. китайских специалистов [\[26\]](#).

В то же время необходимо отметить, что национализация литейной промышленности в странах литейного треугольника может стать дополнительным стимулом к созданию так называемого «литейного ОПЕК» — организации, которая объединит страны-экспортеры лития Латинской Америки.

Возможности экономического давления КНР на Аргентину и Чили

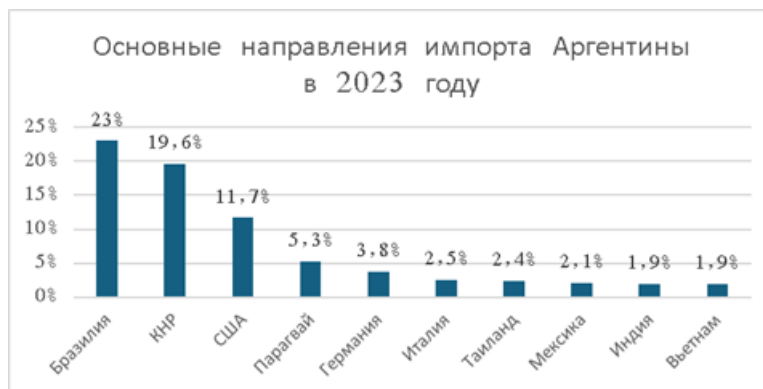
Экономическая зависимость Аргентины от Китая проявляется во многих аспектах. На протяжении многих лет Китай является одним из основных торговых партнеров Аргентины. Он также находится на первом месте среди стран, в структуре торговли с которыми у Аргентины наблюдается наибольший дефицит. В 2022 г. этот показатель составлял 8 млрд долл., в 2023 г. – 8,4 млрд долл., а за первый квартал 2024 г. - 1,1 млрд долл. [\[27\]](#). Кроме этого, Китай является одним из лидеров в структуре как экспорта, так и импорта Аргентины (рисунки 1 и 2). При этом основные статьи экспортируемых товаров представлены различными пищевыми продуктами, напитками и табаком, животными или растительными жирами и маслами, а также другими видами сельскохозяйственной продукции [\[28\]](#). Одновременно Аргентина осуществляет импорт преимущественно машин, инструментов и различных электроприборов, а также транспортных средств и минерального топлива, включая нефть.

Рис. 1. Основные направления экспорта Аргентины в 2023 г. (%)

Источник: Построено авторами на основе статистических данных [\[28\]](#)

Рис. 2. Основные направления импорта Аргентины в 2023 г. (%)

Источник: Построено авторами на основе статистических данных [\[28\]](#)

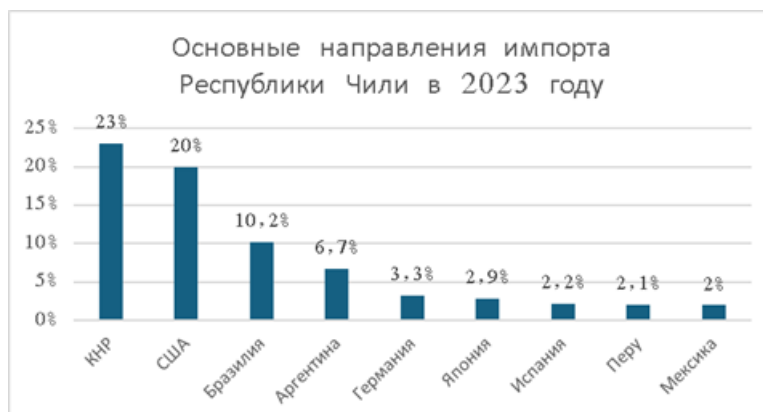
В случае необходимости давления на Буэнос-Айрес для отстаивания своих интересов Пекин может создать серьезные проблемы для Аргентины. Эта угроза приобретает еще больший вес, если учесть, что экономика этой латиноамериканской страны испытывает в последние годы огромные проблемы, такие как, стремительно увеличивающаяся инфляция (за 9 месяцев 2024 г. накопленная инфляция составила почти 95%)[\[29\]](#), взрывной рост цен в (211,4% по итогам 2023 г.)[\[30\]](#), а также девальвация национальной валюты (800 песо за 1 доллар по итогам 2023 г.)[\[31\]](#).

Рис. 3. Основные направления экспорта Республики Чили в 2023 г. (%)

Источник: Построено авторами на основе статистических данных [\[28\]](#)

Рис. 4. Основные направления импорта Республики Чили в 2023 г. (%)

Источник: Построено авторами на основе статистических данных [\[28\]](#)

Республика Чили имеет некоторые схожие с Аргентиной тенденции в области растущей зависимости экономики от КНР. По данным за 2023 г. Китай занимает первую строчку в списке главных экспортеров и импортеров страны (рисунки 3 и 4). При этом доля, занимаемая Пекином довольно внушительна — 39% экспорта и 23% импорта Чили [\[28\]](#). Половину вывозимых из Чили товаров составляют руды, шлак и зола, а также медь и изделия из нее, при этом основой импорта являются минеральное топливо, машины и механические устройства, а также различное техническое оборудование. При этом Чили в отличие от Аргентины имеет заключенное с Китаем соглашение о свободной торговле [\[32\]](#), которое усугубляет положение, так как в условиях свободной конкуренции чилийские производители не смогут на равных конкурировать с китайскими гигантами, которые представляют угрозу даже для США. Основная экономическая проблема республики – это зависимость от цен на медь и литий, что создает возможность использования Китаем этого факта для воздействия на Чили, однако Пекину не выгодно обрушивать очень перспективный для него рынок ради давления на одну страну. Более того, такие страны как Австралия, которые находятся в числе лидеров по добыче разных групп редкоземельных металлов (РЗМ), в том числе и лития, могут воспользоваться действиями Китая для укрепления своих позиций, в том случае, если он решится на радикальные действия на рынке РЗМ. Экономике Чили также отличается большая устойчивость в сравнении с Аргентиной. Так, с начала 1990-х гг. ВВП Чили продолжает расти [\[28\]](#). При этом в последние 10 лет этот показатель был довольно устойчивым по сравнению с другими странами Южной Америки. Кроме того, Чили последние 25 лет сохраняет хорошие позиции в индексе экономических свобод [\[33\]](#), что дает ей дополнительное преимущество в процессе снижения влияния Китая на экономику страны. Однако угроза давления со стороны Пекина по-прежнему сохраняется и можно предположить, что он найдет способы воздействовать на решения этой латиноамериканской страны, прибегая к более тонким экономическим ходам, касающимся введения пошлин и ограничений в торговле с Чили.

Еще одной возможностью Китая оказывать давление на принятие решений в других странах является взыскание долговых обязательств. За 13 лет (с 2008 по 2021 г.) КНР выдала кредитов на 240 млрд долл. 22 развивающимся странам с большой долговой нагрузкой, резко увеличив кредитование начиная с 2016 г. (104 млрд долл.) [\[34\]](#). При этом почти 80% кредитов, выданных с 2016 по 2023 г., получали страны с низким и средним уровнем дохода, в том числе Пакистан, Монголия и Аргентина. Высокая долговая нагрузка была в числе прочих причин объявленного в 2020 г. дефолта Аргентины, седьмого по счету с 1951 г. [\[35\]](#).

На 2024 год объем долговых обязательств Буэнос-Айреса перед КНР уменьшился, однако нет причин утверждать, что эта тенденция продолжится. На это указывает и тот факт, что, согласно данным Всемирного банка, Аргентина входит в топ 20 стран по размеру долга перед КНР с показателем в 2,9 млрд долл. США [\[36\]](#). Однако это довольно низкий показатель в сравнении с другими странами Латинской Америки, например, Бразилией (3,4 млрд долл. США) и Эквадором (4,1 млрд долл. США). К тому же размер долговых обязательств Аргентины перед Пекином накануне дефолта в 2020 г. в несколько десятков раз превышал приведенные выше цифры - 111,8 млрд долл. США.

По сравнению со своим восточным соседом Чили сталкивается с гораздо меньшей угрозой дефолта из-за долговых обязательств перед Китаем. Государственный долг Республики Чили стабильно увеличивался последние 15 лет, достигнув исторического для страны максимума в 46,1% ВВП в 2023 г. [\[28\]](#). Однако она не входит в число самых

закредитованных со стороны Китая стран, хотя согласно данным, представленным выше, ее торговый оборот с Китаем значительно больше, чем у Аргентины, которая в свою очередь имеет гораздо большие долговые обязательства перед Пекином. Однако в последние годы Пекин начал уступать позиции в регионе как транснациональным организациям, так и США. В частности, политическая неопределенность в Аргентине оказала сдерживающее воздействие на китайское кредитование этой страны за последние несколько лет, а после прихода к власти в ноябре 2023 г. президента-либертарианца Хавьера Милея напряженность усилилась. Проводимая им политика всестороннего укрепления отношений с США парализовала распределение средств для завершения некоторых инфраструктурных проектов, которые реализовывались китайскими компаниями. Ещё до избрания Милея Экспортно-импортный Банк (Эксимбанк) Китая вел интенсивные переговоры о новых кредитах с предыдущим правительством Альберто Фернандеса. Последний настоял на полном финансировании китайской стороной проекта строительства атомной электростанции Atucha III, который включал бы китайские ядерные реакторы [\[37\]](#). Однако попытки Китая укрепить свои позиции на рынке атомной энергетики в Латинской Америке также не увенчались успехом.

Международные финансовые организации также не собираются отдавать рынок Латинской Америки Китаю. Всего лишь десятилетие назад объем выделенных Китаем кредитов в регионе превосходил соответствующие объемы, предоставленные Всемирным банком (ВБ) и Межамериканским банком развития (МАБР). Но из-за действия многих факторов, ограничивающих китайские инвестиции в странах Южной Америки, а также меняющихся национальных интересов стран и возросшего после пандемии Covid-19 вовлечения ВБ и МАБР в регион, ситуация стала прямо противоположной. В связи с этим финансовые вливания китайских банков в страны Латинской Америки стали резко сокращаться. Многосторонние банки развития также активны в секторах инфраструктуры, где ранее расширяли свою деятельность китайские финансовые институты развития. В качестве примера можно привести крупный объем финансирования, выделенного МАБР для Мексики, Бразилии и Аргентины на улучшение дорог в 2023 г. (на сумму 600 млн, 480 млн и 345 млн долл. соответственно) [\[38\]](#).

Безусловно, торговый оборот и предоставляемые кредиты являются важными индикаторами, отражающими степень влияния Китая на страны Латинской Америки. Однако, помимо этого, Пекин использует и другие механизмы, в частности, активную инвестиционную политику и реализацию инфраструктурных проектов на территории региона. Данная стратегия предоставляет Китаю дополнительный рычаг влияния на экономическое и политическое развитие стран Латинской Америки. В последние годы объем китайских инвестиций в Аргентину значительно возрос и стал более разнообразным.

Несмотря на то, что горнодобывающая промышленность (золото, медь) остается важным сектором для китайских инвесторов, в последние годы основное внимание переключилось на возобновляемые источники энергии, особенно солнечную энергетику [\[39\]](#). Китай является ведущим поставщиком солнечных панелей в регион, а крупные проекты, такие как солнечный парк Cauchari, были профинансированы китайскими банками и реализованы китайскими подрядчиками [\[40\]](#). В литиевом секторе также наблюдается увеличение китайских инвестиций, подтверждаемое покупкой Ganfeng компании Lithea в 2022 г. для реализации проекта по разработке и эксплуатации перспективного месторождения лития Pozuelos-Pastos Grandes в Аргентине [\[41\]](#). Однако Аргентина не является лидером по привлечению китайских инвестиций в регионе, что

подчеркивает конкуренцию с другими странами за китайский капитал.

Ситуация в Чили похожая, однако она отличается куда большими масштабами. Страна является главным направлением для китайских инвесторов в последние годы [\[42\]](#). Ключевыми отраслями для китайских инвесторов являются горнодобывающая промышленность и энергетика, на которые приходится более 90% прямых иностранных инвестиций из Китая. Приобретение Tianqi Lithium почти 24% акций SQM, ведущего производителя лития в мире, подчеркивает важность Чили для реализации китайских амбиций в сфере электромобилей и аккумуляторных батарей [\[43\]](#). Кроме того, Китай также инвестирует в сельское хозяйство, особенно в производство вина, а также в транспортную инфраструктуру Чили. Стоит также упомянуть, что китайская компания Huawei управляет центрами обработки данных в Чили, что расширяет китайское влияние на IT-инфраструктуру в стране [\[44\]](#). Подобное всестороннее проникновение китайских компаний в ключевые отрасли Аргентины и Чили может создать угрозу экономикам этих стран, в том случае, если они предпримут действия, затрагивающие китайские интересы в регионе. Этот факт подчеркивает необходимость проявления осторожности и регулирования деятельности китайских компаний в стратегических сферах Чили и Аргентины, чтобы обеспечить национальную безопасность и защиту их интересов.

Позиция США и их союзников

Тем не менее, по совокупному объему прямых иностранных инвестиций в Чили Китай существенно уступает Канаде и США [\[45\]](#). В Чили на каждую из этих стран приходится почти вдвое больше общего объема прямых иностранных инвестиций, чем на Китай. В 2023 г. совместная доля ПИИ в Чили из Канады и США составляла 24,1%, при этом самая большая доля в 26% зафиксирована в секторе добычи полезных ископаемых, что указывает на большую заинтересованность США и Канады в отношении добывающей отрасли Чили [\[46\]](#). По данным посольства США в Чили, США в настоящее время являются основным экспортным направлением для малых и средних компаний Чили. Согласно данным InvestChile — чилийского правительственного агентства, ответственного за привлечение инвестиций в страну, в 2023 г. США реализовали 50 различных энергетических инициатив в Чили, инвестировав в эту отрасль порядка 6,4 млрд долл. [\[47\]](#). Помимо энергетики и традиционного сектора горнодобывающей промышленности, где американские компании прочно обосновались, американские фирмы продвигают инновации в таких секторах, как телекоммуникации, технологии и логистика.

С Аргентиной ситуация аналогичная. 22 августа 2024 г. США и Аргентина подписали меморандум о взаимопонимании, направленный на увеличение инвестиций в горнодобывающую промышленность [\[48\]](#). Основными горнодобывающими проектами, финансируемыми Соединенными Штатами, являются: проект эксплуатации месторождений в аргентинской части экорегиона Puna (серебро, свинец и цинк), проект Salar de Arizoro (литий), проект El Kevar (серебро), проект Fenix (литий), проект Kachi (литий), проект Cerro Negro (золото). Кроме того, в Аргентине ведут бизнес около 300 американских компаний [\[49\]](#), некоторые из которых существуют уже более века. Соответственно, они имеют определенный вес при принятии решений, влияющих на бизнес в стране. При этом США являются самым крупным инвестором в Аргентине, в 2023 г. на Соединенные Штаты пришлось 18,7% всех прямых иностранных инвестиций в страну [\[50\]](#), основными направлениями инвестиций были производство и добыча полезных ископаемых. Это указывает на сильную заинтересованность США в том, какие решения Аргентина принимает в этих секторах, в том числе и в сфере добычи лития.

Таким образом, можно утверждать, что США прочно укоренились в экономике Чили и Аргентины. В то же время основу их интереса составляют именно добывающие отрасли стран Латинской Америки. Соответственно, масштабные процессы национализации литейной промышленности напрямую задевали бы интересы Вашингтона в регионе.

Официальная позиция США относительно национализации литейной промышленности в Чили и Аргентине не отличается четкостью и постоянством. Стратегию Вашингтона можно охарактеризовать следующим образом: Штаты не намерены оказывать давление на местные правительства, в частности правительство Чили, с целью заморозить национализацию литейной промышленности в стране на как можно большее время. Напротив, американские компании выбрали путь не конфронтации с властями, а создания для себя наиболее благоприятных условий при проведении процесса национализации. Подобные намерения подтвердились на встрече представителей Чилийского государственного управления развития Corfo и американской горнодобывающей компании Albemarle [\[51\]](#). Предварительно стороны договорились о том, что добыча будет вестись американской компанией по договорам аренды, в то же время Corfo выступит в качестве владельца горнодобывающих объектов.

Геополитические события, происходящие в последние несколько лет, связанные с СВО на Украине и усилением напряженности в Тайваньском проливе, отвлекают на себя основное внимание США и ЕС, которые на данном этапе не обладают ресурсами, чтобы вести ценовую войну на рынке лития. Кроме того, любые проблемы, которые испытывают международные компании в литейном треугольнике, повышают инвестиционную привлекательность другого важного игрока на рынке — Австралии и ее месторождений, так как 52% мирового лития поступает именно из этой страны [\[52\]](#) и ожидается, что ее доходы от экспорта этого товара достигнут значения более 19 млрд [\[53\]](#) австралийских долл. к 2028 г. При этом США и Австралия крайне заинтересованы в существенном экономическом ослаблении Китая и создании проблем для его экспортной промышленности, в которой литий играет большую роль. Соответственно страны Латинской Америки вряд ли будут испытывать давление со стороны вышеперечисленных временных соперников КНР при реализации планов национализации, которые могут оказать неоднозначное воздействие на деятельность китайских компаний.

Заключение

Сегодня литий считается критически важным ресурсом. Почти 60% его запасов сосредоточены на территории, охватывающей часть Аргентины, Чили и Боливии, известной как «литейный треугольник». Китайская народная республика стремится максимально укрепить свое влияние на мировом рынке этого металла, расширяя деятельность своих добывающих компаний в зарубежных странах и приобретая доли в национальных компаниях. Тем не менее, в последнее время в Чили и Аргентине наметились тенденции к национализации литейной промышленности, что создало определенные угрозы для китайских интересов. Хотя Боливии удалось реализовать свои планы по национализации, в Чили и Аргентине подобные инициативы встретили сопротивление как со стороны бизнес-ассоциаций, так и оппозиционных сил в представительных органах стран. Подобное положение дел не позволяет говорить об однозначности сценария национализации литейной промышленности в этих странах. Одной из возможных причин существования в странах политических сил, ставящих под сомнение необходимость национализации литейной промышленности, является всеобъемлющее экономическое давление, которое КНР может оказать на Аргентину и Чили. Подобное влияние Пекина обусловлено его невероятно глубоким проникновением

в экономики этих стран, за счет доминирования в структуре импорта и экспорта Аргентины и Чили, наличия в этих странах огромного количества инвестиционных проектов во всех стратегических сферах их экономик, а также расширяющегося объема предоставляемых кредитов этим странам. Например, согласно данным аргентинского правительства, в период с 2020 по 2023 гг. китайские компании вложили 3,2 млрд долл. в горнодобывающие проекты, в том числе семь литевых, что почти в два раза больше, чем американские фирмы, которые поддержали всего три литевых проекта [54]. Более того, китайские инвестиции полностью окупались. Так, в 2023 г. 43% экспорта лития из Аргентины пришлось на Китай, а 11% — на США [55].

Однако избрание президентом Хавьера Милея ознаменовало сдвиг во внешней политики Аргентины – от развития тесных связей с Китаем, к сближению с США. Так, во время визита в Аргентину в феврале 2024 года госсекретарь Энтони Блинкен заявил, что США видят «чрезвычайную инвестиционную возможность» [56] в стране, назвав литий ключевой областью для американских инвестиций. Более того, американский предприниматель Илон Маск, который стремится обеспечить поставки лития для производства аккумуляторов для своих электромобилей, публично поддерживает президента в своих публикациях в соцсети X. Правительство США продолжает выражать обеспокоенность по поводу деятельности Китая на их «заднем дворе». В своем выступлении перед Атлантическим советом (Atlantic Council) генерал Лора Ричардсон, высокопоставленный представитель американской армии в Южной и Центральной Америке, отметила стремление США к усилению инвестиций в литий в регионе. Ее слова прозвучали на фоне «стратегической конкуренции» с Китаем, и она подчеркнула необходимость «вытеснения конкурентов» с этого рынка [57].

В то же время Китай продолжает наращивать свой портфель литевых инвестиций в проекты по всей стране и за ее пределами (в Чили и Боливии), укрепляя свои позиции в качестве ключевого торгового и финансового партнера.

Перспективы национализации литевой промышленности в Аргентине и Чили остаются неоднозначными. С одной стороны, национализация может отпугнуть иностранных инвесторов и свести на нет процесс привлечения необходимых инвестиций. С другой стороны, национализация может стать ответом на усиление китайского влияния в сфере добычи лития, что станет толчком для создания платформы по согласованию политики стран-экспортеров лития. Такой союз может укрепить позиции стран Латинской Америки на глобальном рынке лития и позволить им контролировать цены и объемы экспорта. Таким образом, итоговый результат национализации будет зависеть как от складывающейся международной обстановки, так и от степени подготовки экономик Аргентины и Чили к подобным радикальным переменам.

Библиография

1. S&P Global Commodity Insights Launches First-of-Type Daily US Lithium Carbonate Price Assessments [Электронный ресурс] // S&P. URL: <https://press.spglobal.com/2024-02-05-S-P-Global-Commodity-Insights-Launches-First-of-Type-Daily-US-Lithium-Carbonate-Price-Assessments> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Истратова К. Литий в России: как будет развиваться рынок? // Добывающая промышленность. 2024. № 2. С. 98-100.
3. Электромобили (мировой рынок) [Электронный ресурс] // TADVISER. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B>

- 1%D0%B8%D0%BB%D1%8B_(%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA) (дата обращения: 20.10.2024).
4. Visualized: Renewable Energy Capacity Through Time (2000-2023) [Электронный ресурс] // Visual Capitalist. URL: <https://www.visualcapitalist.com/sp/visualized-renewable-energy-capacity-through-time-2000-2023/> (дата обращения: 20.10.2024).
5. Investing in Lithium in Bolivia [Электронный ресурс] // Dentons. URL: <https://www.dentons.com/en/insights/articles/2023/november/28/investing-in-lithium-in-bolivia#footnote6> (дата обращения: 20.10.2024).
6. Разменная монета: борьба за литий меняет власть в Боливии [Электронный ресурс] // Репост. URL: <https://repost.press/news/razmennaya-moneta-borba-za-litij-menyaet-vlast-v-bolivii> (дата обращения: 20.10.2024).
7. Официальный веб-сайт YLB. [Сайт]. URL: <https://www.ylb.gob.bo/acerca> (дата обращения: 10.09.2024).
8. Mineral Commodity Summaries 2024 [Электронный ресурс] // USGS. URL: <https://pubs.usgs.gov/publication/mcs2024> (дата обращения: 10.09.2024).
9. Who controls Argentina's lithium? [Электронный ресурс] // Dialogue.Earth. 9 апреля 2024 г. URL: <https://dialogue.earth/en/business/392580-who-controls-argentinas-lithium/> (дата обращения: 10.09.2024).
10. Официальный веб-сайт Ganfeng lithium. [Сайт]. URL: https://www.ganfenglithium.com/about1_en.html (дата обращения 10.09.2024).
11. Argentina says Chinese miner latest to bet big on lithium riches [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/argentina-lithium/argentina-says-chinese-miner-to-invest-1-7-billion-in-lithium-projects-idUSKBN2XM1SU/> (дата обращения: 10.09.2024).
12. Tibet Summit Resources Officially Starts Construction of a Lithium Carbonate Project with Capacity of 50,000 mt/year in Argentina [Электронный ресурс] // News.metal. URL: <https://news.metal.com/newscontent/101759139/tibet-summit-resources-officially-starts-construction-of-a-lithium-carbonate-project-with-capacity-of-50000-mtyear-in-argentina4> (дата обращения: 10.09.2024).
13. Tianqi buys stake in lithium miner SQM from Nutrien for \$4.1 billion [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-chile-tianqi-lithium/tianqi-buys-stake-in-lithium-miner-sqm-from-nutrien-for-4-1-billion-idUSKBN10217F/> (дата обращения: 10.09.2024).
14. ЕУ ждет роста мирового рынка электромобилей в 2024 г. на 22% [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/982967> (дата обращения 10.09.2024).
15. Чили: литий - государству [Электронный ресурс] // Инфотэк. URL: <https://itek.ru/analytics/chili-litij-gosudarstvu/?ysclid=m2oaol68zh643464758> (дата обращения: 10.09.2024).
16. La absurda nacionalización del litio chileno [Электронный ресурс] // Elconfidencial. URL: https://blogs.elconfidencial.com/economia/laissez-faire/2023-04-24/absurda-nacionalizacion-del-litio-chileno_3616602 (дата обращения: 15.09.2024).
17. Marcela Hernando: Estrategia nacional del litio de Chile "no es una nacionalización" [Электронный ресурс] // Bloomberg linea. URL: <https://www.bloomberglinea.com/latinoamerica/chile/marcela-hernando-estrategia-nacional-del-litio-de-chile-no-es-una-nacionalizacion/> (дата обращения: 15.09.2024).
18. Президент Чили анонсировал национализацию производства лития [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/488168-prezident-cili-anonsiroval-nacionalizaciu-proizvodstva-litia?ysclid=m2oatsvws6491634648> (дата обращения: 15.09.2024).

19. Крупнейший литиевый производитель Albemarle близок к покупке австралийской Liontown за \$4,3 млрд [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6197283?ysclid=m2objysruj772989924> (дата обращения: 15.09.2024).
20. Литий поддержал аргентинский экспорт [Электронный ресурс] // Нефть капитал. URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-03-22/litij-podderzhal-argentinskiy-eksport-2882626> (дата обращения: 15.09.2024).
21. Diputados del Frente de Todos presentaron un proyecto para nacionalizar el litio [Электронный ресурс] // Ambito. URL: <https://www.ambito.com/politica/diputados-del-frente-todos-presentaron-un-proyecto-nacionalizar-el-litio-n5713103> (дата обращения: 15.09.2024).
22. Proyecto de nacionalización del litio en Argentina: en qué consiste, quiénes se oponen y cuáles son sus argumentos [Электронный ресурс] // Interferencia. URL: <https://interferencia.cl/articulos/proyecto-de-nacionalizacion-del-litio-en-argentina-en-que-consiste-quienes-se-oponen-y> (дата обращения: 15.09.2024).
23. Litio: rechazan la nacionalización y comienza a operar el tercer proyecto del país [Электронный ресурс] // Ambito. URL: <https://www.ambito.com/energia/litio-rechazan-la-nacionalizacion-y-comienza-operar-el-tercer-proyecto-del-pais-n5717136> (дата обращения: 15.09.2024).
24. Nacionalización del litio en Chile: cómo impacta en Argentina [Электронный ресурс] // Pagina12. URL: <https://www.pagina12.com.ar/543346-nacionalizacion-del-litio-en-chile-como-impacta-en-argentina> (дата обращения: 20.09.2024).
25. Lithium Argentina Announces Ganfeng Lithium Agrees to Acquire Interest in Pastos Grandes for \$70M [Электронный ресурс] // Lithium-Argentina. URL: <https://lithium-argentina.com/investor-relations/investor-news/news-details/2024/Lithium-Argentina-Announces-Ganfeng-Lithium-Agrees-to-Acquire-Interest-in-Pastos-Grandes-for-70M/default.aspx> (дата обращения: 20.09.2024).
26. Национализация в Боливии [Электронный ресурс] // Геополитика. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/nacionalizaciya-v-bolivii?ysclid=m2obmp75qk214275873> (дата обращения: 20.09.2024).
27. Argentina's Top Trading Partners [Электронный ресурс] // World's Top Exports. URL: <https://www.worldstopexports.com/argentinas-top-15-import-partners/> (дата обращения: 21.10.2024).
28. Argentina | Imports and Exports | [Электронный ресурс] // TrendEconomy. URL: <https://trendeconomy.com/data/h2/Argentina/TOTAL> (дата обращения: 21.10.2024).
29. Инфляция в Аргентине с начала 2024 года превысила 90% [Электронный ресурс] // ТАСС. 19 сентября 2024 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21841823> (дата обращения: 21.10.2021).
30. Рост цен в Аргентине вновь начал ускоряться [Электронный ресурс] // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2024/09/12/inflyatsiya-v-argentine-vnov-nachala-uskoryatsya/> (дата обращения: 21.10.2021).
31. Аргентина объявляет о 50% девальвации своей валюты в рамках шоковых экономических мер [Электронный ресурс] // ФИНАМ. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/argentina-obyavlyayet-o-50-devalvatsii-svoey-valuty-v-ramkakh-shokovykh-ekonomicheskikh-mer-20231213-0907/> (дата обращения: 21.10.2021).
32. China's Growing Influence in Latin America [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-influence-latin-america-argentina-brazil-venezuela-security-energy-bri> (дата обращения: 21.10.2024).
33. Index of Economic Freedom [Электронный ресурс] // Heritage Foundation. URL:

- <https://www.heritage.org/index/pages/all-country-scores> (дата обращения: 21.10.2021).
34. Китай потратил \$104 млрд за пять лет на кредиты для спасения своих должников [Электронный ресурс] // Ведомости. 29 марта 2023 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/29/968516-kitai-potratil-104-mlrd-na-kredit-dlya-spaseniya-svoih-dolzhnikov> (дата обращения: 21.10.2024).
35. Как устроена экономика Аргентины [Электронный ресурс] // FinEx ETF. URL: https://finex.blog/kak_ustroena_ekonomika_argentiny/ (дата обращения: 21.10.2021).
36. Всемирный Банк [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 21.10.2021).
37. Аргентина просит Китай полностью профинансировать строительство АЭС с реактором "Хуалун1" [Электронный ресурс] // Страна РОСАТОМ. URL: <https://strana-rosatom.ru/2022/04/08/argentina-prosit-kitaj-polnostju-pro/> (дата обращения: 21.10.2024).
38. Feeling The Stones: Chinese Development Finance To Latin America And The Caribbean, 2023 [Электронный ресурс] // THE DIALOGUE. URL: <https://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2024/06/Chinese-Development-Finance-in-Latin-America-and-the-Caribbean-2023-Update-Final.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).
39. Межамериканский Банк Развития [сайт]. URL: <https://www.iadb.org/en/project-search> (дата обращения: 21.10.2024).
40. Top 10 PV module suppliers in 2022 shipped 245GW [Электронный ресурс] // PVTECH. URL: <https://www.pv-tech.org/top-10-pv-module-suppliers-in-2022-shipped-245gw/> (дата обращения: 21.10.2024).
41. Chinese-built solar park launches commercial operations in Argentina [Электронный ресурс] // XINHUANET. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/28/c_139402962.htm (дата обращения: 21.10.2024).
42. China's Ganfeng Lithium to buy Lithea for \$962m [Электронный ресурс] // Mining Weekly. URL: <https://www.miningweekly.com/article/chinas-ganfeng-lithium-to-buy-lithea-for-962m-2022-07-11> (дата обращения: 21.10.2024).
43. "NEW INFRASTRUCTURE" Emerging Trends in Chinese Foreign Direct Investment in Latin America and the Caribbean [Электронный ресурс] // The Dialogue. URL: <https://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2024/01/Emerging-Trends-in-Chinese-Foreign-Direct-Investment-in-LAC.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).
44. Покупка Китаем акций SQM в Чили вызвала сомнения относительно перспектив цен на литий [Электронный ресурс] // LARGE. URL: <https://ru.large.net/news/6pu43mh.html> (дата обращения: 21.10.2024).
45. Huawei to build second data center in Santiago, Chile [Электронный ресурс] // Data Center Dynamics. URL: <https://www.datacenterdynamics.com/en/news/huawei-build-second-data-center-santiago-chile/> (дата обращения: 22.10.2024).
46. Chile: Foreign investment [Электронный ресурс] // Santander | Trade Markets. URL: <https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/chile/foreign-investment> (дата обращения: 21.10.2024).
47. Argentina: Foreign investment [Электронный ресурс] // Santander | Trade Markets. URL: <https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/chile/foreign-investment> (дата обращения: 21.10.2024).
48. Global Miami [Электронный ресурс] // Chile/USA Trade and Investment 2024. URL: <https://globalmiamimagazine.com/2024/05/13/chile-usa-trade-and-investment-2024/> (дата обращения: 21.10.2024).
49. Государственный Департамент США [сайт]. URL: <https://www.state.gov/the-united-states-of-america-and-the-argentine-republic-sign-memorandum-of-understanding-to-strengthen-cooperation-on-critical-minerals/> (дата обращения: 21.10.2024).
50. Infortal Worldwide Company [сайт]. URL: <https://infortal.com/latin-america-open-for->

business-argentina-chile-mexico/ (дата обращения: 21.10.2024).

51. Argentina: Foreign investment [Электронный ресурс] // Santander | Trade markets. URL: <https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/argentina/foreign-investment> (дата обращения: 21.10.2024).

52. Chile, US miner Albemarle hold talks on lithium nationalization plan [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/chile-us-miner-albemarle-hold-talks-lithium-nationalization-plan-2023-04-25/> (дата обращения: 22.10.2024).

53. Геополитика лития [Электронный ресурс] // Геополитика. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/geopolitika-litiya> (дата обращения: 22.10.2024).

54. Australia sees lithium exports matching thermal coal by 2028 [Электронный ресурс] // Minnng.com. URL: <https://www.mining.com/web/australia-sees-lithium-exports-matching-thermal-coal-by-2028/> (дата обращения: 22.10.2024).

55. Lithium tug of war: the US-China rivalry for Argentina's white gold [Электронный ресурс] // Clean Energy Frontier. URL: <https://cleanenergyfrontier.climatechangenews.com/lithium-tug-of-war-the-us-china-rivalry-for-argentinass-white-gold/> (дата обращения: 20.09.2024).

56. Secretary Antony J. Blinken And Argentine Foreign Minister Diana Mondino At a Joint Press Availability [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-argentine-foreign-minister-diana-mondino-at-a-joint-press-availability/> (дата обращения: 20.10.2024).

57. A conversation with General Laura J. Richardson on security across the Americas [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S2ry5XI7AhM> (дата обращения: 20.10.2024). ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Тенденция к национализации литиевой промышленности, как угроза китайским компаниям, ведущим свою деятельность в Аргентине и Чили", опубликованная в журнале "Мировая политика", представляет собой актуальное и глубокое исследование, касающееся быстро меняющегося ландшафта литиевой индустрии в Латинской Америке. Основная целевая исследовательская установка работы заключается в анализе влияния национализации на китайские компании, занимающиеся добычей лития в Аргентине и Чили, что является важной темой в контексте глобального спроса на литий и его стратегической значимости для производства аккумуляторов, особенно в свете роста электромобилей.

Автор статьи использует комплексный подход, комбинируя количественные данные и качественные исследования, что позволяет ему более полно охватить тему. Методология включает в себя анализ экономических и политических факторов, влияющих на литиевую промышленность, в том числе с точки зрения ретроспективного метода и анализа исторического контекста, что делает исследование многослойным и информативным. Основные задачи статьи заключаются в выявлении тенденций к национализации, оценке экономического давления со стороны Китая и анализе реакции правительств Аргентины и Чили на эти вызовы.

Статья подчеркивает, что в условиях растущего спроса на литий, вызванного переходом к экологически чистым технологиям, страны Латинской Америки начинают осознавать свою стратегическую важность как поставщиков этого ресурса. Однако, несмотря на

положительные аспекты, такие как возможность создания "литиевого ОПЕК" и укрепление позиций стран-экспортеров, автор справедливо указывает на потенциальные риски, связанные с национализацией. Например, неопытность государственных компаний в управлении литиевыми проектами может привести к снижению эффективности их работы.

Критические замечания касаются недостаточной проработки некоторых аспектов, таких как возможные альтернативы для иностранных инвесторов в условиях растущего национализма. Хотя статья хорошо освещает текущие события и их последствия, детальный анализ потенциальных сценариев развития ситуации в случае успешной реализации национализации усилил бы ее прикладную значимость и научную новизну.

Основные результаты исследования показывают, что, несмотря на существующие угрозы для китайских компаний, таких как планы по национализации в Чили и Аргентине, существует множество факторов, которые могут смягчить эти риски. Статья предлагает интересные перспективы по поводу будущего литиевой индустрии в Латинской Америке, подчеркивая необходимость сбалансированного подхода к национальным интересам и иностранным инвестициям.

Список литературы представлен достаточно большим списком зарубежных и российских источников, что подтверждает комплексный подход к изучению национализации в области литиевой промышленности в странах Латинской Америки.

В заключение, работа является значимым вкладом в изучение литиевой экономики и ее влияния на международные отношения, и, несмотря на некоторые недочеты, предоставляет ценную информацию для исследователей и практиков в данной области. Статья вызывает интерес и дает возможность для дальнейших исследований в этой динамично развивающейся области, поэтому она может быть опубликована в журнале «Мировая политика».

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Рахимов К.Х., Нгуен Ч., Чан Т. Перспективы экономического сотрудничества Китая и Афганистана после вывода войск США // Мировая политика. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.2.74294 EDN: HJFATH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74294

Перспективы экономического сотрудничества Китая и Афганистана после вывода войск США

Рахимов Комрон Хакимджонович

ORCID: 0000-0003-2771-1817

кандидат исторических наук

старший преподаватель; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ rahimov_k93@mail.ru

Нгуен Чи Зунг

студент; кафедра Теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ tridung156@gmail.com

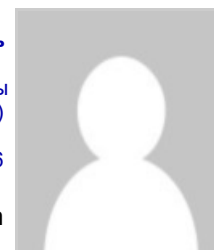

Чан Тхи Ми Хань

студент; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ tranmyhanh2812@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные экономические отношения"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.74294

EDN:

HJFATH

Дата направления статьи в редакцию:

01-05-2025

Дата публикации:

13-05-2025

Аннотация: Данная статья посвящена комплексному анализу трансформации и перспектив экономического сотрудничества Китая и Афганистана в контексте вывода войск США в 2021 году. В центре внимания находятся три ключевые кластера: (1) транспортно-логистические проекты — развитие железнодорожных и автодорожных коридоров, в том числе линия Китай–Афганистан и расширение Китайско-Пакистанского экономического коридора; (2) инфраструктурные инициативы — строительство энергетических объектов (TAPI, CASA-1000, ЛЭП 500 кВ), волоконно-оптических сетей и цифрового «Шёлкового пути»; (3) горнодобывающие соглашения — переговоры и контракты на разработку месторождений меди (Мес-Айнак), лития и нефти (бассейн Амударьи). Цель данной статьи состоит в том, чтобы всесторонне оценить осуществимость экономических инициатив сотрудничества между двумя государствами как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Теоретико-методологическая основа исследования опирается на теории международных отношений, в частности либерализма. Данная теория применяется для объяснения того, каким образом экономические инициативы и модели двустороннего и многостороннего сотрудничества могут способствовать миру и стабильности в регионе. Результаты работы демонстрируют, что после ухода США Китай активизировал дипломатическую и экономическую деятельность, предоставил гуманитарную помощь, поддержал реализацию проектов «Пояса и пути» и Китайско-Пакистанского экономического коридора, а также возобновил соглашения по разработке месторождений меди, лития и нефти. При этом объёмы двусторонней торговли выросли, а новые транспортные маршруты способствуют сокращению логистических затрат. Основными препятствиями являются политическая нестабильность, угрозы безопасности (теракты ИГИЛ-Х), дефицит инфраструктуры и квалифицированных кадров. Научная новизна исследования заключается в систематизации и глубоком анализе государственно-политических мер, экономических показателей и механизмов сотрудничества между Китаем и Афганистаном с целью уточнения перспектив их экономического взаимодействия. Новые политические события в Афганистане после вывода войск США в 2021 г. создают насущную потребность в комплексном исследовании, оценивающем практическую осуществимость двустороннего экономического сотрудничества. Результаты исследования могут быть использованы для формирования стратегий международных организаций и инвесторов, а также для разработки механизмов мониторинга и оценки инвестиционных проектов.

Ключевые слова:

Экономическое сотрудничество, Вывод войск США, Китайско-афганские отношения, ИПП, К П Э К, Инфраструктурные проекты, Минеральные ресурсы, Талибан, Региональная интеграция, Геополитика

Введение

Афганистан, благодаря своему уникальному географическому положению между Южной Азией, Центральной Азией, Ближним Востоком и Восточной Африкой, занимает стратегическое место в региональной геополитике и торговле. Хотя страна богата природными ресурсами, для её экономического развития и интеграции в мировую экономику серьёзным препятствием стали постоянные войны и политическая

нестабильность.

В 2021 г. после вывода войск США образовался значительный вакуум власти, что усилило интерес Китая к участию в восстановлении инфраструктуры и оживлению экономики Афганистана. По мнению А. Дкхара и соавторов, Пекин пересматривает значение Афганистана для Инициативы «Пояс и путь». Участие Афганистана даёт Китаю самый короткий маршрут в страны Западной Азии, Ближнего Востока и Восточной Африки [\[13, с. 169\]](#). В то же время, как отмечают Д. Каньон и С. Ситароман, действия Китая преследуют не только экономические цели. Они направлены также на сокращение влияния США, сдерживание радикального ислама и укрепление глобальных амбиций по обеспечению безопасности [\[8, с. 1\]](#).

В настоящее время академические исследования и политические доклады, посвящённые экономическому сотрудничеству Китая и Афганистана после ухода США, остаются ограниченными. Данное исследование ставит своей задачей оценить экономические, политические факторы, влияющие на двусторонние отношения, а также выявить возможности и препятствия для долгосрочного партнёрства.

Контекст экономического сотрудничества Китая с Афганистаном

Исторически Афганистан занимал низкий приоритет в дипломатической повестке Китая. В 1955 году правительство Афганистана во главе с Захиром Шахом признало легитимность Китайской Народной Республики, несмотря на существенные экономические и социальные различия между двумя странами. Стороны поддерживали двусторонние отношения на доброжелательной основе, в духе Пяти принципов мирного сосуществования, провозглашённых Пекином, что выразилось в подписании Договора о дружбе и ненападении в 1960 году [\[20, с. 47\]](#). На тот момент приоритетом КНР оставалась безопасность коридора Вахан — узкого участка границы протяжённостью всего 92 км, но имеющего стратегическое значение в контексте политики Пекина по отношению к уйгурским сепаратистским движениям в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [\[23, с. 3292–3293\]](#).

С 1950-х по 1980-е годы Афганистан находился в сфере влияния Советского Союза, что отражало его роль в системе соперничества великих держав в период холодной войны. Впоследствии страна погрузилась в продолжительную нестабильность, включавшую советское военное вмешательство и последующее правление Талибана*. Эта затяжная нестабильность объясняет, почему КНР проводил политику минимального вовлечения, основанную на двух опорах — экономической и дипломатической [\[9, с. 8\]](#). Учитывая значительное военное присутствие США в Афганистане, Пекин продолжал придерживаться осторожного подхода. Переломным моментом стал 2014 год, когда министр иностранных дел КНР Ван И совершил первый официальный визит в Кабул. Этот визит ознаменовал начало нового этапа, в ходе которого КНР стал играть более активную роль в афганских делах [\[22, с. 47\]](#).

С августа 2021 года, после вывода войск США и возвращения движения Талибан* к власти, КНР смог сформировать определенное влияние на новый режим. Пекин не выступил с осуждением Талибана* и сохранил свое дипломатическое представительство в Кабуле. Политическая изоляция и прекращение внешней помощи привели к тому, что поддержка со стороны Китая приобрела критически важное значение для функционирования режима Талибана*.

На международных площадках Пекин также высказывался в поддержку Афганистана, призывая к возобновлению помощи и снятию санкций. Спустя несколько месяцев после возвращения Талибана* к власти, между двумя странами были возобновлены соглашения по ряду проектов, реализация которых не была завершена при предыдущем правительстве, включая проект «Мес-Айнак» и разработку месторождений в бассейне Амударьи, а также новые проекты по добыче лития. Китайский частный сектор также демонстрирует активный подход к взаимодействию с афганскими секторами сельского хозяйства и инфраструктуры [\[20, с. 21\]](#).

Экономика Афганистана в указанный период резко сократилась: ВВП снизился на 20 % в 2021 году и, по оценкам, на 30–35 % в 2022 году вследствие затяжного конфликта, природных бедствий и глобального продовольственного кризиса [\[24, с. 121\]](#). При поддержке Пакистана и других региональных держав Китай выдвинул план восстановления, основанный на принципе «во главе — Афганистан, в интересах — Афганистан». В свою очередь Талибан* заявил, что рассматривает Китай как дружественное государство и приветствует китайские инвестиции в реконструкцию страны [\[22, с. 46; 17, с. 77\]](#).

Пекин предоставил экстренную гуманитарную помощь на сумму около 31 млн долл. США; данный шаг подчеркнул его значение как важного экономического и гуманитарного партнёра в процессе восстановления страны [\[17, с. 83\]](#). На фоне прекращения или сокращения взаимодействия со стороны многих государств, двусторонняя торговля между Китаем и Афганистаном не только не сократилась, но и продемонстрировала заметный рост. Наблюдалась тенденция к увеличению объёмов экспорта Китая в Афганистан (см. рис. 1) [\[11\]](#).

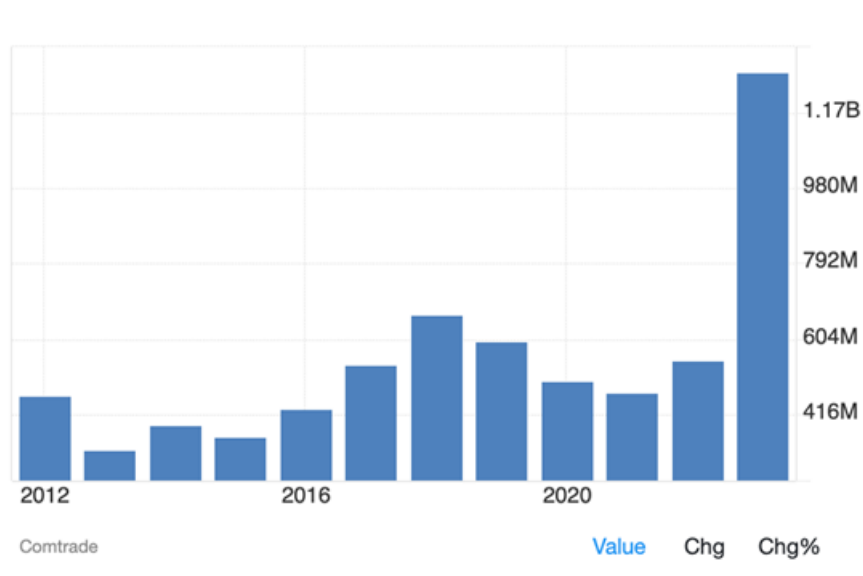

Рис. 1. Китай экспортирует в Афганистан (2012–2024) (Валюта, используемая в таблице — доллары США) [\[11\]](#).

В 2023 году афганский экспорт в Китай составил 63,9 млн долл. США. В свою очередь китайский экспорт в Афганистан достиг 962 млн долл. США (в 15 раз больше), главным образом за счёт синтетических волокнистых тканей стоимостью 141 млн долл. США [\[10\]](#). Импорт дешёвых товаров из Китая создаёт риск снижения производственных мощностей Афганистана и дальнейшего ухудшения торгового баланса. Кроме того, с 1 декабря 2022 года Китай отменил пошлины для 98 наименований афганского импорта [\[3\]](#). Эта мера

непосредственно сокращает издержки афганских экспортёров, способствует росту их доходов и поддерживает восстановление внутренней экономики.

Интенсификацию двусторонних отношений между Афганистаном и Китаем можно объяснить несколькими ключевыми причинами. Во-первых, в условиях тяжелейшего внутривнутриполитического и экономического кризиса, Талибан* остро нуждается во внешней финансовой поддержке. Во-вторых, тесные связи между Исламабадом и Талибаном* предоставляют Пекину определённые гарантии в сфере безопасности. В-третьих, для Афганистана важным стимулом является возможность подключения к КПЭК, что открывает перспективы для более широкого доступа к мировым товарным рынкам.

В настоящее время между Китаем и Афганистаном существуют значительные перспективы экономического сотрудничества как в двустороннем, так и в многостороннем форматах. Во-первых, Афганистан занимает центральное географическое положение на стыке Южной и Центральной, а также Восточной и Западной Азии. Во-вторых, страна обладает богатыми природными ресурсами, которые вследствие продолжительных военных действий до сих пор не были разведаны и освоены [\[1, с. 229-230; 2, с. 152\]](#). Первоначально, из-за затяжного конфликта, Афганистан не был включён в Инициативу «Пояс и путь». Тем не менее, Пекин часто активно выступает за официальное присоединение Афганистана к этой инициативе ввиду его ключевой роли в связывании китайского рынка с остальной Азией, Европой и Восточной Африкой [\[13, с. 169\]](#).

Перспективы интеграции в рамках Инициативы «Пояс и путь»

В то время как Инициатива «Пояс и путь» (далее - ИПП) изначально была ориентирована на страны Центральной Азии и Пакистан, Афганистан приобретает всё большее стратегическое значение благодаря своему положению на пересечении Центральной и Южной Азии. Будучи наиболее коротким маршрутом из Китая в страны Ближнего Востока и Южной Азии, Афганистан обладает значительным потенциалом для эффективной транспортировки грузов и энергоресурсов [\[19, с. 14\]](#).

Правительство Талибана* рассматривает ИПП как возможность для модернизации транспортной и энергетической инфраструктуры, а также для интеграции в глобальные торговые сети. Инвестиции в Афганистан способны улучшить логистику и транспорт, стимулировать внешнюю торговлю, создавать новые рабочие места и привлекать иностранный капитал, что является ключевым фактором для восстановления экономики страны [\[6, с. 120\]](#).

Стартовой вехой на пути интеграции Афганистана в Инициативу «Пояс и путь» стало подписание в мае 2016 г. «Меморандума о запуске проектов ИПП» между КНР и Афганистаном. В августе того же года была введена в эксплуатацию первая железнодорожная линия Китай—Афганистан, впервые соединившая две страны напрямую, без участия Пакистана. Проект стартовал с отправки первого грузового поезда из Афганистана в Китай и в настоящее время расширяется: ведутся подготовительные работы по восстановлению участка Шер-Хан—Герат [\[15, с. 21\]](#).

Более глубокий анализ свидетельствует о том, что Афганистан может выступить недостающим звеном в сети ИПП. Завершение автомобильной трассы Пешавар—Кабул позволит сократить сухопутный маршрут из Китая в регионы Ближнего Востока и Индии. Формирование транспортного коридора через Пакистан, Афганистан и страны Центральной Азии станет стратегическим шагом для Китая, однако его реализация

потребуется эффективного сотрудничества с властями Талибана*. Особенно примечателен экспериментальный маршрут «Китай—Афганистан» (см. рис. 2), открытый в сентябре 2022 г. в рамках проекта ККУЖД (Китай—Киргизия—Узбекистан). Время в пути по этому маршруту сократилось до двух недель, а грузоподъёмность одного поезда достигает 5 000 контейнеров [4, с. 61–62].

Figure 3: Sino-Afghan railway.

Source: Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan: Annual Review 2017, p. 18.

Рис. 2. Китайско-афганская железная дорога [18].

В настоящее время Афганистан обладает потенциалом стать важным транзитным узлом в трёх ключевых сферах: в грузовых перевозках — за счёт реализации проекта «Железная дорога пяти наций» (см. рис. 3); в энергетике — благодаря предложенным инициативам, таким как трубопровод TAPI, линия электропередачи CASA-1000, ЛЭП 500 кВ в рамках проекта ТАР и гидроэнергетические объекты в бассейне рек Кабул—Кунар; а также в сфере передачи данных — через создание волоконно-оптического «Ваханского коридора», интеграцию в магистраль КПАК и техническую поддержку от концернов ZTE и Huawei для развертывания сетей GSM, 3G и CDMA [19, с. 6]. Особое внимание уделяется проекту «Цифровой Шёлковый путь», призванному превратить Афганистан в межконтинентальный дата-центр, который на данный момент находится на стадии пилотного развёртывания [13, с. 171].

В целом эта многоуровневая инфраструктурная архитектура органично вписывается в «южный пояс» Инициативы «Пояс и путь», связывающий Китай с Юго-Восточной Азией и Индийским океаном, где среди приоритетных проектов наряду с «Железной дорогой пяти государств» выделяются трёхмаршрутный коридор Кундуз—Торкхам и специализированная железнодорожная линия через Хайратон [19, с. 21].

Table 1: Five Nations Railway: Railway projects within Afghanistan.

Source: Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan: Annual Review 2017, p. 21.

#	Railway project	Length (km)	Pre-feasibility study	Feasibility study	Detail design & construction
1	Khaf (Iran)–Herat, fourth section, Phase 1	43	Completed	Completed	Planned
2	Sherkhan Port (border between Kunduz and Tajikistan)–Kunduz–Mazar-e-Sharif (Balkh)	187	Completed	Completed	Planned
3	Mazar-e-Sharif (Balkh)– Sheberghan (Jawozjan)– Andkhoy (Faryab)	220	Completed	Completed	Planned
4	Sheberghan (Jawozjan)– Maimana (Faryab)–Qala-e-Naw (Badghis)–Kushk (Herat)	472	Completed	Ongoing	Planned
5	Khaf–Herat third section	62	Completed	Completed	Ongoing
6	Torghundi (border between Herat and Turkmenistan)–Herat Airport	173	Completed	Completed	Planned

Рис. 3. Железная дорога пяти наций: Железнодорожные проекты с Афганистаном [\[18\]](#).

Перспективы в Экономическом коридоре Китай–Пакистан

Из шести сухопутных коридоров ИПП наиболее заметным и приоритетным является Экономический коридор Китай–Пакистан (далее - КПЭК). Одним из возможных путей интеграции Афганистана является соединение с КПЭК через четыре железнодорожные ветки в провинциях Гельманд, Кандагар, Хост и Нангархар [\[19, с. 3–4\]](#).

С 2013 года Пакистан является главным бенефициаром инвестиций КПЭК. Пекин и Исламабад позиционируют его как двусторонний проект с возможным расширением для третьих стран [\[14, с. 5\]](#). В 2017 году на Китайско–Афгано–Пакистанском диалоге министров иностранных дел КНР предложил включить Афганистан в КПЭК. Однако правительство Афганистана во главе с Ашрафом Гани потребовало от Пакистана наладить транспортное сообщение с Индией. В результате эти разногласия привели к приостановке соответствующих планов расширения проекта [\[24, с. 116–117\]](#).

После вывода войск США Китай быстро наладил контакт с режимом Талибана*. В апреле 2022 года на конференции министров иностранных дел соседних стран Пекин инициировал «Тунсийскую инициативу». В её рамках предлагалось расширить КПЭК и Экономический коридор Китай–Центральная Азия–Западная Азия на Афганистан [\[24, с. 117\]](#).

9 мая 2023 года на трёхсторонней встрече в Исламабаде министры иностранных дел Китая, Пакистана и Афганистана согласовали расширение КПЭК на Афганистан. Они также подтвердили свою поддержку многосторонних инфраструктурных проектов, таких как энергетический проект CASA1000 и Железная дорога через Афганистан. В свою очередь, режим Талибана* положительно воспринял приглашение Китая и Пакистана, расценив его как возможность ускорить восстановление страны и снять её международную изоляцию [\[20, с. 19\]](#).

Для успешной реализации проекта Афганистан должен обеспечить политическую стабильность. Необходима надёжная охрана иностранных инвестиций. Во время визита министра иностранных дел Ван И в марте 2022 года подчёркивалось, что Талибан* должен бороться с такими террористическими группировками, как Исламское движение Восточного Туркестана*. Это важно для создания безопасной среды сотрудничества. Несмотря на обещания, способность Талибана* выполнять эти задачи остаётся ограниченной. Очевидным свидетельством этого стала террористическая атака на один

из отелей Кабула в декабре 2022 г., в результате которой пострадали пять граждан Китая [\[24, с. 122\]](#).

Вступление Афганистана в КПЭК даст ему доступ к рынкам Южной Азии, который снизит затраты на импорт и стимулирует экспорт. В частности, автодорога Пешавар–Кабул позволит снизить логистические затраты при экспорте таких традиционных афганских товаров, как кедровые орехи и шафран. В провинциях Хост и Пактия более 40 000 человек заняты сбором и обработкой кедровых орехов. Связь этой трассы с портом Гвадар уменьшит логистические расходы и повысит объёмы экспорта [\[5, с. 93\]](#).

Интеграция с проектами железных дорог через Гиндукуш может превратить Афганистан в стратегический мост между Центральной Азией, Южной Азией и Западной Азией [\[15, с. 22\]](#). Планируется подключить железную дорогу Карачи–Пешавар к афганской сети. Китайская сторона предложила построить национальную сеть автомобильных дорог в Афганистане, а также реализовать энергетические проекты. Экспортно-импортные операции через порты Гвадар и Карачи будут существенно стимулированы. Трассы Пешавар–Кабул–Таджикистан и Кветта–Герат–Туркменистан включены в план расширения КПЭК [\[5, с. 93\]](#). Все эти инициативы призваны превратить Афганистан в важнейшее звено региональной торговой сети.

Наконец, развертывание оптоволоконного «Цифрового Шёлкового пути» по большей части территории Афганистана в сочетании с КПЭК и сухопутно-железнодорожными маршрутами через регион Залива (Чабахар–Зарандж–Деларам) расширяет влияние Китая. Это ограничивает роль Индии и США в Южной Азии. Данная модель сотрудничества «Китай–Пакистан–Афганистан» рассматривается как стратегический ход Пекина по созданию надёжного постамериканского коридора. [\[8, с. 1-2\]](#).

Минеральный потенциал Афганистана

Афганистан обладает богатыми минеральными ресурсами. Среди них медь, железо, уголь, драгоценные камни, мрамор, литий и углеводороды. Тем не менее, из-за продолжительного вооружённого конфликта большинство из них остаётся неосвоенным. КНР намерена обеспечить доступ к указанным запасам посредством инвестиций в инфраструктурные проекты на территории Афганистана. Данные действия направлены на поддержку индустриализации внутри Китая и установления стабильности в Афганистане [\[16, с. 451\]](#). По оценке, стоимость афганских минеральных ресурсов составляет от 1 до 3 трлн долл. США [\[19, с. 37\]](#). Несмотря на нехватку достоверных данных, этот потенциал привлекает интерес Китая. Следует подчеркнуть, что для Пекина приоритетнее поддерживать стабильность в Афганистане, чем просто добывать ресурсы [\[24, с. 117\]](#).

Месторождение Мес-Айнак, расположенное в 40 км к юго-востоку от Кабула, является вторым по величине медным рудником в мире. В 2008 году Китайская металлургическая корпорация (МСС) и компания Jiangxi Copper были наделены правом разработки данного месторождения. Общий объём инвестиций превысил 3,5 млрд долл. США, а срок действия контракта составил 30 лет. В рамках проекта предусматривалось строительство необходимой инфраструктуры, включая электростанцию и угольное хранилище, а также импорт оборудования, необходимого для ведения горных работ. Тем не менее проект был приостановлен в 2015 году вследствие разногласий по условиям распределения прибыли, снижения мировой цены на медь и обострения ситуации с безопасностью [\[21, с. 69; 6, с. 122\]](#).

Афганистан считается владельцем второго по величине в мире месторождения лития — около 9 млн тонн, наравне с Боливией [\[19, с. 39\]](#). Первичные данные получили советские специалисты в 1980-е годы. В 2010 году исследования армии США подтвердили запасы и оценили их стоимость в 3 трлн долл. США. В начале 2023 года китайская компания Gochin заявила о намерении инвестировать 10 млрд долл. США в добычу лития в Афганистане. В этом же году КНР подписал с Талибаном* контракт на изучение двух перспективных месторождений лития [\[6, с. 123\]](#). Учёт того, что Китай доминирует на мировом рынке электромобилей с долей 73,1 %, делает контроль над поставками лития жизненно важной стратегией [\[12\]](#).

Ещё одним ключевым энергетическим проектом является добыча нефти на территории бассейна Амударьи. В 2012 году лицензия на 25 лет разработки была получена China National Petroleum Corporation (CNPC), однако работы не были начаты из-за проблем с обеспечением безопасности. По предварительным оценкам, запасы нефти в этом регионе составляют около 87 млн баррелей [\[7, с. 134\]](#). После прихода к власти Талибана* усилия по возобновлению проекта активизировались. 5 января 2023 года был подписан инвестиционный контракт между Талибаном* и дочерней компанией CNPC — Xinjiang Central Asia Petroleum and Gas Company (CAPEIC) — на сумму 150 млн долл. США в год в течение трёх лет, с общим объёмом инвестиций до 540 млн долл. США в рамках 25-летнего соглашения. В тот же период был заключён дополнительный контракт на 35 млн долл. США для бурения 18 скважин. В соответствии с достигнутыми договорённостями при выходе на проектную мощность ожидается добыча около 3 000 тонн сырой нефти в день, причём первая скважина на месторождении Кашкари в провинции Сар-э-Пол рассчитана на ежедневный объём добычи 50 тонн [\[6, с. 123\]](#).

Учитывая большие запасы меди, лития и нефти, Афганистан может стать стратегическим центром природных ресурсов в регионе. Однако разработка зависит от двух ключевых факторов: стабильной безопасности и способности выполнять контракты. Хотя Китай наращивает своё присутствие через соглашения с Талибаном*, реальные темпы работ остаются низкими. Это показывает, что Афганистан пока не входит в число приоритетов долгосрочной инвестиционной стратегии Китая

Основные препятствия для сотрудничества

КНР заинтересован в неразработанных ресурсах Афганистана за высокий спрос на минеральное сырьё для поддержания темпов индустриализации. Как было проанализировано выше, в период Афганской Республики Пекин заключал многомиллиардные контракты — в частности, на разработку медного месторождения Айнак в провинции Логар и на добычу нефти в бассейне Амударьи. Однако из-за проблем с безопасностью и политического давления со стороны США эти проекты были приостановлены. После возвращения Исламского Эмирата Афганистана были перезаключены многочисленные горнодобывающие соглашения. Согласно данным исследования А. Аксира и соавтора, около 100 китайских компаний зарегистрировались в Министерстве горнодобывающей промышленности Афганистана и прибыли 500 китайских торговцев для изучения инвестиционных возможностей в горнодобывающую отрасль, что свидетельствует о широком интересе к добыче полезных ископаемых [\[6, с. 125\]](#). С другой стороны, Е. И. Сафронова подчеркнула, что многие китайские компании просто останавливаются на полевых исследованиях и уходят. Такие действия разочаровали чиновников Талибана* [\[4, с. 61\]](#).

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» Афганистан представляет собой потенциально кратчайший сухопутный маршрут, соединяющий Китай с Западной Азией и Европой, в частности через Иран. Предлагаются к реализации такие проекты, как железная дорога Пяти наций [\[6, с. 125\]](#). Следует отметить, что данные инициативы могут рассматриваться как важные шаги в развитии экономического сотрудничества между двумя странами.

Однако инициатива ИПП неоднократно подвергалась критике в связи с рисками вовлечения развивающихся стран в так называемую «долговую ловушку». Характерным примером является Шри-Ланка, вынужденная передать управление портом Хамбантота из-за невозможности обслуживать долг; Джибути также сталкивается с подобными рисками. Помимо этого, крупные инфраструктурные проекты в рамках ИПП сопряжены с потенциальными экологическими и социальными рисками, а также с коррупционными рисками, особенно при отсутствии эффективных механизмов мониторинга и контроля [\[15, с. 23\]](#).

Одной из наиболее серьезных проблем в сфере двустороннего экономического сотрудничества является обеспечение безопасности. Несмотря на установление контроля Талибаном*, насилие в стране продолжается. Группировка «Вилаят Хорасан» (ИГИЛ-Х)* представляет собой серьезную угрозу безопасности, осуществляя многочисленные террористические атаки как на территории Афганистана, так и за его пределами. Согласно данным, приведённым в исследовании Ц. Чжана, в период с августа по декабрь 2021 года ИГИЛ-Х* осуществило 152 нападения, по сравнению с 20 нападениями за аналогичный период предыдущего года. КНР требует от Талибана* гарантий создания безопасной среды для реализации инвестиционных проектов, однако, по состоянию на текущий момент, данные обязательства не выполняются эффективно [\[24, с. 123\]](#).

Ц. Чжан также подчеркнул, что Афганистан испытывает острый дефицит инфраструктуры и человеческих ресурсов. Согласно данным за 2016–2017 гг., лишь 36% населения имели доступ к чистой питьевой воде и 31% – к электроэнергии, при этом основная часть жителей проживала рассредоточенно в сельских районах. Многие транспортные маршруты, такие как Кабул–Майдан-Шар–Гардез, до сих пор не построены из-за недостатка финансирования. Природные катаклизмы в 2022 году нанесли ущерб, оцениваемый в 2 млрд долл. США; одновременно боевики ИГИЛ-Х* разрушили как минимум четыре крупные опоры линий электропередачи, что усугубило нехватку электроэнергии [\[24, с. 124\]](#). Миграционные процессы, высокий уровень безработицы и так называемая «утечка мозгов» затрудняют для Афганистана реализацию потенциала, связанного с международными инициативами.

Тем не менее, следует признать, что формирующиеся отношения не представляют собой равноправного торгового партнерства. Пекин скорее выступает в роли основного инвестора и донора гуманитарной помощи для Афганистана в период после вывода американских войск. Китай приоритетно инвестирует в материальную инфраструктуру – автомагистрали, железные дороги, водные пути, экономические зоны и ресурсные коридоры – с целью обеспечить связь между источниками сырья и экспортными портами, способствуя тем самым повышению эффективности добычи и экспорта. Однако такой подход к инвестированию часто оставляет без внимания развитие человеческого капитала, совершенствование государственного управления и укрепление переговорного потенциала местных органов власти, что повышает уязвимость

Афганистана перед внешним влиянием и манипулированием.

Выводы

Систематизировав и проанализировав соответствующие данные, авторы приходят к выводу, что экономическое сотрудничество между Китаем и Афганистаном является полностью реализуемым и обладает высоким потенциалом. Вывод войск США в 2021 году устранил одно из основных политических препятствий для Пекина и способствовал установлению сравнительно благоприятных отношений с талибами. Это подтверждается серией контрактов на разработку минеральных ресурсов и усилиями Китая по интеграции Афганистана в Инициативу «Пояс и путь». Несмотря на хорошие перспективы, Афганистан сталкивается с нерешёнными проблемами политической нестабильности и угрозами безопасности. Ограниченная инфраструктура и нехватка квалифицированных кадров также сдерживают развитие. Риски, связанные с террористическими атаками и внутренними конфликтами, остаются серьёзным препятствием для иностранных инвестиций. Авторы предлагают следующие меры для повышения реализуемости экономических проектов сотрудничества двух стран:

Во-первых, в качестве ведущей державы в регионе Китай должен проявлять более инициативный подход к афганским проблемам. Вывод войск США убрал главное политическое препятствие для Пекина, но одновременно создал вакуум власти. Китай обязан заполнить этот вакуум посредством гуманитарной и экономической помощи Афганистану. Кроме того, следует развивать «мягкую силу» через культурный, спортивный и образовательный обмен.

Во-вторых, правительство Афганистана должно улучшить внутреннюю обстановку безопасности. Решение этой задачи возможно при участии региональных держав — России, Китая и Пакистана — в рамках таких форматов, как ШОС. Параллельно Талибан* следует разработать более открытые экономические политики для привлечения инвестиций не только из Китая, но и из других стран региона.

В-третьих, Афганистану необходимо сосредоточиться на создании инфраструктурных объектов, привлекательных для иностранных инвестиций: дорог, электросетей, портов, аэропортов и железнодорожных линий, соединяющих страну с соседями. Проекты в рамках Инициативы «Пояс и путь» имеют решающее значение для этой стратегии. По мнению авторов, приоритетным направлением двустороннего сотрудничества должны стать именно инфраструктурные проекты.

В-четвертых, для достижения долгосрочных экономических целей руководству Талибана следует уделить первоочередное внимание развитию кадрового потенциала: повышению профессиональных знаний и навыков, необходимым для эффективного участия в китайских программах. Это подразумевает техническое и профессиональное обучение, высшее образование и академический обмен.

* организация (движение), признанная террористической и запрещенная в Российской Федерации.

Библиография

1. Дьяконова, М. А., Шарипов, Ф. Ф. Афганистан и его роль для России и Китая // Современные востоковедческие исследования. 2022. Т. 4, № 4. С. 146-155. DOI: 10.24412/2686-9675-4-2022-146-155. EDN: SRTXMD.
2. Клименко, А. Ф. Некоторые особенности современной политики Китая в отношении Афганистана // Китай в мировой и региональной политике. История и современность.

2022. Т. 27, № 27. С. 225-239. DOI: 10.48647/IFES.2022.45.24.017. EDN: MLEARX.

3. Начиная с 1 декабря Китай предоставит нулевой тариф на 98% тарифных позиций товаров из 10 стран, включая Афганистан [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/09/content_5725688.htm (дата обращения: 15.04.2025).

4. Сафронова, Е. И. Китай и Афганистан: состояние отношений после вывода войск США // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 56-69. DOI: 10.31857/S013128120023341-6. EDN: IDQYBD.

5. Ши, В. ШОС и инициатива "Пояс и путь": перспектива двойной страховки для Афганистана // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 9. С. 90-98. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-90-98. EDN: XAMUKK.

6. Acxir, A. S., RahmanZai, S. R. Review of Opportunities and Challenges in China-Afghanistan Relations Post-U.S. Withdrawal // Journal of Political Science and International Relations. 2024. Vol. 7, № 4. P. 114-127. DOI: 10.11648/j.jpsir.20240704.14. EDN: CFUJXE.

7. Adam, S., Azhar, A. China's Engagement in Afghanistan: Implications for the Region // Policy Perspectives. 2018. Vol. 15, № 1. P. 127-138.

8. Canyon, D., Sitaraman, S. China's Global Security Aspirations with Afghanistan and the Taliban // Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies. 2020. 4 P.

9. Chene, H. China in Afghanistan: balancing power projection and minimal intervention // Institute of Peace and Conflict Studies. 2015. 22 P.

10. China and Afghanistan's exports [Электронный ресурс]. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/afg/partner/chn> (дата обращения: 15.04.2025).

11. China Exports to Afghanistan. Trading Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports/afghanistan> (дата обращения: 15.04.2025).

12. Countries by share of global BEV and PHEV markets. Autovista24 [Электронный ресурс]. URL: <https://autovista24.autovistagroup.com/news/china-starts-2025-at-the-front-of-the-global-ev-market/#:~:text=BEV%3A%20battery%2Delectric%20vehicle%2C,BEV%20and%20PHEV%20unit%20sales.&text=China%20accounted%20for%2073.1%25%20of,%25%20and%20Japan%20with%201.3%25> (дата обращения: 15.04.2025).

13. Dkhar, A., Tamim, M. A. M., Walid, S. S. Perspectives and Obstacles for Afghanistan to be a Part of the China's Belt and Road Initiative // Proceedings of the 2021 International Conference on Social Science: Public Administration, Law and International Relations (SSPALIR 2021). Atlantis Press, 2021. P. 169-173.

14. Faisal, M. Pakistan-China Relations: Beyond CPEC // Strategic Studies. 2020. Vol. 40, № 2. P. 23-44.

15. Jabarkhil, M. H., Parikh, M. BRI Participation of Afghanistan: Assessing Benefits and Drawbacks // American Research Journal of Humanities & Social Science. 2023. Vol. 6, № 12. P. 19-26.

16. Hashimy, S. Q. China's Belt-Road Initiative and Investment Strategies: A Two Pillar Approach to Afghanistan // International Journal of Science and Research. 2023. Vol. 24, № 2. P. 65-92.

17. Naveed, A., Zaheer, A. C., Dost, M. B. The Taliban takeover in Afghanistan: where does China stand? // Journal of Pakistan-China Studies. 2021. Vol. 2, № 1. P. 64-94.

18. Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan. "Deepening Connectivity and Expanding Trade, Through Investment in Infrastructure and Improving Synergy" // Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan. - Kabul: Ministry of Foreign Affairs. 2017. URL: <http://recca.af/wp-content/uploads/2017/11/RECCA-Annual-Review-2017-FINAL-VERSION.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).

19. Safi, M., Alizada, B. Integrating Afghanistan into the Belt and Road Initiative: Review, Analysis and Prospects // Friedrich Ebert Stiftung. 2018. P. 1-78.
20. Sudha, R. Can the Belt and Road Initiative Succeed in Afghanistan? // ChinaBrief. 2023. Vol. 23, № 9. P. 19-24.
21. Xiangyu, Z. Afghanistan and Regional Security: Implications for China // Policy Perspectives. 2011. Vol. 8, № 2. P. 65-72.
22. Yao-Tian, F., Li, W. Parsing China's geostrategic designs in the post-war Afghanistan // International Trends. 2022. Vol. 20, № 3. P. 45-54.
23. Zaki, Z., Tian, G. L., Amini, M. Y. Literature Review on Belt and Road Initiative's Integration for Trade Connectivity of Afghanistan // Open Journal of Business and Management. 2023. Vol. 11. P. 3287-3312. DOI: 10.4236/ojbm.2023.116179. EDN: SUNXWO.
24. Zhang, J. Extending the China-Pakistan Economic Corridor to Afghanistan: Progress and Prospect // East Asian Policy. 2023. Vol. 15, № 3. P. 115-127. DOI: 10.1142/s1793930523000247. EDN: YPVHNM.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Авторы рецензируемой статьи исследуют современные перспективы экономического сотрудничества Китая и Афганистана. С учетом того, что в последние годы Пекин последовательно наращивает влияние (как экономическое, так и политическое) в Центральной Азии, актуальность данной темы сомнений не вызывает. Авторы ставят целью своего исследования оценку экономических, политических и инфраструктурных факторов, влияющих на отношения КНР и Афганистана. Однако, текст рукописи посвящен в основном экономическим вопросам, в то время как политические аспекты экономических отношений Пекина и Кабула практически не рассматриваются (исключение составляют эпизодические упоминания проблем терроризма и радикального исламизма). Вызывает вопросы и методология исследования. Так, авторы не раскрывают – какие конкретно «качественные методы» и как именно используются для достижения цели статьи? Также странным выглядит то, что авторы использовали для сбора данных вторичные источники. Согласно общепринятым академическим стандартам, достоверность данных подтверждается посредством ссылок на первоисточники, чего авторы данной статьи почему-то избегают. «Перекрестная проверка данных» (то есть, сверка определенных данных по разным источникам) это само по себе неплохо, но не лучше ли использовать первоисточники? Еще более необычным выглядит упоминание «авторитетных онлайн-баз» в качестве эмпирической основы исследования. Научная новизна исследования неочевидна. С одной стороны, авторы собрали и проанализировали объемный эмпирический материал, относящийся к экономическим отношениям КНР и Афганистана. С другой, в статье нет никаких новых данных, которые могли бы помочь выявить те или иные новые (!) тенденции в развитии этих отношений. Авторы уделяют очень большое внимание описанию природных ресурсов Афганистана, перспективам добычи полезных ископаемых и т.п., но при этом анализу экономических процессов (и, особенно, связанных с ними политических проблем) уделено гораздо меньше места. Как следствие, рукопись производит впечатление преимущественно экономического исследования и поэтому в текущем виде может представлять интерес скорее для читателей издания, посвященного проблемам международной и региональной экономики, чем для аудитории журнала «Мировая политика». В заключительной части

авторы в который раз пишут про «стратегическое положение Афганистана», его «богатые природные ресурсы», а также про исторически присущую этой стране политическую нестабильность. Очевидность (если не сказать «тривиальность») данных тезисов существенно снижает ценность предпринятого авторами исследования. Я рекомендую авторам усилить акцент на политических аспектах экономических отношений КНР и Афганистана, обозначить вклад данного исследования в существующие знания, привлечь больше первоисточников, а также академических работ российских авторов. Например, можно обратить внимание на следующие труды – 1) Дьяконова М., Шарипов Ф. Афганистан и его роль для России и Китая // Современные востоковедческие исследования. 2022. № 4; 2) Клименко А. Некоторые особенности современной политики Китая в отношении Афганистана // Китай в мировой и региональной политике. 2022. № 27; 3) Bekmurat R., Serikkaliyeva A. Analysis of China's Investment in Afghanistan // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2022. № 2.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает потенциал экономического сотрудничества Китая и Афганистана после вывода войск США в 2020–21 гг. Авторы справедливо связывают высокую научную актуальность выбранной для исследования темы с существующей лакуной в изучении экономического сотрудничества указанных двух стран, и соответственно, стремление заполнить эту лакуну вполне понятно. А вот методология исследования проработана довольно слабо: совершенно непонятно, что означает «качественный исследовательский подход» (это какой конкретно?), или «аналитико-синтетический метод» (это как? разрезать лягушку на части, а потом склеить эти части скотчем?), или «историко-логический метод» (КАК логика связана с историей? логику в историческом процессе ищет исследователь, а нередко и просто приписывает эту логику, соответственно, «историко-логический метод», как и «аналитико-синтетический метод» – это «колёсно-гусеничный танк, имеющий пулемётную пушку»). Из всей довольно сумбурно описанной теоретико-методологической базы можно было бы «принять» системный подход (который реально НИКАК не использовался в работе, поскольку слово «элемент» в тексте не встречается ни разу, а слово «система» встречается три раза, из которых первое употребление – декларация системного подхода во введении, затем упоминание некоей «систематизации» в выводах, и ещё одно употребление в тексте буквально мимоходом, проходя), а также «сочетание» подходов к исследованию международных отношений – реализма и либерализма. Учитывая, что реализм противостоял либерализму в международных отношениях и критиковал последний за чрезмерный идеализм и утопичность, попытка сочетать эти два подхода означает эклектику. Как авторы намеревались сочетать установку на кооперацию и институционализацию в международных отношениях (либерализм) с установкой на конкуренцию и преследование эгоистичных интересов в условиях анархии (реализм)? Собственно, то, на что указывают авторы, не делает необходимым подобную эклектику: анализ «силовой и безопасностной мотивации» государств не требует реалистской парадигмы, а исследование экономического сотрудничества не обязательно производить в рамках либеральной парадигмы. Таким образом, несмотря на то, что авторы пытаются оправдать свой методологический сумбур и эклектику ограниченностью данных ввиду нестабильности в Афганистане и «строгой информационной политикой

Китая», это никоим образом его не оправдывает. Если нет данных, не нужно брать такую тему. Выбирать следует ту тему, по которой есть данные. Или лучше продумывать теоретико-методологическую базу, которая позволит даже при ограниченных эмпирических данных получить научно достоверные результаты. Например, некоторые статистические данные это позволяют. Или институциональный анализ. Причём, самое интересное здесь то, что авторы на самом деле применяли указанные методы: и институциональный анализ (при исследовании «контекста экономического сотрудничества», при оценке перспектив сотрудничества и т. д.), и анализ вторичных статистических данных (в тех же разделах), и целый ряд других вполне уважаемых методов. Он просто не отрефлексировал должным образом теоретико-методологическую базу своего исследования, действовал по наитию, а это означает, что научная ценность полученных результатов весьма проблематична. Соответственно, при доработке текста авторам следует тщательно продумать, какие конкретно методы применялись, к каким конкретно объектам, и какие конкретно результаты применение этих методов позволило получить. С акцентом на новизне этих результатов. Только после такой работы статью можно будет рекомендовать к публикации. Все оговорки про недостаток данных лучше убрать. Потому что если данных было недостаточно, то и писать статью не следовало. По высказанным причинам крайне проблематично также оценить степень научной новизны. Авторы действительно выбрали крайне интересную и недостаточно изученную тему, но слабость методологической базы не позволяет считать полученные результаты научными. В структурном плане рецензируемая работа производит нейтральное впечатление: её логика последовательна и, насколько можно судить на данном этапе, отражает основные аспекты проведённого исследования. Но при доработке методологии логика применения выбранных научных методов может изменить структуру текста. На данный момент в тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается её актуальность, а также формулируется цель исследования; - «Методология исследования», где осуществляется (неудачная!) попытка представить теоретико-методологическую базу проведённого исследования; - «Контекст экономического сотрудничества», где авторы пытались воспроизвести исторический и институциональный контекст экономического сотрудничества между Китаем и Афганистаном и, в принципе, ему это удалось; - три содержательных раздела «Перспективы интеграции в рамках Инициативы "Пояс и путь"», «Перспективы в Экономическом коридоре Китай-Пакистан» и «Минеральный потенциал Афганистана», где последовательно оценивается потенциал сотрудничества Китая и Афганистана на базе реализации китайской инициативы «Пояс и путь», в экономическом коридоре Китай-Пакистан, а также интерес Китая к Афганистану как источнику минеральных ресурсов; - «Основные препятствия», где исследуются ключевые проблемы экономического сотрудничества Китая и Афганистана; - «Выводы», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, все заголовки разделов статьи нуждаются в стилистической правке, поскольку сформулированы излишне размыто: «Контекст экономического сотрудничества» [кого с кем? – рец.], «Основные препятствия» [для чего? – рец.]; и др.) и грамматических (например, пропущенные слова и опечатки, как в предложении «Системный подход обеспечил [ЧТО обеспечил? возможность? – рец.] рассмотреть процесс сотрудничества...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 24 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу

формального подхода авторов к разработке теоретико-методологической базы исследования. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести весьма интересную и актуальную тему, выбранную для исследования, а также значительный объём эмпирического материала, привлечённый для анализа. Однако какими конкретно методами проводился этот анализ, осталось совершенно неясным.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью на данном этапе её подготовки нельзя квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Крайняя слабость теоретико-методологической базы не позволяет считать полученные результаты научными. Тем не менее, сама тема крайне интересна и нуждается в дальнейшем развитии. Поэтому после доработки теоретико-методологической базы полученные авторами результаты вполне могут быть интересны для политологов, социологов, специалистов в области мировой экономики, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика» и после устранения высказанных замечаний может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступает экономическое сотрудничество Китая и Афганистана, которое рассматривается авторами на примере периода после вывода войск США из этой страны в 2021 г.

Методология исследования базируется на обобщении сведений из научных публикаций и интернет-источников по рассматриваемой теме, анализе статистических данных и их визуализации.

Актуальность работы авторы связывают со стратегическим местом Афганистана в региональной геополитике и торговле ввиду его уникального географического положения между Южной Азией, Центральной Азией, Ближним Востоком и Восточной Африкой, а также с усилением интереса Китая к участию в восстановлении инфраструктуры и оживлению экономики Афганистана и ограниченностью имеющихся исследований, посвящённых рассматриваемому предмету исследования.

Научная новизна работы состоит в представленных результатах оценки экономических и политических факторов, влияющих на двусторонние отношения Китая и Афганистана, а также возможностей и препятствий долгосрочного партнёрства этих стран.

Структурно в статье выделены следующие разделы: Введение, Контекст экономического сотрудничества Китая с Афганистаном, Перспективы интеграции в рамках Инициативы «Пояс и путь», Перспективы в Экономическом коридоре Китай–Пакистан, Минеральный потенциал Афганистана, Основные препятствия для сотрудничества, Выводы и Библиография.

Интенсификацию двусторонних отношений между Афганистаном и Китаем авторы в публикации объясняют следующими мотивами: потребностью Афганистана во внешней финансовой поддержке в условиях тяжелейшего внутривнутриполитического и экономического кризиса; определёнными гарантиями Китаю в сфере безопасности; возможностью подключения Афганистана к экономическому коридору Китай–Пакистан и перспективами более широкого доступа к мировым товарным рынкам.

Библиографический список включает 24 источника – публикации по рассматриваемой теме на русском языке и иностранных языках в научных журналах, а также интернет-

ресурсы. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний стоит отметить, что в публикации названия рисунков сформулированы в форме утверждений – привычные краткие наименования смотрелись бы более презентабельно, например, рисунок 1 «Китай экспортирует в Афганистан (2012–2024) (Валюта, используемая в таблице — доллары США)» предлагается назвать «Динамика экспорта из Китая в Афганистан в 2012–2024 гг., млн долл. США»; поскольку статья написана на русском языке, то и на рисунках подписи единиц измерения величин по осям следует привести на русском языке. Кроме этого все рисунки в статье представляют собой ранее опубликованные материалы без каких-либо дополнительных авторских расчетов и трансформаций – в ряде случаев можно было бы обойтись адресными отсылками к первоисточникам, тем более, что изображения оказываются размытыми, также не понятна цель воспроизведения таблицы в форме вставки ее изображения на рисунке 3.

Тема статьи актуальна, представленный на рецензирование материал соответствует тематике журнала «Мировая политика», может вызвать интерес у читателей, но нуждается в доработке в соответствии с высказанными замечаниями.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Меньшикова Е.С. Цифровая трансформация как часть внешнеполитической стратегии КНР // Мировая политика. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.2.73877 EDN: WJFUIJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73877

Цифровая трансформация как часть внешнеполитической стратегии КНР

Меньшикова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель; институт стран Азии и Африки; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
аспирант; институт стран Азии и Африки; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1

✉ bastet-1997@mail.ru

[Статья из рубрики "Современные внешнеполитические концепции и доктрины"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.73877

EDN:

WJFUIJ

Дата направления статьи в редакцию:

29-03-2025

Дата публикации:

13-06-2025

Аннотация: Цифровизация играет ключевую роль в политической стратегии международных акторов ввиду ее влияния как на трансформацию процессов управления, так и на взаимодействие государств на международной арене. Предметом исследования статьи является анализ основных тенденций цифровой трансформации как составной части внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики. Особое внимание уделяется аспектам внешнего продвижения технологических инициатив Китаем. Китай формирует цифровую экосистему, активно продвигая её в мировую политику в рамках концепции «сообщества единой судьбы в киберпространстве». Определено, что Китай стремится как укрепить свои позиции на мировом рынке, так и стать ведущим игроком в сфере цифровых инноваций, что делает его стратегию важным фактором в глобальной цифровой трансформации. Исследование

стратегии КНР включает дискурс-анализ, концептуальный анализ, «идейно-ценностный» подход. Критический концептуальный, нарративный анализы определили концептуальные основы цифровой стратегии КНР. Ивент-анализ, кейс-стади выявили тенденции, механизмы цифровой системы Пекина. Институциональный метод определил институты развития цифровой экономики. Анализ вторичных статистических данных показал динамику развития цифровизации Китая в миросистеме. Особое внимание уделяется роли Китая в формировании глобальных технологических стандартов и его взаимодействию с акторами в рамках продвижения цифровых инициатив. Проанализирована инициатива «Цифрового Шелкового пути» как инструмента экспорта китайских технологий. Особенно отчетливо цифровое влияние Китая наблюдается в странах Центральной Азии, Африки и Латинской Америки с точки зрения создания инфраструктурных проектов и экспорта цифровых технологий, продвижения глобальных «идейно-ценностных» инициатив. Новизна статьи заключается в приведенной систематизации механизмов продвижения цифровой стратегии Китая, демонстрирующей его стремление занять лидирующие позиции в области развития цифровых инноваций. Основное внимание уделяется продвижению Китаем инициатив глобального цифрового управления и анализу проблем масштабирования китайских технологий в различных странах.

Ключевые слова:

стратегия Китая, цифровизация, цифровой дискурс, цифровые технологии, Цифровой шелковый путь, искусственный интеллект, идеи и ценности, дискурс Китая, технологии, цифровая трансформация

В условиях стремительного развития цифровых технологий большинство международных акторов делает акцент не только на внутреннем развитии цифровизации, но и на внешнем продвижении цифровых инициатив с целью технологического присутствия в странах, представляющих для них стратегический интерес. В процессе разработки технологических решений ряд стран ориентировался на западные стандарты, включая операционные системы и иные компоненты. Однако в последние годы наблюдается тенденция к снижению зависимости от иностранных технологий и увеличению доли национальных разработок в сфере цифровизации с целью обеспечения конкурентоспособности на мировой арене. В условиях, когда цифровые технологии становятся ключевым драйвером экономического роста и обеспечения национальной безопасности, анализ их воздействия на мировую систему приобретает первостепенное значение. Данный запрос требует от акторов усиления политических стратегий, направленных на обеспечение цифрового развития и укрепление геополитических позиций государства на международной арене.

В результате усиления санкционного давления со стороны США, ориентированного на технологический сектор и включающего ограничения на экспорт оборудования и компонентов, необходимых для производства полупроводников и развития искусственного интеллекта, Китайская Народная Республика усилила национальную цифровую стратегию. В настоящее время Китай демонстрирует интенсивное развитие цифровизации, стремясь к достижению лидирующих позиций в данной области^[1]. Согласно документу «Общий план строительства Цифрового Китая» КНР к 2025 году планирует достичь нового уровня построения цифровой культуры, а к 2035 году занять передовые позиции в области цифрового развития^[2]. В документе «План действий по

построению Цифрового Китая на 2025 год» Китай определяет стратегическую цель по достижению прогресса в строительстве цифрового Китая за счет производства новых технологий и повышения качества развития цифровой экономики^[3]. В результате одним из актуальных вопросов для исследования становится проблема определения влияния цифровой трансформации Китая на внешнеполитические процессы, а особенно в контексте изменения международной системы. Особый интерес представляет рассмотрение внешнеполитической стратегии КНР с точки зрения степени воздействия цифровой трансформации на других акторов, а также выявление проблем, с которыми сталкивается Китай в странах своего геополитического влияния.

В рамках исследования «идейной» основы цифровой внешнеполитической стратегии Китая применяется методология, включающая дискурс-анализ и концептуальный анализ ключевых политических документов КНР, а также заявлений официальных лиц Китая, в том числе через призму «идейно-ценностного» подхода^[4]. Кроме того, при определении ключевых и концептуальных положений, формирующих цифровую стратегию КНР, применен критический концептуальный и нарративный анализ.

Практическая реализация стратегии Китая в сфере цифровых технологий рассматривается с точки зрения ивент-анализа, определившего основные тенденции развития цифровой экосистемы Пекина. Кейс-стади позволил выявить примеры взаимодействия Китая в сфере цифровых технологий, а также определить влияние цифровизации на внешнюю политику государства. Институциональный метод исследования позволил осуществить глубокий анализ конкретных институтов, обеспечивающих развитие цифровой экономики в Китае, а также механизмов реализации его внешнеполитической стратегии в данной сфере. Благодаря методу анализа вторичных статистических данных определены ключевые тенденции, закономерности и динамика развития китайских цифровых технологий в мировой системе.

Целью статьи является анализ роли цифровой трансформации в процессе формирования и реализации внешнеполитической стратегии КНР, а также определение ключевых направлений влияния китайских цифровых технологий в мировой системе. Новизна статьи заключается в комплексном анализе «идейной» основы цифровой стратегии Китая, а также в систематизации ключевых механизмов развития китайской цифровой экосистемы и оценке их влияния на международных акторов. Данный подход позволяет выявить стратегические цели и приоритеты Китая в контексте глобализации цифровой экономики, а также оценить влияние «идейно-ценностных» факторов на формирование и реализацию внешнеполитических инициатив в сфере цифровых технологий.

«Идейное» обоснование цифровой стратегии Китая

На глобальном уровне в современной мировой системе наблюдается процесс формирования «идеологического вакуума»^[5], что приводит к усилению конкуренции между различными акторами в контексте формирования идей и ценностей. По мнению политолога Ф.А. Лукьянова процесс конкуренции идей и ценностей сравним с «мягкой» гонкой вооружений^[6]. Исходя из этого, в условиях современной геополитической обстановки, ведущие акторы реализуют свои внешнеполитические стратегии, основываясь как на интересах, так и идеях, ценностях, которые в совокупности составляют «идейно-ценностный» фактор. Идеи и ценности являются основополагающими принципами государственной политики. Их сбалансированная мягкость и гибкость, а также жесткость и пространственная ориентированность

позволяют оказывать влияние на ряд субъектов, находящихся в процессе формирования своей «идейно-ценностной» основы или обладающих недостаточно устойчивой основой.

На протяжении последних 10 лет в публичных выступлениях Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина прослеживается «идейно-ценностная» риторика, направленная на формирование концепции «сообщества единой судьбы человечества», которая охватывает широкий спектр областей, включая образование, культуру, здравоохранение, экологию, аэрокосмическую отрасль, а также цифровизацию.

В сфере информационно-коммуникационных технологий КНР выстраивает цифровую экосистему, заданную под собственные технологические стандарты с перспективой ее распространения на внешние рынки преимущественно развивающихся стран. Цифровая экосистема КНР представляет собой стратегическую модель, реализуемую официальными представителями Китая, и направленную на интеграцию цифровых технологий в различные аспекты общественной жизни посредством продвижения «идейных» категорий освоения мира в сфере цифровизации. Руководство Китая создает систематическую концептуальную основу для «мягкого» продвижения цифровых технологий вовне. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в рамках продвигаемой китайским руководством концепции «сообщества единой судьбы в киберпространстве» и инициативы «Цифровой Шелковый путь», которая олицетворяет продвижение цифровых технологий на мировой рынок, постепенно формируя глобальную цифровую инфраструктуру. Данный фактор реализуется посредством продвижения Китаем глобальных инициатив и укрепления их влияния в международной системе [\[7\]](#).

В настоящее время Пекин формирует новую архитектуру в сфере развития цифровых технологий, что находит отражение в соответствующих официальных документах Китайской Народной Республики. В 14-м пятилетнем плане по национальному социально-экономическому развитию (2021–2025) и долгосрочных целях КНР до 2035 года подчеркивается, что инновации будут основным фактором прогресса [\[8\]](#). Китай заявляет о решимости сосредоточить усилия на реализации прорывов в ключевых технологических областях. В 14-м пятилетнем плане также особое место отводится разделу, посвященному инициативе по созданию Цифрового Китая, а именно лидерству в цифровой экономике, цифровому обществу и правительству, здоровой цифровой экосистеме.

В последнее время наиболее активно в дискурсе официальных представителей КНР прослеживается обращение к концепции *«Сообщества единой судьбы в киберпространстве»*, которая является частью «Сообщества единой судьбы человечества». Председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении в рамках Всемирной конференции по вопросам Интернета 2023 года подчеркнул, что международное сообщество должно углублять практическое сотрудничество, чтобы совместно вывести строительство «сообщества единой судьбы в киберпространстве» на новый этап.

В 2022 году опубликована соответствующая Белая книга *«Совместное создание сообщества единой судьбы в киберпространстве»*, в которой представлен анализ и стратегия развития и управления интернетом в Китае, а также описаны достижения в продвижении данной инициативы. Согласно Белой книге для формирования «Сообщества единой судьбы в киберпространстве» необходимо придерживаться концепции глобального управления, базирующейся на принципах взаимного диалога, развития и продвижения многосторонней и демократической системы регулирования интернета на международном уровне. В данном документе также указаны ключевые

ценности, такие как равенство, уважение суверенитета в киберпространстве, обеспечение стабильности и безопасности, а также открытость и доступность использования интернет-пространства^[9].

Также в официальном дискурсе чаще продвигается инициатива «*Цифровой шелковый путь*» как часть инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), которая превращает концепцию в интеллектуальную сеть за счет обмена знаниями и технологиями. Инициатива «Цифровой Шелковый путь» рассматривается Китаем в качестве ключевого элемента политической стратегии страны, способствующего глобальной интеграции^[10]. В контексте реализации данной инициативы Пекин предпринимает шаги по созданию единого цифрового пространства через реализацию инфраструктурных проектов и продвижение технологической продукции. В Китае крупными технологическими компаниями, которые распространяют свои технологии за пределами страны, являются Huawei, Tencent, Alibaba, China Mobile, Inspur, China Unicom, ZTE, Sugon, Dahua.

При этом «Цифровой Шелковый путь», как элемент цифровой экономики, уже постепенно приобретает черты политического контекста. Например, китайские компании активно заключают соглашения с зарубежными партнерами для реализации собственных цифровых инфраструктурных проектов. Китаем активно продвигается «идейная» риторика по совместному формированию «Цифрового Шелкового пути». Например, Председатель КНР Си Цзиньпин в 2020 году на выставке Китай-АСЕАН заявлял о намерении углублять сотрудничество в рамках инициативы «Цифровой Шелковый путь» в странах Юго-Восточной Азии.

Китайская Народная Республика с помощью реализации инициативы «Цифровой Шелковый путь» одновременно стремится как укрепить свои позиции в качестве ключевого торгового партнёра на мировой арене, так и утвердиться в качестве значимого центра международных цифровых транзакций^[11]. Пекин предпринимает стратегические шаги по установлению контроля над логистическими маршрутами посредством приобретения или получения доли в инфраструктурных проектах. Данный механизм способствует укреплению политических позиций КНР, что позволяет ей позиционировать себя в качестве альтернативного центра глобализации и ключевого игрока в контексте трансформации мирового порядка^[12]. Вместе с тем, это чревато увеличением присутствия Китая в ряде стран и усилением его влияния с перспективой создания китаецентричного порядка^[13]. В рамках данной инициативы Пекин усиливает свои позиции на международной арене с точки зрения внедрения единых стандартов в сфере искусственного интеллекта среди стран-участниц, в том числе за счет продвижения идеи глобальной интеграции, подкрепляемой финансированием проектов, и идеей взаимовыгодного сотрудничества^[14].

С 2017 года Китай также продвигает программу сотрудничества «*Электронная коммерция Шелкового пути*», подразумевающую проведение мероприятий, направленных на интеграцию крупнейших торговых платформ с целью развития торговой деятельности компаний стран-участниц. В рамках данного проекта установлено сотрудничество в области электронной коммерции с 33 государствами.

В 2015 году разработан десятилетний план «*Сделано в Китае 2025*» с целью интеграции новых информационных технологий в промышленное производство. В рамках данного плана Китай ставил перед собой цель – достижение к 2025 году 70% самообеспеченности в высокотехнологичных отраслях и к 2049 году доминирующего положения на мировых рынках. Однако с 2019 года интенсивность официальной

риторики в отношении данной инициативы в информационном пространстве со стороны официальных представителей Китая существенно снизилась.

Инициатива *«Интернет плюс»* направлена на интеграцию цифровых технологий в традиционные отрасли. В рамках реализации указанной программы разработан план мероприятий, направленный на интеграцию современных технологий в производственные процессы. В частности, предполагается внедрение мобильного интернета, облачных вычислений и интернета вещей для развития электронной коммерции, а также расширение международного присутствия интернет-компаний. Например, Китай продвигает формат *«Интернет плюс»* в сфере услуг по уходу за пожилыми людьми.

В 2017 году Китай представил национальную инициативу в области искусственного интеллекта *«Программа развития искусственного интеллекта нового поколения»*^[15]. Согласно документу к 2025 году ожидаются успехи в области фундаментальной теории искусственного интеллекта. В соответствии с указанной программой к 2030 году Китай должен стать мировым инновационным центром искусственного интеллекта. В 2024 году в КНР уже насчитывалось более 4500 компаний в сфере искусственного интеллекта.

Официальные лица Китая неоднократно в цифровом дискурсе подчеркивают приверженность общечеловеческим ценностям. Так, в документе *«Пекинские принципы искусственного интеллекта»* затрагиваются вопросы, связанные с защитой *человеческих ценностей*, например, обеспечение неприкосновенности частной жизни; уважение к достоинству и свободе личности; гарантирование безопасности систем искусственного интеллекта; создание условий для равного доступа всех индивидов; обеспечение открытости и прозрачности. Согласно документу *«Кодекс этических принципов искусственного интеллекта»* 2021 года основными этическими принципами, которые провозглашает Китай, являются: повышение благосостояния людей; гармония между человеком и технологиями; содействие справедливости; усиление ответственности^[16].

Кроме того, на 2-й сессии ВСНП 14-го созыва в 2024 году Китай представил стратегическую инициативу *«Искусственный интеллект плюс»*, направленную на интеграцию технологий искусственного интеллекта в ключевые секторы экономики для стимулирования экономического роста и укрепления лидирующих позиций Китая в области искусственного интеллекта, в том числе на международной арене. Пекин посредством интеграции искусственного интеллекта в производство пытается оптимизировать процессы разделения труда и координацию производства в сельском хозяйстве, медицине и торговле.

Также КНР активно привлекает другие страны к участию в работе международных площадок в сфере цифровизации, например, Саммит *«Цифровой Китай»*, Платформа электронной коммерции Шелкового пути, Китайская международная выставка высоких технологий, Фестиваль интернет-торговли качественных товаров, Международная выставка технологии Интернет вещей и её применения. Указанные выставки и фестивали также становятся инструментом продвижения *«идейно-ценностного»* фактора КНР в сфере цифровизации.

Таким образом, в последние годы Китай активно работает над формированием систематической *«идейно-ценностной»* основы для продвижения цифрового дискурса, что отражает стремление страны к интеграции цифровых технологий во все сферы. Пекин разрабатывает комплексную стратегию по интеграции цифровых категорий освоения мира в информационное пространство с целью укрепления своих позиций в

глобальной цифровой среде.

Внешнеполитическая цифровая стратегия КНР в контексте «идейно-ценностного» фактора содержит в себе «надстройку» в виде глобальной идеи «Цифровой Шелковый путь» и национального базиса, состоящего из следующих идей и ценностей: «Сообщество единой судьбы в киберпространстве», «Электронная коммерция Шелкового пути», «Искусственный интеллект плюс» и «Интернет плюс», человеческие ценности в сфере развития искусственного интеллекта (гармония, дружелюбие между человеком и технологиями и др.). В большей степени данный фактор направлен в отношении стран Африки, Центральной Азии, Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона. Исходя из этого, «идейная» основа цифровой стратегии Китая реализуется через продвижение идей и ценностей Китая посредством распространения цифровых категорий восприятия мира. Данный подход предполагает комплексное использование информационно-коммуникационных технологий для формирования новой парадигмы мышления и взаимодействия субъектов в глобальной цифровой экосистеме.

Комплексный анализ цифровой стратегии Китая: ключевые механизмы и стратегические приоритеты

Китай во внешней политике применяет различные подходы к реализации цифровой стратегии, адаптируя их в зависимости от уровня технологического развития регионов, находящихся в сфере его влияния.

Сопряжение с другими инициативами (цифровой дискурс). В отношении ряда стран в рамках развития цифровой стратегии Китай использует модель сопряжения с локальными инициативами в технологической сфере (например, «Цифровой Казахстан» и «Цифровой Шелковый путь»; программа «Цифровое развитие Беларуси»). Китай выстраивает коммуникацию с другими странами в рамках продвижения дискурса цифровых категорий с китайской спецификой.

Экономическая форма взаимодействия. Дискурсивное продвижение технологий реализуется Пекином посредством реализации цифровой стратегии, включающей в себя попытку установления цифровых технологических стандартов в международной сфере, в частности, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), экспорта цифровых устройств на мировой рынок и создания соответствующей инфраструктуры.

В некоторых случаях Китай, учитывая отсутствие национальных технологических разработок в ряде государств, продвигает свои инициативы с экономически выгодными решениями и финансовыми условиями. Китай осуществляет продвижение цифровой инфраструктуры посредством предоставления специализированных кредитов. Так, кредитование представляет собой эффективный инструмент для продвижения китайской инфраструктуры в сфере информационно-коммуникационных технологий в международной сфере, в особенности, в развивающиеся страны [\[17\]](#). При этом КНР расширяет сеть технологических компаний в развивающихся странах с целью адаптации процессов цифровизации в соответствии с китайскими технологическими стандартами.

Также Китай воздействует на другие страны через экспорт цифровых товаров (телефоны, планшеты, автомобили) с собственными операционными системами и облачными хранилищами, в том числе через инициативу ОПОП. В рамках данной инициативы официальные лица КНР делают акцент на развитии инновационной «цифровой экономики», организации выставок цифровой торговли и создании электронных цифровых платформ. Китай посредством активного расширения экспорта высокотехнологичной продукции целенаправленно формирует экономическую и

технологическую зависимость этих государств от своих товаров и услуг. Данная стратегия позволяет Китаю сохранять долгосрочное влияние в ряде регионов [\[18\]](#). Кроме того, осуществляя финансирование проектов в государствах-участниках ОПОП посредством юаня, Китай стимулирует спрос на данную валюту и способствует ее применению в международных финансовых операциях. 1 июня 2025 года в КНР вступили в силу изменения в законодательстве банковской сферы, которые окажут влияние на всех участников международной торговли. В ряде отраслей станет обязательным использование юаня для осуществления международных платежей.

В основном Китай продвигает следующие проекты на мировой рынок услуг в сфере цифровых технологий:

- *платформа приложений* (система «умный город», электронная коммерция);
- *веб-сервисы передачи данных, обеспечение программ* (облачные сервисы, центры обработки данных, операционные системы и искусственный интеллект);
- *высокотехнологичная продукция* (телефоны, планшеты, компьютер, модемы);
- *иное оснащение* (обновление материально-технической базы предприятий с использованием робототехники).

Платформа приложений. Китайские производители инвестируют в развитие трансграничных платформ электронной коммерции и систем «умный город» с целью расширения своего присутствия на международных рынках. Основной целью «умного города» является повышение качества жизни граждан посредством цифровой трансформации городской инфраструктуры (автоматизация городских систем, создание электронного правительства на базе облачных технологий и др.). Китай является одним из мировых лидеров по количеству умных городов (12 городов [\[19\]](#)).

Основными китайскими компаниями по созданию данных систем являются Huawei, China Mobile, Inspur, China Unicom, Tencent, ZTE, Sugon, Alibaba Cloud, Hikvision, Dahua. При этом Huawei и ZTE больше остальных участвуют в процессе формирования «умных городов» в других странах. Данные компании открыли научно-исследовательские центры в Центральной Америке, Европе, Африке и на Ближнем Востоке. Например, китайские компании развивают в Египте деловой центр с использованием технологий строительства «умных городов», «умный город» в Дуйсбурге (Германия).

Кроме того, Китай демонстрирует активное участие в международных организациях, разрабатывающих стандарты для «умных городов», по линии взаимодействия с Международным союзом электросвязи и Институтом инженеров электротехники и электроники. Благодаря участию Китая в этих организациях представляется возможность влиять на процесс формирования стандартов в целях продвижения интересов китайских компаний на международной арене.

Крупные китайские компании в сфере электронной коммерции, такие как Alibaba, JD.com и Douyin от ByteDance, продолжают развивать платформы, в том числе на международных рынках. Так, Cainiao Network, подразделение логистической компании Alibaba Group Holdings, сотрудничает с немецкой компанией Deutsche Post DHL Group в рамках создания крупнейшей сети пунктов выдачи посылок в Польше. Компания Meituan выходит на рынки Саудовской Аравии и Бразилии в целях поставок продуктов питания и медикаментов с помощью беспилотных летательных аппаратов от Keeta Drone.

Помимо этого, китайские корпорации инициируют открытие и продвижение международных платформ сотрудничества. Например, Huawei в 2017 году запустила международные лаборатории OpenLab с целью создания открытой информационной экосистемы в Германии, Мексике, Сингапуре, ОАЭ, Турции. Проект направлен на ускорение цифровой трансформации и служит в качестве открытой системы, где китайские компании объединяются с зарубежными партнёрами для разработки отраслевых решений. В 2023 году Huawei представила усовершенствованную лабораторию OpenLab 3.0 в Азиатско-Тихоокеанском регионе как улучшение своих научно-исследовательских операций в Сингапуре, а также разработала ряд решений, таких как Smart Campus, Smart Classroom и Smart City.

Веб-сервисы передачи данных. Китайский рынок облачных вычислений занимает второе место в мире после США. Китайские компании, такие как, Alibaba Cloud, Tencent Cloud Computing, Huawei, UCloud, Sugon, China Telecom, Kingsoft, Baidu Cloud, Azure China, стремятся продвигать облачные сервисы хранения данных на внешние рынки. В третьем квартале 2023 года на долю Alibaba Cloud приходилось около 39% китайского рынка облачных инфраструктурных услуг. Китай в 2023 году обеспечил 12% мировых инвестиций в этот сектор^[20]. В глобальном масштабе Alibaba Cloud имеет четвёртое место по доле рынка, уступая AWS, Azure и Google Cloud^[21].

Инфраструктура Alibaba Cloud состоит из регионов, которые включают в себя зоны доступности с центрами обработки данных и независимыми системами поддержки, включая резервные источники питания и сети. Корпорация Alibaba Cloud осуществляет управление 87 зонами доступности, распределёнными по 29 регионам в глобальном масштабе. Alibaba Cloud расширяет свою инфраструктуру на Ближнем Востоке (ОАЭ, Турция, Оман, Кувейт, Катар), в Азии (Сингапур, Япония, Таиланд, Малайзия, Южная Корея, Индонезия, Филиппины, Индия, Австралия), в Африке (Южная Африка и Нигерия), в Европе (Германия, Великобритания, Франция, Италия, Швеция, Нидерланды), а также в США.

Не смотря на то, что облачные хранилища, разработанные китайскими компаниями, во многом демонстрируют сходство с аналогичными решениями западных разработчиков, при этом в отличие от Запада они предоставляют больший объём бесплатного хранилища и имеют выгодную ценовую политику. Кроме того, эти системы беспрепятственно интегрируются с китайскими технологическими платформами.

Операционные системы. В сфере развития собственных операционных систем и программного обеспечения для автомобилей Китай продвинулся относительно недавно в целях укрепления технологической независимости Китая и повышения конкурентоспособности на мировой арене. При этом основой цифровой стратегии Китая является интеграция и адаптация научно-технологического опыта западных стран в рамках разработки и внедрения собственных технологических решений^[22]. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил необходимость ускорения разработки отечественных операционных систем в целях высококачественного развития^[23]. Данная политика сопровождалась рекомендациями со стороны Министерства промышленности и информационных технологий КНР в части минимизации использования устройств с иностранными чипами и операционными системами в государственном секторе с целью обеспечения полного перехода на национальные разработки к 2027 году^[24].

В настоящее время Китай пытается вытеснить американские системы (iOS, Android), продвигая собственные операционные системы для мобильных телефонов и других

устройств. Например, компания Xiaomi в 2010 году выпустила мобильную операционную систему на базе Android – MIUI. В 2023 году Пекин выпустил операционную систему OpenKylin на основе ядра Linux с открытым исходным кодом для компьютеров. Ранее операционная система использовалась в китайской космической программе (лунная миссия «Чанъэ» и программа по изучению Марса). В 2024 году выпущена система OpenKylin версии 2.0 с интегрируемой технологией искусственного интеллекта. Также компания представила обновленную версию операционной системой с открытым кодом — HyperOS.

Huawei в связи с американскими санкциями и отключением от мобильных сервисов Google в 2019 году выпустила альтернативную мобильную операционную систему HarmonyOS на основе открытого исходного кода Android. Данной системой оснащены умные часы, планшеты, телевизоры, смартфоны Huawei, которые в том числе поставляются на внешние рынки. Высокий спрос на телефоны Huawei с поддержкой 5G технологии привел к внедрению собственной мобильной операционной системы [25]. Операционная система HarmonyOS занимает 8% рынка программного обеспечения в Китае и более 2% мирового рынка. Исходя из этого, на текущий момент китайская операционная система HarmonyOS в большей степени ориентирована на внутренний рынок. Учитывая растущий спрос на операционную систему Harmony OS внутри Китая, следует ожидать, что Huawei предпримет активные шаги по продвижению данной системы на международной арене. Глобальное регулирование механизма операционной системы может служить в качестве инструмента международного политического влияния [26]. Более того, в мае 2025 года компания представила серию новых моделей ноутбуков, функционирующих на базе собственной операционной системы HarmonyOS с открытым исходным кодом, что ознаменовало дебют собственной операционной системы на рынке персональных компьютеров.

Китай также развивает собственные технологии в области машиностроения, производя автомобили с операционными системами. Например, автопроизводитель FAW Group выпускает премиальные автомобили Hongqi, оснащенные китайскими операционными системами. Hongqi экспортируются в Австрию, Бельгию, Данию, Израиль, Казахстан, Люксембург, Нидерланды, Норвегию, Польшу, Словению, Турцию, Швецию (при этом больше всего в Казахстан, Израиль и Швецию [27]). Более того, японские компании по производству автомобилей на рынке Китая стали внедрять китайские технологии. Компания Toyota применяет операционную систему, разработанную Huawei. Автопроизводители Nissan и Honda интегрирует решения искусственного интеллекта DeepSeek.

Отмечается также сотрудничество России и Китая в области развития операционных систем. В 2021 году на 25-м заседании российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств страны договорились увеличить сферу применения российской операционной системы «Аврора» и создать экосистему с открытым исходным кодом для приложений, разработанных китайскими компаниями. Тем не менее, на текущий момент в информационном пространстве отсутствует информация о реализации совместного проекта в рамках данных договоренностей.

Китайские разработчики совершенствуют технологии искусственного интеллекта. Китайские компании экспортировали технологии в сфере искусственного интеллекта в 63 страны (например, Кения, Лаос, Монголия, Уганда, Узбекистан). В январе 2025 года китайская компания DeepSeek представила модель искусственного интеллекта R1 с открытым исходным кодом. Особенность этой модели, по заявлениям разработчиков,

закljučается в ее создании с минимальными затратами. Эксперты отмечали, что проект превзошел ChatGPT от американской компании OpenAI, поскольку занял лидирующую позицию в американском магазине приложений Apple. В результате этого произошло падение акций американских корпораций в индустрии искусственного интеллекта [\[28\]](#). Система DeepSeek также стимулирует продажи китайских автомобилей с внедренным искусственным интеллектом в бортовых ассистентах. Китайские компании по производству автомобилей Dongfeng, JAC и BYD пользуются популярностью за рубежом. Например, в мае 2025 года компания BYD заняла лидирующую позицию на европейском рынке электромобилей, опередив Tesla.

В то же время, несмотря на позитивный отклик со стороны других стран в отношении китайских технологий в сфере искусственного интеллекта, также наблюдаются случаи отказа в их применении. Например, Малайзия отказалась от реализации проекта в области искусственного интеллекта, предполагавшего использование чипов Huawei. Впоследствии упоминание об участии Huawei в рамках данного проекта было исключено из официальной риторики.

Правительство Китая экспортирует беспилотные летательные аппараты в различные регионы (США, Европа, Азия, Латинская Америка и Африка). По данным South China Morning Post китайские дроны имеют конкурентное преимущество благодаря низкой стоимости энергоисточника, что повышает экономическую эффективность их использования. Согласно данным Drone Industry Insights UG, китайская компания DJI занимает доминирующее положение на американском рынке беспилотных летательных аппаратов. По состоянию на 2020 год доля DJI на рынке продаж дронов в США составляла примерно 77% [\[29\]](#).

Однако позднее американское руководство стало рассматривать дроны DJI в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности. В частности, компания DJI добавлена США в «Черный экономический список». В 2024 году правительство США запретило ввоз некоторых дронов DJI, ссылаясь на Закон о предотвращении принудительного труда уйгуров. В 2024 году КНР ввел усиленные меры контроля над экспортом беспилотных летательных аппаратов по причине рисков применения дронов для военных целей. Исходя из этого, Китай продвигает политику, связанную с применением китайских технологий исключительно в мирных целях.

Пекин также внедряет искусственный интеллект в космической отрасли. В 2024 году КНР вывела на орбиту коммерческий спутник с искусственным интеллектом [\[30\]](#). Помимо этого Китай реализует масштабный проект по внедрению собственной системы спутниковой навигации BeiDou в таких отраслях, как нефтяная промышленность, телекоммуникации и транспорт. Проект обеспечивает высокоточное покрытие не только в АТР, но и в других регионах в глобальном масштабе.

Китайские компании в других странах создают центры инновационного сотрудничества в области искусственного интеллекта с целью содействия безопасным трансграничным потокам данных, обмена моделями искусственного интеллекта, а также взаимного признания стандартов искусственного интеллекта. Например, созданы центры в Лаосе, Малайзии. Китай также предложил странам-участникам ШОС создать данный центр.

Кроме того, Пекин активно продвигает инициативы в области развития искусственного интеллекта на международной арене. В рамках 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН принята резолюция об укреплении международного сотрудничества в области наращивания потенциала искусственного интеллекта, предложенная Китаем.

Отмечается, что разработка систем искусственного интеллекта должна основываться на принципах, ориентированных на человека для пользы обществу.

Китайский подход к правовому регулированию сферы искусственного интеллекта характеризуется итеративностью, что позволяет последовательно корректировать нормативные правовые акты с учетом новых тенденций. Также он отличается отраслевой спецификой, ориентированной на конкретные секторы экономики. Прагматичность правового регулирования искусственного интеллекта оказывает значительное влияние на формирование правовых систем других стран, способствуя интеграции технологических практик и решений на глобальном уровне^[31]. Кроме того, в соответствии с Законом о кибербезопасности КНР государственные органы координируют усилия по сбору, анализу и отчетности по информации о кибербезопасности. В западном дискурсе отмечается точка зрения, что данный закон может привести к прекращению деятельности иностранных технологических компаний, осуществляющих свою деятельность в различных секторах экономики Китая. Данное обстоятельство может создать условия для применения цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта в качестве каналов для сбора данных.

Таким образом, в результате западной санкционной политики, направленной на ограничение поставок американских технологических комплектующих, Китай был вынужден еще больше усилить разработку и внедрение собственных технологических решений, при этом опираясь на полученный ранее опыт от западных стран. К текущему времени Китай развивает цифровые технологии и продвигает их на мировой рынок путём создания устройств, оснащённых собственными цифровыми операционными системами и системами искусственного интеллекта, что позволяет Китаю не только укрепить свои позиции на внутреннем рынке, но и конкурировать с другими странами, предлагая потребителям выгодные продукты и услуги.

Высокотехнологичная продукция. В период с 2019 по 2021 год наблюдался стабильный рост объемов экспорта высокотехнологичной продукции Китая (электромобили, 3D-принтеры, промышленные роботы). В 2021 году произошло значительное увеличение показателей экспорта, достигнув уровня в 936 млрд долл. В 2023 году объем экспорта высокотехнологичной продукции из Китая составил 825 млрд долл, что свидетельствует о снижении по сравнению с 2022 годом (924 млрд долл)^[32]. Исходя из этого, значения экспорта данной продукции в Китае демонстрирует тенденцию к уменьшению на протяжении двух лет с 2022 по 2023 год. Несмотря на заметное снижение экспорта, Китай остается лидером по экспорту данного вида продукции. Например, экспорт высокотехнологичной продукции из США по итогам 2023 года составил 282,5 млрд долл^[33], что существенно ниже по сравнению с китайскими показателями.

Вместе с тем, в 2023 году стоимость импорта и экспорта цифровых услуг в Китае достиг 387,5 млрд долл, что на 4,4% больше, чем в 2022 году со значением в 371,08 млрд долл^[34].

Согласно исследованию Народного университета Китая «Глобальный отчет о восприятии цифровых технологий за 2025 год», которое проведено среди 38 стран, 86% респондентов оценили достижения Китая в сфере развития цифровых технологий. При этом наивысшие показатели одобрения зафиксированы в Африке (94,3%), Южной Америке (93%), Юго-Восточной Азии (91,1%), Южной и Центральной Азии (90,7%) и на Ближнем Востоке (88,1%)^[35].

Китай осуществляет стратегическую политику, направленную на адаптацию китайскими компаниями цифровой продукции в соответствии с потребностями местных рынков. Например, китайская компания Transsion, занимающая первое место на рынке смартфонов в Африке, продемонстрировала в 2023 году самый значительный годовой прирост поставок мобильных устройств среди других производителей. В течение второго квартала 2024 года компания Transsion укрепила свои позиции на африканском рынке смартфонов, достигнув доли в более чем 40%, что обусловлено выгодной ценовой политикой, ориентированной на широкий круг потребителей в Африке.

Иное оснащение. В Китае в рамках государственной программы по продвижению новой индустриализации активно внедряются автоматизированные системы на основе робототехники. «Новая индустриализация Китая» характеризуется усилением стратегии в ключевых областях, например, анализ больших данных, биомедицина, аэрокосмическая промышленность.

Промышленные предприятия Китая постепенно переходят к полноценному использованию роботизированной техники. Автоматизированные системы на базе технологий 5G и Интернета вещей управляют сваркой и резкой металлов. Например, в 2024 году компания Xiaomi открыла в Пекине автономную фабрику Xiaomi Smart Factory. Компания Zhengzhou Coal Mining Machinery (Group) Co. осуществила цифровизацию производства с применением роботов. По мнению разработчиков, эта модель роботов решит проблему дефицита рабочей силы в обрабатывающей промышленности. Также данные компании развивают сотрудничество с другими странами. В 2022 году экспорт промышленных роботов китайского производства на международный рынок достиг 610 млн долл [\[36\]](#).

Строительство телекоммуникационной инфраструктуры (5G, подводные, наземные, спутниковые линии связи). В рамках инициативы ОПОП китайские компании содействуют развитию телекоммуникационной сферы в государствах-участниках. Китайские предприятия осуществляют установку и модернизацию трансграничных оптоволоконных магистралей. Расширение цифровой инфраструктуры за пределами страны подкрепляется посредством предоставления кредитов со стороны Пекина. Китай оказывает содействие развивающимся странам в строительстве цифровой инфраструктуры, предоставлении услуг и переобучении специалистов. Huawei реализовала ряд проектов по развитию информационно-коммуникационных технологий в странах Европы, Африки, Центральной Азии и Латинской Америки. В рамках этих проектов созданы высокоскоростные, стабильные и защищенные сети в целях улучшения телекоммуникационной инфраструктуры регионов.

Согласно данным Министерства промышленности и информатизации КНР, в мае 2024 года насчитывалось более 3 млн 800 тыс. станций связи 5G, что составляет 60% от общемирового количества [\[37\]](#).

В 2024 году Китай в рамках проекта «Цяньфань» запустил первые искусственные спутники в целях высокоскоростной широкополосной передачи данных. Ожидается, что к концу 2025 года будет реализовано 648 спутников. Китайская компания SpaceSail, предоставляющая услуги спутникового интернета и выступающая конкурентом американской корпорации Starlink, заключила с Бразилией соглашение по получению доступа китайской компанией к инфраструктурным ресурсам телекоммуникационной компании Бразилии Telebras, включая центры обработки данных и оптоволоконные сети.

В то время как западные страны предоставляют гуманитарную и финансовую помощь

развивающимся странам, Китай, применяя восточный стратегический подход, предлагает кредиты и займы на льготных условиях, а также реализует инфраструктурные проекты в регионе в рамках модели «ресурсы в обмен на инфраструктуру». Данная модель подразумевает, что в случае невозможности погашения задолженности государством-партнером, Китайская Народная Республика может получить право на освоение и добычу минеральных и энергетических ресурсов данных стран в качестве компенсации. В результате подобного влияния формируется «инфраструктурная зависимость» стран. Исходя из этого, китайская сторона пытается сформировать в ряде стран собственную цифровую систему, включающую в себя образовательные, научные и другие компоненты, путем формирования инфраструктуры и внедрения китайских технологий. Например, между Китаем и Демократической Республикой Конго (ДРК) в 2008 году было заключено соглашение, в рамках которого Китай инвестировал в инфраструктурные проекты ДРК в обмен на права на добычу полезных ископаемых. Позднее ДРК и КНР провели переговоры о пересмотре условий данного соглашения.

Компания Huawei реализует стратегию по увеличению своего инфраструктурного присутствия в африканском регионе. В рамках заключенных контрактов с Египтом и Алжиром, компания осуществляет модернизацию сетей 3G и взаимодействует с ведущим оператором мобильной связи Египта «Telecom Egypt» для развертывания сетей 4G. В Кении Huawei с 2014 года реализует Национальный проект по расширению магистральной волоконно-оптической инфраструктуры. В рамках состоявшегося в 2024 году Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) Китай и африканские страны договорились укреплять строительство цифровой инфраструктуры, продвигать высокоскоростной доступ в Интернет в Африке, поддерживать развитие «умных городов». Также Китай совместно в африканских странах реализует программу «Спутниковое телевидение в 10 тыс. деревень». В африканских странах, помимо крупных корпораций, также наблюдается развитие частных инициатив. В частности, компания Ahadi Corporation внедрила доступные интернет-услуги, интегрировав технологию Wi-Fi с местной оптоволоконной сетью.

В рамках стратегии по замещению американских технологических стандартов в Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай инициировал усиление цифровой политики. В 2022 году Китай начал строительство на юге страны системы подводных оптико-волоконных высокоскоростных кабелей SEA-H2X для модернизации Интернет-соединения между КНР и странами Юго-Восточной Азии, что также вписывается в развитие цифровой экономики в странах - участницах Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Система подводных кабелей соединит провинцию Хайнань, Гонконг (Сянган), Филиппины, Таиланд, Малайзию и Сингапур. В планах провести сеть до Вьетнама, Камбоджи и Индонезии.

В странах Центральной Азии Китай внедряет оптоволоконные линии связи и спутниковые системы передачи данных для обеспечения стабильного и высокоскоростного интернета. В 2023 году китайские компании достигли соглашения с таджикскими партнерами о развертывании на территории Таджикистана 7,6 тыс. базовых станций для обеспечения мобильной связи и широкополосного доступа в интернет. Кроме того, Китай также активно развивает сотрудничество в области строительства цифровой инфраструктуры с Россией и Казахстаном. В 2024 году подписано трехстороннее соглашение о создании единой цифровой платформы, направленной на оптимизацию контейнерных перевозок между странами. Ожидается, что создаваемый коридор будет представлять собой комплексную систему, предназначенную для интеграции и оптимизации процессов таможенного оформления, электронной коммерции и логистики.

В настоящее время западными странами реализуется стратегия по противодействию распространения китайских технологий, прикрываясь целями обеспечения информационной безопасности и поддержания национального технологического суверенитета. В условиях технологического соперничества между Китаем и США американские власти стремятся противодействовать и оказывать давление на некоторые государства, входящие в сферу интересов КНР. В частности, представители США рекомендовали европейским странам не применять китайские технологии, а также запретили ввоз китайской продукции в связи с рисками, связанными с потенциальной угрозой шпионажа со стороны Китая. Также руководство США в 2020 году инициировало программу «Чистая сеть» для минимизации рисков, связанных с утечкой конфиденциальной информации, нарушениями кибербезопасности. Программа основывается на международных принципах цифрового доверия и включает меры по защите от кибератак, предположительно исходящих от Китая. В данном проекте участвовало около 60 стран (например, Япония, Австралия, Южная Корея, Канада, Новая Зеландия, Индия). Вместе с тем, в последнее время данная инициатива не находит отражения в информационном пространстве.

Несмотря на это, китайские технологии играют ключевую роль в формировании цифровой инфраструктуры стран Центральной и Восточной Европы. Например, Huawei занимает ведущие позиции в области создания инфраструктуры 5G в Венгрии. Однако в некоторых европейских странах наблюдается тенденция к отказу от использования китайского цифрового оборудования, ссылаясь на угрозу национальной безопасности (Германия, Литва, Эстония, Швеция, Великобритания, Норвегия, Португалия). Германия одобрила проект по исключению оборудования Huawei и ZTE из инфраструктуры мобильной связи к 2026 году. Руководство Эстонии приняло федеральный закон, которым введены ограничения в использовании сетевого оборудования Huawei.

Более того, в 2023 году Европейский союз рассматривал вопрос о возможном запрете на использование оборудования Huawei при развертывании сетей 5G в государствах-участниках. Вместе с тем, достаточно быстро риторика Евросоюза сменилась в сторону вынужденного продолжения сотрудничества. Это решение было связано с тем, что европейские страны не обладают достаточными ресурсами и технологиями для полного отказа от сотрудничества с китайскими компаниями. Так, Европейский Союз предоставляет финансирование Huawei в рамках научно-исследовательской программы Horizon Europe, направленной на разработку технологий 5G, несмотря на существующие санкции. Китайская компания поставляет оборудование и платформы для искусственного интеллекта странам ЕС для проведения исследований. Данное партнерство свидетельствует о том, что в обозримом будущем Европа не сможет полностью отказаться от цифровых разработок Китая.

Вместе с тем, в контексте усиления геополитической напряженности и экономической конкуренции, европейские страны активизируют превентивные меры, направленные на обеспечение национальной безопасности и повышение конкурентоспособности европейских компаний. В 2024 году Европейский Союз рассматривал возможность введения обязательного требования для китайских компаний предоставлять свои технологии европейским предприятиям в обмен на субсидии ЕС.

Кроме того, Китай совместно с европейскими странами запустил проект ЕМА по проведению подводной оптоволоконной сети, соединяющей Азию, Ближний Восток и Европу. При этом данный проект конкурирует с идентичным проектом Америки SeaMeWe-6, в рамках которого в 2023 году китайские компании China Telecom и China Mobile приостановили свое участие в проекте из-за политической напряженности между США и

КНР.

Исходя из этого, европейские страны активно интегрируются в цифровую экономику Китая посредством внедрения китайских технологий, включая использование технологий 5G. Китай предоставляет партнёрам технологические решения, включая центры обработки данных и системы электронной коммерции. Однако США выражают озабоченность по поводу потенциальных рисков, связанных с использованием китайских технологий, таких как вопросы кибербезопасности и технологического суверенитета. Руководство Соединенных Штатов Америки формирует негативное восприятие Китая среди европейских партнеров и других стран, продвигая в информационном пространстве идею о китайском кибершпионаже с целью уменьшения влияния Китая. Ряд европейских государств усилил меры по обеспечению информационной безопасности, что привело к началу разработки собственных технологических систем. Тем не менее, использование китайских технологических решений рядом стран на международном рынке все еще остается значительным, поскольку полный отказ от них потребует дополнительных временных и ресурсных затрат.

Образовательная форма воздействия. Руководство Китая на различных форумах и конференциях продвигает форматы сотрудничества в сфере цифрового образования. Так, Председатель КНР Си Цзиньпин инициировал активизацию сотрудничества в сфере цифрового образования между странами-участницами БРИКС. Китай планирует открыть 10 учебных центров в странах БРИКС с целью возможности обучения 1000 административных работников. Китай инициирует создание научно-исследовательских лабораторий для стимулирования прогресса в области искусственного интеллекта, а также для обеспечения безопасного развития этой технологии, в том числе путем проведения научных саммитов, направленных на обсуждение и координацию международных усилий в данной сфере в рамках инициативы ОПОП. Так, Китай открыл международные лаборатории OpenLab (Германия, Мексика, Сингапур, ОАЭ, Турция).

В Африке Китай реализует образовательные программы по переподготовке кадров, например, Huawei открыл в Восточной Африке центр совершенствования подготовки в области новых технологий, расположенный в Найроби (мобильные и оптоволоконные сети, энергетические решения, телекоммуникационная инфраструктура). В рамках ОПОП была разработана инновационная образовательная платформа «Cloud Classroom», предназначенная для проведения интерактивных онлайн-трансляций, направленных на повышение уровня цифровой компетентности участников инициативы. Программа обеспечивает возможность организации учебных мероприятий в режиме реального времени.

Также в качестве инструмента «идейного» влияния можно выделить внедрение в Казахстане цифрового информационного табло издания People's Daily. Благодаря данной платформе издание может публиковать многоязычные информационные бюллетени, содержащие исторические материалы о Китае.

Таким образом, Китай формирует цифровую экосистему за счет интенсивного продвижения цифровых технологий на глобальном рынке. КНР последовательно реализует стратегию по продвижению своей технологической архитектуры, начиная с создания цифровой инфраструктуры (развёртывания оптоволоконных сетей) и заканчивая продвижением разработанных операционных систем через продажу высокотехнологичной продукции на международном рынке. Ведущие китайские технологические компании, например, Huawei, Tencent, ZTE, пытаются сформировать у внешних пользователей привязанность к своим устройствам за счет зависимости как от

комплектующих к поддержке инфраструктуры, так и облачных хранилищ. Это свидетельствует о последовательных усилиях Китая по интеграции своих цифровых решений в различные отрасли экономики других стран.

В контексте инициативы «Цифровой Шелковый путь» Китай заявляет о международном взаимном сотрудничестве в области развития цифровых технологий. Однако практическое воплощение этой инициативы может привести к усилению «цифровой зависимости» стран-участниц от китайских технологий^[17]. Такой подход позволяет Китаю не только продвигать свои технологии, но и получать доступ к новым рынкам, ресурсам и компетенциям.

Китай применяет разнообразные механизмы для усиления своего влияния в других странах, включая технологические платформы и устройства. Электронные платформы способствуют интеграции стран в глобальное цифровое пространство и могут влиять на экономические и социальные процессы в этих государствах. Обновление инфраструктуры предприятий, в том числе с внедрением робототехники, демонстрируют риски по «закреплению» к китайским технологическим комплектующим, так и к системам искусственного интеллекта, адаптированным под китайские стандарты. Эти механизмы позволяют Китаю не только укреплять свои технологические позиции, но и формировать новые модели взаимодействия с другими странами в условиях глобализации.

Результаты исследования позволяют определить роль Китая в современной мировой политике в условиях цифровой трансформации. В настоящее время Пекин последовательно выстраивает собственную внешнеполитическую стратегию по продвижению цифровой архитектуры за пределы своей страны. Основным подход в реализации китайской цифровой стратегии заключается в продвижении «идейно-ценностного» фактора, основанного на цифровых категориях освоения мира, а именно инициативы «Цифровой Шелковый путь», «Сообщество единой судьбы в киберпространстве», «Электронная коммерция Шелкового пути», «Искусственный интеллект плюс» и «Интернет плюс». При этом «Цифровой Шелковый путь» подразумевает стратегическую инициативу по формированию глобальной цифровой инфраструктуры, направленной на оптимизацию процессов обмена информацией, товарами и услугами. Официальные представители Китая в своих публичных выступлениях и заявлениях подчеркивают приверженность общечеловеческим ценностям в контексте развития технологий искусственного интеллекта. Среди приоритетных общечеловеческих ценностей, которые были отмечены, можно выделить уважение к достоинству и свободе личности; гарантирование безопасности систем искусственного интеллекта; гармония и дружелюбие между человеком и машиной, содействие справедливости. Данный «идейно-ценностный» ландшафт направлен на укрепление связей с различными регионами мира, что может привести к переформатированию мировой цифровой среды.

Внешнеполитическая стратегия Китайской Народной Республики в контексте цифровизации отражает ее стремление к глобальному лидерству в сфере информационных технологий и цифровой инфраструктуры. Реализация данной стратегии направлена на создание новой экономической и геополитической реальности, что предполагает формирование и продвижение китайской модели цифрового развития на международной арене. Стратегия Китая также включает распространение цифровых технологий для укрепления политического и экономического влияния в ключевых регионах. Пекин продвигает технологические стандарты на международный рынок путем

экспорта цифровых услуг и товаров, оснащённые встроенными китайскими операционными системами.

В результате проведенного анализа цифровой стратегии Китая на мировой арене определены ключевые компоненты, реализуемые китайской стороной в ряде стран: сопряжение с национальными инициативами в рамках цифрового дискурса; экономическая форма взаимодействия; строительство телекоммуникационной инфраструктуры; образовательная форма воздействия.

В области экономического взаимодействия китайские компании осуществляют финансирование проектов по прокладке оптоволоконных кабелей и развертыванию сетей мобильной связи. Также компании предлагают платформы для электронной коммерции и решения для «умных городов» с целью их интеграции во многие сферы общественной жизни (транспорт, общественная безопасность, производство) преимущественно странам Центральной Азии, Африки, Ближнего Востока и Европы. Вместе с тем, в процессе реализации проектов «умного города» Китай продвигает собственные технологические решения и оборудование, что создает предпосылки для зависимости стран от китайских производителей и поставщиков технологий. Китайские компании предоставляют широкий спектр веб-сервисов для передачи данных, включая облачные хранилища. Пекин также реализует комплексные решения для внедрения робототехники на иностранных предприятиях, включая обучение персонала данным технологиям и техническую поддержку.

В большей степени финансовая поддержка Китаем технологических отраслей в других странах представляет собой эффективный механизм для расширения глобального присутствия китайских технологий в сфере информационно-коммуникационных технологий. Данная стратегия оказывает значительное влияние на международные рынки, особенно в развивающихся странах. Например, в Африке и Центральной Азии Китай инвестирует в строительство цифровой инфраструктуры, в частности применяя формулу «ресурсы в обмен на инфраструктуру», подразумевающую передачу африканскими государствами прав Китаю на разведку или добычу полезных ископаемых. Африканский регион, традиционно рассматриваемый как ключевой поставщик ресурсов, в последнее время трансформируется в значимого «потребителя» высокотехнологичной продукции китайского производства. В данной ситуации существует риск замещения национальных цифровых систем китайскими стандартами и технологиями в ряде государств.

В рамках развития телекоммуникационной инфраструктуры китайские компании развертывают сети 5G для обеспечения высокоскоростного доступа в интернет и поддержки перспективных технологий (интернет вещей, телемедицина), развивают подводные кабельные системы и спутниковые коммуникации, а также расширяют наземную телекоммуникационную инфраструктуру. В большей степени Китай реализует указанные проекты в странах, нуждающихся в цифровом оснащении и улучшении материально-технической базы, например, в Центральной Азии, Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Образовательная форма воздействия на страны обуславливается попыткой руководством Китая повысить качество подготовки кадров в сфере цифровых компетенций, а также создать международные научно-исследовательские лаборатории в области искусственного интеллекта.

В рамках традиционной стратегии применения «западного ради китайского» Китай не

только адаптировал политические решения с учётом национальной китайской специфики, но и модернизировал технологические решения. Облачные хранилища данных, разработанные Китаем, демонстрируют сходство с аналогичными продуктами западных компаний. В то же время китайские облачные сервисы пользуются популярностью, поскольку предлагают больший объём памяти для хранения данных и характеризуются более конкурентоспособной ценовой политикой.

Исходя из этого, Пекин постепенно формирует новую цифровую реальность, которая сопровождается укреплением его позиций в глобальном цифровом пространстве. На практике реализация цифровой трансформации Китая сталкивается с рядом вызовов в достижении полноценного цифрового доминирования, включая новый опыт ряда стран по созданию собственных операционных систем, которые ранее разрабатывались на основе западных технологий.

Во-первых, сопротивление со стороны Запада, проявляющееся в виде санкционной политики (санкции и ограничения на доступ к необходимым технологиям). Во-вторых, опасения со стороны ряда стран относительно сохранения их цифрового суверенитета. В-третьих, проблема недостаточного развития собственных технологических разработок, что обуславливает его частичную зависимость от иностранных компаний. Это особенно актуально в контексте создания операционной системы для компьютера, предназначенной для международного рынка и способной обеспечить масштабную замену операционной системы Windows.

В-четвёртых, «столкновение» китайских инфраструктурных проектов в сфере цифровизации с другими устоявшимися проектами в регионах присутствия. При взаимодействии с международными инициативами Китай стремится к их сопряжению с проектом «Один пояс, один путь» для управления потоками товаров и инвестиций (например, «Цифровой Шелковый путь» и «Цифровой Казахстан»). В ситуациях, когда возникают «идейно-ценностные» или концептуальные различия с другими проектами, китайские власти предпринимают усилия для их минимизации влияния в регионах. В качестве примера можно привести проект «Глобальный шлюз» Европейского союза, который позиционируется как альтернатива инициативе «Один пояс, один путь». Данный проект представляет собой экономический план, направленный на создание глобальной инфраструктуры, в том числе в сфере цифровых технологий.

Кроме того, со странами Центральной Азии компаниями Азербайджана реализуется проект «Транскаспийской оптоволоконной линии», который является частью программы Azerbaijan Digital Hub с целью формирования цифрового коридора между Европой и Азией. В условиях конкуренции с подобными инициативами Китай активно продвигает свои стратегические интересы, стремясь сохранить доминирующую роль в формировании глобальных цифровых инициатив.

С точки зрения продвижения альтернативных инициатив и услуг в страны, входящие в сферу интересов, основным барьером может стать усиление развития цифровой инфраструктуры, ориентированной на технологические стандарты, разработанные китайскими или американскими компаниями. Продвижение цифровых технологий Китая в страны, которые также представляют интерес для России, может привести к созданию коммуникационной инфраструктуры, обеспечиваемой исключительно китайскими разработчиками и соответствующей китайским технологическим стандартам.

В этом ключе для России представляется важным активно участвовать в формировании новых регуляторных и институциональных основ в глобальной цифровой экосистеме, в

том числе посредством создания цифровой «идейно-ценностной» основы, обеспечивающей равные условия для всех участников и гарантирующей свободный доступ к передовым инновационным технологиям. В частности, представляется целесообразным продолжить усиленное развитие национальных технологических проектов. Например, развитие российской операционной системы «Аврора» не только для государственного сектора, но и для других категорий пользователей с целью её дальнейшего продвижения на международный рынок. Реализация данных инициатив будет способствовать укреплению позиций России на международной арене, а также окажет влияние на формирование и реализацию инновационной политики, ориентированной на укрепление технологического суверенитета государства.

Библиография

1. Торин А. И. Конкуренция технологических платформ в цифровой среде XXI века: основные угрозы [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29503> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Шуцзы Чжунго цзяньшэ чжэнтэ буцзюй гуйхуа [Общий план строительства Цифрового Китая] [Электронный ресурс] // Правительство КНР. URL: <https://russian.news.cn/20240714/02f35addf26842aa977144cse13935a0/c.html> (дата обращения: 19.05.2025).
3. Шуцзы Чжунго цзяньшэ нянь синдун Фанань цзиньжи иньфа [Недавно опубликован "План действий по построению Цифрового Китая на 2025 год"] [Электронный ресурс] // Правительство КНР. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202505/content_7024041.htm (дата обращения: 19.05.2025).
4. Идеи и ценности во внешней политике России, государств Ближнего и Постсоветского Востока: коллективная монография / ИНИОН РАН. Отд. Ближнего и Постсоветского Востока; отв. ред. д-р полит. наук В.А. Аватков. – Москва: ИНИОН РАН, 2025. – 132 с.
5. Караганов С. А. Оборонительная традиция неуместна в нынешнем мире [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nastuplenie-v-vojne-idej/> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Лукьянов Ф. А. Сила мягкость ломит: в чем слабость внешней политики России [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/17658> (дата обращения: 11.05.2025).
7. Маслов А. А. Китай 2020. Пандемия, общество и глобальные альтернативы // – М.: Рипол Классик, 2021. – 368 с.
8. Outline of the 14th Five-Year Plan (2021-2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China [Электронный ресурс] // General Office of Fujian Provincial People's Government. URL: https://fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (дата обращения: 20.03.2025).
9. Белая книга: создание сообщества единой судьбы в киберпространстве – это необходимый выбор в информационную эпоху [Электронный ресурс] // Синьхуа новости. URL: <https://russian.news.cn/20221107/7a3966d586e940819d7a1837670b3d78/c.html> (дата обращения: 20.03.2025).
10. Ижу Лю, Авдокушин Е. Ф. Формирование основ "Цифрового шелкового пути" // Мир новой экономики. – 2019. – № 4. – С. 62-71.
11. Секретарева К. Н. Цифровая трансформация и ее влияние на внешнюю политику Китая. Информационное общество. – 2025. – № 1. – С. 143-151.
12. Титаренко А. М. "Китайская мечта" и "пояс и путь": возможности сопряжения с интеграционными проектами на постсоветском пространстве // Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. – М: Национальный

исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2020. – С. 148-161.

13. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Стратегические изыскания, 2019. – 736 с.

14. Сидоренко Э. Л. Китайская инициатива Цифрового шелкового пути: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России. *Russian Journal of Economics and Law*. – 2025. – № 19(1). – С. 57-79.

15. Гоуянь гуаньюй иньфа синьдайд жэньгунчжинэн фачжань гуйхуа дэ тунчжи [Уведомление Государственного совета о выпуске Плана развития искусственного интеллекта нового поколения] [Электронный ресурс] // Сайт Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 20.03.2025).

16. Синьдайд жэньгунчжинэн лунли гуйфань [Кодекс этических принципов искусственного интеллекта] [Электронный ресурс] // Министерство Науки и Технологий КНР. URL: https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html (дата обращения: 20.05.2025).

17. Лексютина Я. В., Сизов Г. А. Цифровой шелковый путь: особенности и перспективы развития. Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 6(75). – С. 324-339.

18. Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней: монография / М.А. Сучков, К.В. Воронцов, Н.Ю. Силаев [и др.]; под ред. М.А. Сучкова, И.В. Болговой; МГИМО МИД России, Институт международных исследований, Лаборатория интеллектуального анализа данных. – М: МГИМО-Университет, 2023. – 232 с.

19. Решетникова М. С., Васильева Г. А., Третьякова С. С. Место Китая на мировом рынке "умных городов" // *Russian Journal of Innovation Economics*. – 2024. – № 11(4). – С. 1997-2018.

20. Quarterly share of the cloud Infrastructure as a service (IaaS) market in China from 4th quarter 2019 to 4th quarter 2024, by company [Электронный ресурс] // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1129265/china-cloud-infrastructure-service-market-share-by-company/> (дата обращения: 20.03.2025).

21. Amazon and Microsoft Stay Ahead in Global Cloud Market [Электронный ресурс] // Statista. URL: <https://www.statista.com/chart/18819/worldwide-market-share-of-leading-cloud-infrastructure-service-providers/> (дата обращения: 20.03.2025).

22. Заклязьминская Е. О. Зависимость Китая от зарубежных технологий. Аналитические записки ИККА РАН. – 2023. – № 3. – С. 58-62. DOI: 10.48647/ICCA.2023.80.59.013 EDN: UAONYL.

23. Цзяда чжичи лиду гунцзянь гочань цаоцзоситун туни шэнтай [Увеличение поддержки для создания единой экосистемы производственных и операционных систем] [Электронный ресурс] // Shenzhen Securities Times. URL: <https://www.stcn.com/article/detail/813499.html> (дата обращения: 20.03.2025).

24. FT узнала о запрете китайским госструктурам использовать чипы Intel и AMD [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/03/2024/6600e6a79a7947769ed324c4?ysclid=mailcatqyi858431819> (дата обращения: 25.03.2025).

25. Huawei's HarmonyOS unseats Apple's iOS to become China's No 2 mobile operating platform [Электронный ресурс] // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/tech/big-tech/article/3266747/huaweis-harmonyos-unseats-apples-ios-become-chinas-no-2-mobile-operating-platform> (дата обращения: 20.03.2025).

26. Григорьевский В. В. Регулирование "облачных сервисов" как инструмент международной конкуренции: опыт США и Китая. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН.

– 2024. – № 3. – С. 50-70.

27. Статистика продаж Hongqi [Электронный ресурс] // Сетевое издание "Китайские автомобили". URL: https://www.chinamobil.ru/faw/hongqi/?view=sales_all&year=23&mon=0 (дата обращения: 20.03.2025).

28. US tech stocks plunge on China AI's unexpectedly strong showing [Электронный ресурс] // South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/news/china/article/3296510/us-tech-stocks-plunge-china-ais-unexpectedly-strong-showing?module=top_story&pgtype=subsection (дата обращения: 20.03.2025).

29. DJI Won the Drone Wars, and Now It's Paying the Price [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2020-03-26/dji-s-drone-supremacy-comes-at-a-priceChina's Smart Dragon-3 rocket sends 9 satellites into space> (дата обращения: 20.05.2025).

30. China's Smart Dragon-3 rocket sends 9 satellites into space [Электронный ресурс] // CGTN. URL: <https://news.cgtn.com/news/2024-02-03/China-s-Smart-Dragon-3-rocket-sends-9-satellites-into-space-1qTxS6qFo8o/p.html> (дата обращения: 20.03.2025).

31. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая. Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – № 1. – С. 46-73.

32. Стоимость высокотехнологичного экспорта. Китай. 2023. [Электронный ресурс] // Statbase. URL: <https://statbase.ru/data/chn-high-technology-exports/> (дата обращения: 22.03.2025).

33. Итоги 2023 года: снижение объемов торговли высокотехнологичной продукцией на фоне замедления роста мировой торговли и трансформации глобальных цепочек создания стоимости [Электронный ресурс] // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/ru/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/high-tech-trade> (дата обращения: 22.03.2025).

34. China sees prosperous development of digital trade [Электронный ресурс] // People's Daily Online. URL: <http://en.people.cn/n3/2023/0926/c90000-20077200.html> (дата обращения: 20.03.2025).

35. Опрос: 86 проц. респондентов высоко оценивают цифровые инновации Китая [Электронный ресурс] // Синьхуа. URL: <https://russian.news.cn/20250508/c6c1c18d540a447e8966bc5b860802a3/c.html> (дата обращения: 09.05.2025).

36. Китай в 2022 году экспортировал промышленных роботов на \$610 млн [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16933205> (дата обращения: 20.03.2025).

37. Связь 5G интегрирована в 60% национальной экономики КНР [Электронный ресурс] // CGTN. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-06-06/16660337373633263618/index.html> (дата обращения: 20.03.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает фактор цифровых технологий, активно используемый Китаем в процессе реализации своей внешней политики. Учитывая верно отмечаемую автором тенденцию к углубляющейся цифровизации социальных процессов (в сфере экономики, политики, общественной и т.д.), степень научной актуальности и практической значимости выбранной для исследования темы следует признать весьма высокими. Методология исследования описана автором

достаточно сумбурна. С одной стороны, в статье перечисляются некоторые из методов, которые действительно могли использоваться в работе: контент-анализ (почему-то «дискурса», а не документов; почему бы в таком случае не использовать дискурс-анализ, осталось загадкой) и ивент-анализ. Но почему-то не упомянуты методы, традиционные для исследования идеологической базы – концептуальный анализ, морфологический и т. д. Вообще, в работе отсутствуют ссылки на современные исследования идеологий, хотя одной из задач исследования декларируется анализ «идейно-ценностного фактора», который почему-то «выступает в качестве дискурсивной основы цифровой стратегии». Так он в качестве идейной основы выступает или дискурсивной? Автор, судя по контексту, не различает эти вещи. Потому что не проработал соответствующую литературу. Именно это и стало причиной другой стороны проблемы: недостаточная теоретико-методологическая проработка исследования вынудила автора упоминать такие «общенаучные методы», как «классификация». Даже если не придавать значения вопросу, является ли классификация методом, остаётся неясным, какой именно результат она могла дать автору. При этом в статье вообще никак не упоминаются те методы, которые реально использовались в процессе работы: например, институциональный (при анализе конкретных институтов развития цифровой экономики Китая, а также реализации его внешнеполитической стратегии), критический концептуальный и нарративный (при исследовании идейных оснований цифровой стратегии Китая), анализ вторичных статистических данных и др. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны. Прежде всего, речь идёт о самом аспекте исследования внешнеполитической стратегии КНР через анализ развития и продвижения вовне китайских цифровых технологий, а также идеологической базы, лежащей в основе этой цифровой стратегии. Достаточно интересны выводы, сделанные автором относительно конкретных концептов и нарративов, на основе которых реализуется цифровая внешнеполитическая стратегия Китая: «Цифровой Шёлковый путь», «сообщество единой судьбы в киберпространстве», «Электронная коммерция Шёлкового пути» и др. Научный интерес представляет также выявленная автором экономическая база указанной стратегии, которая позволяет Китаю расширять своё технологическое присутствие в экономиках других стран. Наконец, небезынтересны выводы автора относительно перспектив сотрудничества России и Китая в данной области. В структурном плане рецензируемая работа производит нейтральное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается её актуальность, формулируются цель и задачи исследования, а также осуществляется (не очень удачная) попытка теоретико-методологической рефлексии исследования; - «"Идейно-ценностное" обоснование развития цифровой стратегии КНР», где исследуется идеологическая база развития институтов цифровой экономики Китая; - «Цифровая внешнеполитическая стратегия Китая и ключевые механизмы», где несмотря на стилистическую погрешность в заголовке, представлены основные результаты исследования, а именно: анализ ключевых механизмов реализации цифровой стратегии Китая во внешней политике; - неозаглавленное заключение, где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи, в целом, научно-аналитический. Но в тексте встречается некоторое количество стилистических (например, первое же предложение в тексте сформулировано стилистически весьма некорректно, когда читателю приходится буквально продираться сквозь нагромождения грамматических конструкций, и в результате становится совершенно неясно, «кто на ком стоял»: «В условиях стремительного развития цифровых технологий большинство

международных акторов делает акцент не только на внутреннем развитии цифровизации с целью превращения в инновационное государство, обладающее высокотехнологичной цифровой инфраструктурой ["цифровизация с целью инновационного государства, обладающего цифровой" – это явный плеоназм; – рец.], но и на внешнем продвижении собственных инициатив с целью технологического присутствия в других странах, входящих в сферу интересов [в чью сферу интересов? – рец.]; или повторы слов, например: «В процессе разработки технологических решений... ориентировался на... технологические стандарты...» и др.) и грамматических (например, пропущенный предлог «за» в выражении «отказа от полной зависимости западных технологий»; и др.) ошибок. Тем не менее, в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. В числе исключений следующие. Автор явно не всегда понимает смысл использованных терминов. Например, он не понимает, что санкции не «сопровождают» отказ от «зависимости от западных технологий», а поскольку этот отказ «вынужденный», то и причиной его ЯВЛЯЮТСЯ санкции. Либо же этот «отказ» не был «вынужденным», а осуществлялся на добровольной основе (как это нередко происходило в КНР). Путаница между идеями, дискурсом, нарративом и контентом упоминалась выше. Библиография насчитывает 50 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу недостаточной проработки теоретической базы исследования. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести весьма интересную и актуальную тему, выбранную автором для исследования, а также достаточно большой объем эмпирического материала, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, экономистов, синологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации ПОСЛЕ устранения высказанных замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья, подготовленная для публикации в журнале "Мировая политика", представляет собой глубокий анализ цифровой трансформации как важного элемента внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики (КНР). В ней рассматриваются ключевые аспекты, связанные с цифровизацией, ее влиянием на международные отношения и стратегическим позиционированием Китая на мировой арене. Рассматриваются как политические аспекты такого позиционирования, так и экономические процессы, способствующие усилению цифровизации.

Актуальность избранной тематики обусловлена тем фактом, что в условиях глобальной цифровизации и технологической конкуренции, исследование роли цифровых технологий во внешнеполитической стратегии КНР позволяет дифференцировать позиции ведущих стран в области технологического лидерства. В статье прослеживается попытка продемонстрировать, как цифровая трансформация влияет на экономический рост и национальную безопасность, что делает данную публикацию

важной для понимания современных международных процессов.

Методология исследования носит комплексный характер. Автор применяет разнообразные методы исследования, включая дискурс-анализ и кейс-стадии, что позволяет глубже понять механизмы реализации цифровой стратегии Китая. Это придаёт статье научную строгость и обоснованность. Статья опирается на широкий пласт источников, включая официальные документы и исследования, как зарубежные, так и российские, что добавляет ей достоверности и позволяет читателю ознакомиться с различными аспектами рассматриваемой темы.

Вместе с тем, несмотря на обширный анализ стратегий КНР, статья недостаточно критически оценивает возможные риски и негативные последствия цифровой трансформации. Например, не рассматриваются потенциальные угрозы для цифрового суверенитета других стран и возможные конфликты интересов. В статье также определенным образом не достаёт конкретных примеров: хотя упоминается несколько инициатив, таких как "Цифровой Шелковый путь", не хватает конкретных примеров успешных или неудачных проектов, которые могли бы проиллюстрировать заявленные тезисы. Это может оставить читателя с недостаточным представлением о реальных последствиях китайской стратегии.

Данной публикации характерен также ограниченный географический охват. В статье в основном рассматриваются страны Африки и Центральной Азии, в то время как влияние Китая в других регионах, таких как Европа или Америка, остается без должного внимания. Это может привести к искажению общей картины.

В заключении стоит отметить, что "Цифровая трансформация как часть внешнеполитической стратегии КНР" является важным вкладом в изучение роли технологий в международной политике. Однако, для более полного понимания темы, авторам следует углубить критический анализ и предоставить больше примеров из практики. Это позволит лучше оценить как положительные, так и отрицательные аспекты цифровой стратегии Китая в контексте глобальных изменений. Рекомендуется доработать статью с учетом обозначенных выше замечаний, а также несколько сократить объем публикации и библиографию.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают вопросы цифровой трансформации, рассматриваемые как часть внешнеполитической стратегии Китая.

В исследовании применяется методология, включающая дискурс-анализ и концептуальный анализ ключевых политических документов КНР, а также заявлений официальных лиц Китая, в работе используется критический концептуальный и нарративный анализ.

По мнению авторов, актуальность темы работы обусловлена тем, что в условиях, когда цифровые технологии становятся ключевым драйвером экономического роста и обеспечения национальной безопасности, анализ их воздействия на мировую систему приобретает первостепенное значение.

Заявленная авторами научная новизна рецензируемого исследования состоит в анализе «идейной» основы цифровой стратегии Китая, а также в систематизации ключевых механизмов развития китайской цифровой экосистемы и оценке их влияния на международных акторов.

В публикации структурно выделены следующие разделы: «Идейное» обоснование

цифровой стратегии Китая, Комплексный анализ цифровой стратегии Китая: ключевые механизмы и стратегические приоритеты, Библиография.

В публикации авторы поднимают проблему определения влияния цифровой трансформации Китая на внешнеполитические процессы в контексте изменения международной системы, рассматривают внешнеполитическую стратегию КНР с точки зрения степени воздействия цифровой трансформации на других акторов, а также стремятся выявить проблемы, с которыми сталкивается Китай в странах своего геополитического влияния. Отмечено, что Пекин последовательно выстраивает собственную внешнеполитическую стратегию по продвижению цифровой архитектуры за пределы своей страны, осуществляет продвижение «идейно-ценностного» фактора, основанного на цифровых категориях освоения мира через такие инициативы как «Цифровой Шелковый путь», «Сообщество единой судьбы в киберпространстве», «Электронная коммерция Шелкового пути», «Искусственный интеллект плюс» и «Интернет плюс». Примечательно, что авторы стремятся найти применение полученных результатов исследования для России, говорят о необходимости активно участвовать в формировании новых регуляторных и институциональных основ в глобальной цифровой экосистеме, в том числе посредством создания цифровой «идейно-ценностной» основы, обеспечивающей равные условия для всех участников и гарантирующей свободный доступ к передовым инновационным технологиям.

Библиографический список включает 37 источников – публикации отечественных и зарубежных авторов по теме статьи на русском и иностранных языках, а также интернет-ресурсы. На источники в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из недочетов стоит отметить следующие. Во-первых, начальная вводная часть публикации почему-то не озаглавлена как «Введение», а заключительные 14 абзацев – как «Заключение» или «Выводы». Во-вторых, авторами не соблюдены установленные редакцией Правила оформления списка литературы: «В списке литературы не указываются: ... Интернет-источники, включая информацию с сайтов, а также статьи на сайтах и в блогах; публикации ненаучного характера (газетные статьи, статьи общественно-политических журналов и т.д.). Все вышеперечисленные источники упоминаются в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов».

Статья отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует направлению журнала «Мировая политика», содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию после внесения корректив в соответствии с высказанными замечаниями.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Демидов А.М. Особенности африканского направления современной внешней политики Кубы // Мировая политика. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.2.74880 EDN: WDYPWS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74880

Особенности африканского направления современной внешней политики Кубы

Демидов Алексей Михайлович

кандидат политических наук

доцент; кафедра Международных отношений и политологии; Санкт-Петербургский государственный экономический университет

191023, Россия, город Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

✉ a.m.demidov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Региональные конфигурации международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.74880

EDN:

WDYPWS

Дата направления статьи в редакцию:

12-06-2025

Дата публикации:

19-06-2025

Аннотация: Объектом исследования является внешняя политика Кубы. В качестве предмета исследования выбрана внешнеполитическая деятельность Гаваны на африканском направлении в период 2010-2025 годов. Сначала автор рассматривает историю кубинской активности в Африке. Затем анализируются современные отношения Кубы с её ключевыми партнерами в регионе: ЮАР, Нигерией, Анголой, Эфиопией и Алжиром. Выявляются особенности африканского направления внешней политики Кубы и значение отношений с Африкой для Гаваны. Особое внимание уделено нескольким аспектам, важным для поддержания интенсивности кубинско-африканских отношений. Это роль исторической памяти в обосновании современного сотрудничества, динамика высокоуровневых дипломатических визитов и медицинская и образовательная дипломатия Кубы. Цели африканского направления внешней политики Кубы

рассматриваются в контексте повышения роли Глобального Юга в мировой политике. В статье применяются общенаучные методы познания – анализ и синтез, а также элементы сравнительного метода. В качестве источников для анализа использовались документы и информационные материалы Министерств иностранных дел Кубы и стран Африки, а также материалы СМИ Кубы и стран Африки, научные работы отечественных и зарубежных специалистов. Научная новизна работы обусловлена недостатком в отечественной науке попыток проанализировать именно современную внешнюю политику Кубы в отношении стран Африки. Данная работа демонстрирует адаптацию карибской республики к вызовам сегодняшней мировой политики. Как основные выводы можно отметить, во-первых, сохраняющуюся важность Африки для реализации глобальных целей Кубы. Этими целями являются предотвращение дипломатической и экономической изоляции острова и поиск партнеров для торгового и инновационного сотрудничества. Страны Африки поддерживают Гавану в ООН и готовы оплачивать услуги кубинских специалистов. Во-вторых, Куба продолжает не только сохранять, но и развивать сотрудничество с африканскими странами. Установлено, что Куба активизировала высокоуровневые дипломатические визиты в Африку в последние три года – страны континента посещали президент, вице-президент и министр иностранных дел. Гавана взаимодействует с Африкой не только в двустороннем, но и в многостороннем формате, имеет хорошие отношения с такими организациями, как Африканский союз и ЭКОВАС.

Ключевые слова:

Куба, Африка, внешняя политика, Южно-Африканская Республика, Нигерия, Ангола, Эфиопия, Алжир, медицинская дипломатия, солидарность

Изучение африканского направления внешней политики Кубы **актуально** по трём причинам. Во-первых, эта страна демонстрирует уникальную внешнеполитическую активность, добившись успехов в развитии связей со странами другого континента в условиях ограниченных ресурсов. Во-вторых, Куба со времён революции 1959 года занимает дружественную к нашей стране позицию. Президент Кубы Мигель Диас-Канель был одним из мировых лидеров, посетивших парад Победы в мае 2025 года. На встрече с В. В. Путиным в Кремле кубинский лидер подчеркнул, что в эти дни отмечалось 65-летие восстановления дипломатических отношений между Москвой и Гаваной. По его словам, «это отношения, которые, несмотря на все вызовы, преодолели испытания временем» ^[1]. В-третьих, африканское направление внешней политики приобрело новую значимость для России в связи с западными попытками изоляции нашей страны, и поэтому изучение опыта Кубы и возможные совместные российско-кубинские проекты в Африке особенно актуальны.

В качестве **предмета** данной работы было избрано африканское направление в современной внешней политике Кубы. Для рассмотрения нами выбран период с 2010 по 2025 год, с особым вниманием к событиям последних лет.

Научная новизна работы обусловлена недостатком в отечественной науке попыток проанализировать *современную* внешнюю политику Кубы в отношении стран Африки. Автору удалось обнаружить лишь несколько работ, непосредственно посвященных кубинской внешней политике в текущий период, но и в них африканское направление практически не рассматривается. Например, в работе Е. С. Запарий «Эволюция внешней политики Кубы на современном этапе», опубликованной в 2019 году, раздел «Африканский вектор внешней политики Кубы» описывает события периода

деколонизации, самое позднее из которых происходит в 1990 году [\[2\]](#). В работе Д. В. Луцюка «Развитие внешней политики Кубы с 2000 по 2021 год» не упоминается ни одна из стран Африки, как будто Куба с ними не взаимодействует [\[3\]](#). Лишь в работе В. Л. Хейфеца и Л. С. Хейфеца «Куба: переосмысление роли страны в мировом сообществе» есть один абзац про расширение связей с ЮАР [\[4\]](#). При этом *предшествовавшая* история кубинской активности в Африке подробно исследована в работах А.В. Королькова, В.А. Бородаева, М. Лысенко и других.

Целью проведенного исследования является выявление особенностей африканского направления в современной внешней политике Кубы и установление степени его значимости для карибской республики. В ходе работы нами были решены следующие **задачи**: рассмотреть историю кубинской активности в Африке; проанализировать современные отношения Кубы со странами Африки; выявить особенности африканского направления внешней политики Кубы; установить значение отношений с Африкой для Гаваны.

Методы, использованные в работе, отвечают поставленным задачам. Это общенаучные методы познания – анализ и синтез, а также элементы сравнительного метода.

В качестве **источников** для анализа использовались документы и информационные материалы Министерств иностранных дел Кубы и стран Африки, а также материалы СМИ Кубы и стран Африки, научные работы отечественных и зарубежных специалистов.

Прежде всего, мы должны отметить историческую преемственность в данном направлении кубинской внешней политики. Сотрудничество Кубы с Африкой началось в период холодной войны, когда Гавана поддерживала освободительные движения в борьбе с колониализмом и апартеидом. «Примерно полмиллиона кубинцев ... участвовали в антиколониальных войнах в Африке, превратив крошечный остров Карибского бассейна в равный по значению великим державам», - подчеркивает уникальность кубинской политики профессор С. Ламрани [\[5, с. 59\]](#). При этом «Куба в своей интернациональной помощи придерживалась норм международного права, резолюций ООН и ОАЕ», - отмечает профессор В.А. Бородаев [\[6, с. 87\]](#).

Первой из африканских стран кубинскую поддержку получил Алжир, ещё только боровшийся за свою независимость. В 1962 г. алжирским повстанцам привезли 1500 единиц оружия. Когда же в 1963 г. в только что освободившуюся страну вторглись марокканские войска, то Ахмед бен Белла отправил в Гавану просьбу о срочной помощи. Кубинское правительство прислало танковую дивизию и 700 солдат, вынудив Марокко отступить. [\[5, с. 61\]](#) Также именно в Алжире была создана первая долгосрочная медицинская миссия Кубы: бригада из 55 докторов проработала в африканской стране год. Миссией руководил сам министр здравоохранения Кубы, «что является подтверждением важности алжирского направления для кубинской внешней политики», - пишет М. Лысенко [\[7, с. 48\]](#). В этот период также начинается образовательная дипломатия Кубы в Африке. Кубинские учителя преподавали в Гвинее еще в 1960 году, также стала оказываться помощь в образовательной сфере таким странам, как Мали, Конго и Ангола [\[8, р. 200\]](#).

Далее была военная помощь повстанцам в Конго в 1965, окончившаяся вынужденным отступлением. В 1966 году Гавана прислала десятки инструкторов, техников и врачей партизанским отрядам Африканской партии независимости Гвинеи и Кабо-Верде (ПАИГК). Эта помощь сыграла роль в освобождении не только данных стран, но и других

португальских колоний, поскольку способствовала революции в метрополии [\[9, с.72\]](#).

В Анголе Куба осуществила операцию «Карлота», за одну неделю остановив интервенцию расистского режима ЮАР, превосходившего карибскую республику по ресурсам и технологиям и поддерживаемого США [\[10, с. 156\]](#). На другой стороне Африки, в Эфиопии, Куба помогла отражению сомалийской агрессии в 1977-1978 году, направив экспедиционный корпус в 12000 человек [\[11, с 56\]](#).

Через десятилетие Куба была вынуждена вновь отражать наступление южноафриканских войск вглубь Анголы. Фидель Кастро принял решение не только увеличить кубинский контингент в республике до 55 000 бойцов, но отправить туда всю кубинскую авиацию, что ставило под угрозу безопасность самого острова [\[6, с. 101\]](#). В 1988 году силы ЮАР были разгромлены при Куито Куанавале и Гавана потребовала от Претории не только оставить в покое Анголу, но и разрешить свободные выборы в соседней Намибии под контролем Организации Объединенных Наций, что и было выполнено [\[6, с. 101-108\]](#). Более того, поражение окончательно подорвало режим апартеида в ЮАР, который был упразднен в 1991 году.

Даже после распада СССР, когда лишившаяся советской помощи Куба столкнулась с тяжелым кризисом и была вынуждена свернуть военные операции на континенте, программы гуманитарной поддержки продолжали действовать. В частности, это были Комплексная программа здравоохранения (PIS) (начата в 1998), Программа ликвидации неграмотности «Yo Si Puedo» (начата в 2001), операция «Чудо» по оказанию офтальмологической помощи (начата в 2004) и борьба с вирусом Эбола (с 2014 года) [\[8, р. 200\]](#).

Перейдем к рассмотрению африканского направления внешней политики Кубы в последние десятилетия. Память о помощи, которую Куба оказала народам Африки, помогает ей в сохранении прочных дипломатических связей со странами континента сегодня. Страны Африки последовательно поддерживают Кубу в ООН, требуя прекращения американской блокады острова. Современные кубинско-африканские отношения развились от революционной солидарности к прагматичному партнерству, сосредоточенному на взаимопомощи в развитии, но память о прошлой открытой борьбе с колониализмом остаётся важным фактором успеха Кубы в Африке.

Помимо исторической памяти, взаимодействие с Африкой поддерживается благодаря внешнеполитическим ресурсам Гаваны: медицинской и образовательной дипломатии, экспорту технологий и повышенной дипломатической активности на высоком уровне. Куба – мировой лидер в сфере медицинской дипломатии, и кубинские врачи присутствуют на африканском континенте более 60 лет. Недавние визиты на высоком уровне подтвердили курс на сотрудничество в здравоохранении и биотехнологиях. Партнерство в развитии – ещё один аспект привлекательности Кубы для Африки. Несмотря на ограниченные экономические возможности Гаваны, её сотрудничество со странами Африки многообразно и взаимовыгодно, поскольку африканские страны получают доступ к технологиям, а Куба – финансовые и материальные ресурсы.

Немалую роль играет и дипломатическое взаимодействие на высоком уровне. Куба в последнее время уделяет повышенное внимание дипломатическим встречам со странами Африки. В 2023 году президент республики Мигель Диас-Канель посетил Анголу, Мозамбик, Намибию и ЮАР [\[12\]](#). В 2024 году Вице-президент Республики Куба Сальвадор

Вальдес Меса посетил Уганду, Танзанию и Зимбабве [\[13\]](#). В 2025 году министр иностранных дел Бруно Родригес совершил турне по континенту, посетив ЮАР, Эфиопию, Буркина-Фасо, Нигерию, Гану и Сенегал [\[14\]](#).

Рассмотрим подробнее взаимодействие Кубы с её основными партнерами в Африке. Начнем с одной из наиболее влиятельных стран континента – **ЮАР**, которая высоко ценит роль Кубы в победе над колониализмом и апартеидом. В Парке свободы в Претории на монументе высечены имена 2289 кубинцев, погибших в борьбе за освобождение африканских народов. Куба была первой страной, получившей дипломатическое признание от правительства АНК во главе с Нельсоном Манделой, когда оно пришло к власти в ЮАР, и первый визит Нельсона Манделы за пределами Африки был именно на Кубу [\[5, с.67\]](#).

Дипломатическое взаимодействие двух стран остается интенсивным. Визиты на высоком уровне в 2025 году были посвящены сотрудничеству в сельском хозяйстве, инфраструктуре и образовании. Немаловажную роль в прочности взаимоотношений Претории и Гаваны играет взаимная поддержка на многосторонних площадках, в том числе в Движении Неприсоединения и в БРИКС, куда Куба вошла в 2025. Южная Африка последовательно поддерживает кампанию Кубы против американского эмбарго, голосуя за осуждающие его резолюции ООН и обещая лоббировать его отмену.

Гавана развивает сотрудничество с Преторией в сфере науки, технологий и здравоохранения. Недавно было обновлено соглашение 2001 года о научно-техническом сотрудничестве, и взаимодействие сосредоточено на биотехнологиях, радиологической медицине и совместных исследованиях. Также, ещё в 2005-2007 годах ЮАР инвестировала 44 миллиона рандов в совместную разработку вакцин от холеры и терапии от рака.

В рамках Медицинской программы Нельсона Манделы и Фиделя Кастро Куба подготовила более 2500 южноафриканских врачей. Сейчас на Кубе на различных уровнях обучаются около 600 студентов-медиков из Южной Африки. По просьбе ЮАР в апреле-мае 2020 года для оказания помощи в борьбе с пандемией COVID-19 были направлены 217 врачей из Кубинской медицинской бригады. В благодарность за это Южная Африка выдвинула Кубинскую медицинскую бригаду на соискание Нобелевской премии мира за 2021 год [\[15\]](#). Помимо гуманитарной сферы, есть и военное сотрудничество, так, кубинскими специалистами за семь лет было отремонтировано 10 779 единиц военной техники в рамках проекта «Тусано», хотя это и стало предметом ожесточенной критики со стороны южноафриканской оппозиции [\[16\]](#).

В свою очередь, ЮАР оказывает Кубе финансовую и продовольственную помощь, столь необходимую в условиях продолжающегося на острове кризиса. В 2021 году был предоставлен кредит в размере 84,6 млн. рандов, а в 2022 году направлено продовольствие на сумму 350 млн. рандов. Долг Кубы перед ЮАР в 1 миллиард рандов, накопившийся с 1990-х годов, был аннулирован ещё в 2010 году [\[17\]](#).

Важным партнером Кубы является и **Нигерия** с населением в 227 миллионов человек. Она высоко оценивает роль Кубы в освободительном движении Африки, также подчеркивая историческое родство. Предки 70% афро-кубинцев происходят из Нигерии, и, как сказал в 2025 году вице-президент Нигерии, «для нас Куба - священная земля» [\[18\]](#). Нигерия последовательно поддерживает Кубу в борьбе с американским эмбарго, при этом официальные лица Нигерии называют санкции несправедливыми [\[18\]](#).

В 2023 году Вице-президент Нигерии Кашим Шеттима посетил Кубу, передав послание президента Болы Тинубу и подтвердив приверженность Нигерии укреплению связей: «Наши отношения на протяжении многих лет были очень хорошими, и их необходимо укреплять и расширять» [\[19\]](#). Нигерия и Куба стремятся к расширению торговли и сотрудничества, особенно в сферах сельского хозяйства, энергетики и инфраструктуры. Делегация Нигерии, включая министра бюджета и экономического планирования, встретила с официальными лицами Кубы в 2024 году, чтобы обсудить укрепление коммерческих связей [\[20\]](#).

В 2025 Министр иностранных дел Кубы Бруно Родригес посетил Нигерию. Был подписан Меморандум о взаимопонимании, призванный углубить сотрудничество в науке, экономике и туризме [\[21\]](#). Страны отметили 50 лет дипломатических отношений, заключив соглашения в сфере здравоохранения, образования и торговли [\[18\]](#). Так же, как и в случае с ЮАР, прочность связям придает взаимодействие в БРИКС, партнерами которой Куба и Нигерия стали одновременно.

Как и с другими африканскими странами, Куба сотрудничает с Нигерией прежде всего в сфере здравоохранения. Она неоднократно оказывала Нигерии значительную медицинскую помощь, включая подготовку нигерийских врачей и медицинских работников в кубинских учреждениях. Более 400 нигерийских специалистов прошли обучение на Кубе [\[22\]](#). Кубинские университеты также принимают африканских студентов, в том числе нигерийцев, по стипендиальным программам. Обе страны изучают возможности партнерства в области науки, технологий и инноваций, а официальные лица Нигерии посещают Кубу для обсуждения образовательных обменов.

Во время пандемии COVID-19 кубинский медицинский контингент имени Генри Рива, известный своими глобальными миссиями в области здравоохранения, оказывал поддержку нигерийцам, укрепляя роль Кубы как ключевого партнера в секторе здравоохранения. Нигерия также выразила заинтересованность в углублении сотрудничества в области разработки вакцин и биотехнологий, признав достижения Кубы в области фармацевтики [\[20\]](#).

В **кубинско-ангольских** отношениях важна ключевая роль Кубы в обретении Анголой независимости в 1975 году и последующей борьбе против апартеида. Между странами осуществляется дипломатическое взаимодействие на высоком уровне. В 2023 году президент Кубы прибыл в Луанду с государственным визитом, направленным на укрепление двустороннего сотрудничества путем подписания соглашений об ассоциации в различных областях, представляющих общий интерес [\[23\]](#).

Сотрудничество в сфере медицины и образования, начавшееся сразу же после кубинской помощи Анголе в обретении независимости, продолжается до сих пор. По данным за 2020 год, на Кубе обучалось 2556 ангольских стипендиатов, 700 из которых изучали медицину, в том числе кардиологию. В рамках Генерального соглашения о сотрудничестве более 40 тысяч граждан Анголы получили образование на Кубе. Обучение проходило в различных сферах, включая сельское хозяйство, здравоохранение, строительство, средства массовой информации, образование, военную сферу, оборону и безопасность, транспорт, политологию, музыку и театр [\[23\]](#).

В то же время произошло снижение стратегической значимости экономических и торговых отношений. Послевоенная экономика Анголы переориентировалась на экспорт нефти и алмазов, а ЮАР и КНР стали основными партнерами. Куба столкнулась с

сокращением объемов торговли, хотя узкоспециализированное сотрудничество сохраняется.

Куба и Эфиопия поддерживают прочные двусторонние отношения, опираясь на свои исторические связи, сложившиеся во время Огаденской войны, увековеченные в Парке эфиопо-кубинской дружбы в Аддис-Абебе. В 2020 году обе страны отметили 45-летие установления дипломатических отношений, подчеркнув продолжение сотрудничества в области науки, технологий и развития [\[24\]](#). Связи укрепились благодаря визитам на высоком уровне, в том числе визиту президента Эфиопии Мулату Тешоме на Кубу в 2018 году и поездке вице-президента Кубы Сальвадора Вальдеса Месы в Эфиопию в 2019 году [\[25\]](#). В 2025 году Аддис-Абеба стала частью дипломатического турне Бруно Родригеса, с обсуждением развития экономического и технологического сотрудничества [\[26\]](#).

Обе страны по-прежнему активно участвуют в Движении неприсоединения и Организации Объединенных Наций, часто поддерживая друг друга в таких вопросах, как борьба Кубы с санкциями и региональная стабильность в Восточной Африке. Куба продолжает свою традицию медицинского интернационализма в Эфиопии, направляя врачей для работы в медицинские учреждения Аддис-Абебы и Джиммы. Эфиопские студенты также пользуются кубинскими стипендиями в медицинских и технических областях, которые с 1970-х годов получили более 4000 выпускников [\[27\]](#). Эфиопия и Куба реализуют двусторонние соглашения в таких областях, как управление водными ресурсами, образование, воздушный транспорт и торговля [\[28\]](#). Стороны развивают сотрудничество в разработке вакцин и биотехнологиях. В 2025 году Эфиопия и Куба подписали меморандумы о взаимопонимании для сотрудничества в области технологий и развития спорта [\[29\]](#).

Сотрудничество **Кубы и Алжира** основано на исторической солидарности, оно охватывают дипломатическую, экономическую, медицинскую и культурную сферы, что отражает десятилетия сотрудничества с момента обретения Алжиром независимости в 1962 году. Алжир исторически поддерживал позицию Кубы в отношении противодействия установленной Вашингтоном блокаде, в то время как Куба поддерживала Алжир в таких вопросах, как статус Западной Сахары [\[30\]](#). После смерти Фиделя Кастро президент Алжирской Республики Абдель Азиз Бутефлика объявил восьмидневный траур [\[7, с. 48\]](#). В 2022 году президент Кубы Мигель Диас-Канель посетил Алжир в рамках своего турне по Азии, Африке и Европе [\[31\]](#).

Медицинские миссии Кубы, открытые впервые в 1963 году именно в Алжире, продолжают действовать в обновленном составе. Около 1000 кубинских медицинских работников работают в отдаленных регионах, в том числе в Сахаре [\[32\]](#). Кубинские врачи работают в области охраны материнства, офтальмологии и гинекологии. С 2008 года Куба построила в Алжире пять современных офтальмологических клиник, оснащенных высокотехнологичным оборудованием и укомплектованных кубинскими специалистами. В феврале 2022 года две страны подписали меморандум о совместном производстве лекарств, используя опыт Кубы в области биотехнологий.

Алжир является основным торговым партнером Кубы в Африке, сотрудничая в области углеводородов, гидравлики и фармацевтики. Обе страны участвуют в торговых выставках друг друга, таких как Международная ярмарка Кубы в Гаване и Международная выставка туризма и путешествий Алжира. Алжиро-кубинский комитет,

созданный в 2018 году, служит ключевым двусторонним механизмом для расширения торговли и сотрудничества за пределы существующих секторов, таких как здравоохранение и углеводороды [\[33\]](#). В 2023 году правительствами Кубы и Алжира было подписано восемь двусторонних соглашений об укреплении политических, экономических и торговых отношений. Подписанные документы охватывают образование, сельское хозяйство, спорт и производство лекарств. Можно констатировать, что сотрудничество между Алжиром и Гаваной продолжает развиваться [\[34, p. 106\]](#).

Между странами также развита культурная и образовательная дипломатия. Алжир был почетным гостем Международной книжной ярмарки в Гаване в 2019 году, что подчеркнуло литературные и интеллектуальные связи. Куба принимала участие в культурных мероприятиях в Алжире, укрепляя связи между народами [\[35\]](#). Кубинские специалисты традиционно обучали алжирских специалистов, особенно в области здравоохранения и инженерного дела.

Помимо стран, с которыми Куба сотрудничает уже долгое время, она находит и новых партнеров. Буркина-Фасо, Гана и Сенегал были включены в дипломатический тур Бруно Родригеса 2025 года, что связано с растущим сотрудничеством в сельском хозяйстве и инфраструктуре [\[14\]](#).

Не ограничиваясь двусторонним сотрудничеством, Куба также развивает многосторонние проекты и взаимодействует с региональными организациями. Африканский союз, объединяющий почти все страны континента, поддерживает Кубу в её борьбе против американских санкций. В течении 16 лет он принимал резолюции, осуждающие экономическую блокаду острова. В феврале 2025 года Союз принял резолюцию, требующую убрать Кубу из списка стран-спонсоров терроризма, куда её поместил Вашингтон [\[36\]](#). Эта взаимная поддержка является фундаментом африкано-кубинских отношений, поскольку Куба подчеркивает сходство между её сопротивлением американскому давлению и борьбой африканцев против европейского колониализма.

Другое объединение стран Африки, ЭКОВАС, также играет роль в африканской политике Кубы [\[37\]](#). Посол Кубы в Нигерии работает с органами ЭКОВАС в развитии сотрудничества в сфере здравоохранения, в особенности с Западноафриканской Организацией Здравоохранения.

Африканская политика Кубы преследует несколько стратегических целей. Прежде всего, это предотвращение дипломатической блокады. Поддержка многочисленных стран Африки, которую получает Гавана, мешает США добиться её международной изоляции [\[8, p. 204\]](#). При этом африканские страны не подвержены таким колебаниям внешней политики, как страны Латинской Америки, где приход к власти правых правительств нередко приводил к усложнению отношений с Кубой.

Другая цель Гаваны в Африке - экономическая выгода. Соглашения о сотрудничестве приносят доходы за счет совместных предприятий и, отчасти, экспорта медицинских услуг [\[8, p. 201\]](#). Также взаимодействие с Африкой предоставляет Кубе возможность обхода американских санкций. Кроме того, успехи в Африке входят в общую стратегию Гаваны по укреплению своей поддержки на Глобальном Юге и позиционирование себя как защитника интересов развивающихся стран.

Надо признать, что хотя отношения остаются прочными, способность Кубы поддерживать взаимодействие с Африкой расшатывается в связи с продолжающимся кризисом в её

экономике. Однако, недавнее повышение дипломатической активности, выразившееся в нескольких визитах на высоком уровне и подписании важных соглашений предполагает, что Куба считает партнерство с Африкой жизненно важной частью своей внешней политики в условиях враждебности правительства Д. Трампа.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что африканское направление современной внешней политики Кубы продолжает взятый островным государством курс на солидарность со странами континента, и при этом адаптирует его к реалиям XXI века и тем вызовам, которые стоят перед Кубой сегодня. Ключевыми составляющими данного направления политики являются медицинское и техническое сотрудничество, получение дипломатической поддержки в борьбе против американских санкций и развитие взаимовыгодного стратегического партнерства. Установлено, что Куба активизировала высокоуровневые дипломатические визиты в Африку в последние три года - страны континента посещали президент, вице-президент и министр иностранных дел. Гавана взаимодействует с Африкой не только в двустороннем, но и в многостороннем формате, имеет хорошие отношения с такими организациями, как Африканский союз и ЭКОВАС.

Библиография

1. Беседа с Президентом Кубы Мигелем Диас-Канелем Бермудесом 7 мая 2025 года [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76863> (дата обращения: 16.06.2025).
2. Запарий, Е. С. Эволюция внешней политики Кубы на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6, № 4. С. 438-449. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-4-438-449. EDN: OMJTXM.
3. Луцук, Д. В. Развитие внешней политики Кубы с 2000 по 2021 год // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11, № 5А. С. 195-205. DOI: 10.34670/AR.2022.98.76.023. EDN: NOEAQT.
4. Хейфец, В. Л. Куба: переосмысление роли страны в мировом сообществе / В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 2. С. 94-103. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-94-103. EDN: XXWRBD.
5. Ламрани, С. "Прекраснейшее дело человечества" - вклад Кубы в освобождение Африки и борьбу с апартеидом // Русская политология. 2019. № 4(13). С. 59-71. EDN: XOFANP.
6. Бородаев, В. А. Вклад Кубы в крушение режима апартеида в ЮАР на излете "холодной войны" // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 2. С. 87-109. EDN: XMZWQR.
7. Лысенко, М. Эволюция кубино-алжирских отношений в 60-е гг. // Международный аспект. 2020. Т. 1, № 1(1). URL: <https://www.intaspect.ru/jour/article/view/10/32> (дата обращения: 16.06.2025).
8. Laurent, L. K. Cuba-África: los motivos de una cercanía en la distancia // Perspectivas Revista De Ciencias Sociales. 2019. № 4(7). P. 196-209.
9. Хейфец, В. Л. Традиция интернационализма в идеологии и практике кубинской революции / В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец // Латинская Америка. 2020. № 8. С. 60-76. DOI: 10.31857/S0044748X0010346-9. EDN: CRNJNU.
10. Бородаев, В. А. "Первая ангольская война" 1975-1976 гг. как пример интернационализации внутреннего конфликта в условиях "холодной войны" / В. А. Бородаев // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8, № 4. С. 142-170. EDN: YGSDWV.
11. Бородаев, В. А. Вовлечение Кубы в борьбу сверхдержав на Африканском Роге (1977-1978): шаг от разрядки к новому витку "холодной войны" / В. А. Бородаев // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2017. № 3. С. 43-62. EDN: ZDAURJ.

12. Presidente Díaz-Canel realizará visita oficial a países africanos [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/presidente-diaz-canel-realizara-visita-oficial-paises-africanos> (дата обращения: 16.06.2025).
13. Cuba tiene un lugar especial en África [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/cuba-tiene-un-lugar-especial-en-africa> (дата обращения: 16.06.2025).
14. Ministro de Relaciones Exteriores de Cuba inició visitas a países de África [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/ministro-de-relaciones-exteriores-de-cuba-inicio-visitas-paises-de-africa> (дата обращения: 16.06.2025).
15. South Africa and Cuba commemorates 27 years of diplomatic relations based on solidarity and cooperation [Электронный ресурс] // Department of International Relations and Cooperation. URL: <https://dirco.gov.za/south-africa-and-cuba-commemorates-27-years-of-diplomatic-relations-based-on-solidarity-and-cooperation/> (дата обращения: 16.06.2025).
16. Parliament slams costly Project Thusano, urges termination of "rebranded" Project Kgala [Электронный ресурс] // DefenceWeb. URL: <https://www.defenceweb.co.za/featured/parliament-slams-costly-project-thusano-urges-termination-of-rebranded-project-kgala/> (дата обращения: 16.06.2025).
17. South Africa wipes out Cuba's R1-billion debt [Электронный ресурс] // Brand South Africa. URL: <https://brandsouthafrica.com/112878/government-services/cuba081210/> (дата обращения: 16.06.2025).
18. Cuba Strengthen Ties, Pledge Deeper Cooperation [Электронный ресурс] // The State House. URL: <https://statehouse.gov.ng/news/nigeria-cuba-strengthen-ties-pledge-deeper-cooperation/> (дата обращения: 16.06.2025).
19. Shettima: Nigeria, Cuba to Deepen Bilateral Relations [Электронный ресурс] // This Day. URL: <https://www.thisdaylive.com/index.php/2023/09/15/shettima-nigeria-cuba-to-deepen-bilateral-relations/> (дата обращения: 16.06.2025).
20. Nigeria-Cuba to Deepen ties on Trade and Commerce [Электронный ресурс] // Ministry of Budget and Economic Planning. URL: <https://nationalplanning.gov.ng/nigeria-cuba-to-deepen-ties-on-trade-and-commerce/> (дата обращения: 16.06.2025).
21. Desarrolla Ministro de Relaciones Exteriores programa oficial en Nigeria [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/desarrolla-ministro-de-relaciones-exteriores-programa-oficial-en-nigeria> (дата обращения: 16.06.2025).
22. Fifty years of diplomatic relations, we celebrate the Cuban Culture Day [Электронный ресурс] // Cuba's Representative Office Abroad. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/en/articulo/50-years-diplomatic-relations-we-celebrate-cuban-culture-day> (дата обращения: 16.06.2025).
23. Angola y Cuba renuevan sus lazos de cooperación y solidaridad [Электронный ресурс] // Embajada de Angola. URL: <https://www.embajadadeangola.com/noticias/noticia-210823-1.html> (дата обращения: 16.06.2025).
24. Cuba y Etiopía, a 45 años de una especial relación bilateral [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/node/2827> (дата обращения: 16.06.2025).
25. Salvador Valdés Mesa fue recibido por la Presidenta de Etiopía [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/salvador-valdes-mesa-fue-recibido-por-la-presidenta-de-etiofia> (дата обращения: 16.06.2025).
26. Inicia visita oficial a Etiopía el Ministro de Relaciones Exteriores de Cuba [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL:

<https://cubaminrex.cu/es/inicia-visita-oficial-etiofia-el-ministro-de-relaciones-exteriores-de-cuba> (дата обращения: 16.06.2025).

27. Ethiopia, Cuba Pledge to Strengthen Bilateral Ties [Электронный ресурс] // EBC English News. URL: <https://www.ebc.et/english/newsdetails.aspx?newsid=10365> (дата обращения: 16.06.2025).

28. Ethiopia and Cuba aim to implement bilateral agreements in education and trade [Электронный ресурс] // Media network edition TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/en/news/ethiopia-and-cuba-aim-to-implement-bilateral-agreements-in-education-and-trade/> (дата обращения: 16.06.2025).

29. Ethiopia, Cuba sign MoUs to collaborate in technology and sports [Электронный ресурс] // Fana Media Corporation. URL: <https://www.fanamc.com/english/ethiopia-cuba-sign-mous-to-collaborate-in-technology-and-sports/> (дата обращения: 16.06.2025).

30. Cuba thanks Algeria for its support in the fight against US blockade [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/en/cuba-thanks-algeria-its-support-fight-against-us-blockade> (дата обращения: 16.06.2025).

31. Visita oficial del Presidente cubano a Argelia [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/es/articulo/visita-oficial-del-presidente-cubano-argelia> (дата обращения: 16.06.2025).

32. Algeria, Cuba Celebrate 62 Years of Exemplary Medical Solidarity [Электронный ресурс] // Dzair Tube. URL: <https://www.dzair-tube.dz/en/algeria-cuba-celebrate-62-years-of-exemplary-medical-solidarity/> (дата обращения: 16.06.2025).

33. Cuba and Algeria united by ties of brotherhood [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/en/articulo/cuba-and-algeria-united-ties-brotherhood> (дата обращения: 16.06.2025).

34. Álvarez Acosta, M. E. Una aproximación a la política exterior de Cuba hacia África Norte y el Medio Oriente // Política internacional. 2023. № 4. P. 103-119.

35. Algeria Thanks to Be Guest of Honor at Book Fair in Cuba [Электронный ресурс] // Radio Reloj. URL: <https://www.radioreloj.cu/news/culture/algeria-thanks-to-be-guest-of-honor-at-book-fair-in-cuba/> (дата обращения: 16.06.2025).

36. The African Union adopted a resolution against the blockade of Cuba. [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/en/articulo/african-union-adopted-resolution-against-blockade-cuba> (дата обращения: 16.06.2025).

37. A new beginning between Cuba and ECOWAS [Электронный ресурс] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/en/articulo/new-beginning-between-cuba-and-ecowas> (дата обращения: 16.06.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает африканское направление внешней политики Кубы с 2010 по 2025 год. Научная актуальность работы связана с необходимостью изучения уникального опыта Кубы по развитию отношений с африканскими странами в условиях ограниченных ресурсов и внешнего давления, что приобретает особую значимость для России в контексте западных попыток изоляции и поиска новых форм сотрудничества на Глобальном Юге. К сожалению, сам автор не дал себе труда должным образом отразить теоретико-методологическую базу

собственного исследования, ограничившись отпиской о том, что использовались «общенаучные методы познания – анализ и синтез, а также элементы сравнительного подхода». О том, что в научной работе не принято заниматься такими отписками, говорилось много раз. Зачем вообще упоминать «методы» анализа и синтеза? Какие конкретно «элементы сравнительного подхода» использовались? Из каких вообще «элементов» состоит этот подход? Тем не менее, из контекста можно понять, что в процессе исследования автор реально использовал исторический и институциональный методы (при анализе институциональной эволюции кубинско-африканских отношений с 1960-х гг. по настоящее время), сравнительный метод (при сопоставлении отношений Кубы с разными африканскими странами – ЮАР, Нигерией, Анголой и др.), структурно-функциональный анализ (при выявлении функций африканского направления во внешней политике Кубы и целей этой политики), контент-анализ источников (дипломатических документов, заявлений официальных лиц и др.) и некоторые другие. Хотя недостаточно глубокая рефлексия теоретико-методологических оснований исследования имела следствием некоторую описательность текста и отсутствие действительно новых теоретических концепций или методологических подходов к анализу внешней политики малых государств, тем не менее корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие некоторыми признаками научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт о систематическом анализе африканского направления внешней политики Кубы в постреволюционный период, с акцентом на последние годы, что позволило восполнить лауну в исследованиях, традиционно сосредоточенных на эпохе холодной войны. Кроме того, определённый научный интерес представляет выявленная автором трансформация целей и методов кубинской политики в Африке, а также механизм этой трансформации. Наконец, небезынтесны мысли автора о потенциале расширения российско-кубинского партнёрства в исследуемом регионе. В структурном плане рецензируемая работа производит нейтральное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Автор методично раскрывает основные направления кубинской политики в Африке: ЮАР, Нигерия, Ангола, Эфиопия и др. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический, хотя и не лишённый некоторой публицистичности. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, плеоназмы, как в предложениях «...Также стала оказываться помощь...», «В кубинско-ангольских отношениях важна ключевая роль...» и др.; или стилистически некорректное выражение «доходы за счёт предприятий» в предложении «Соглашения о сотрудничестве приносят доходы за счет совместных предприятий...»; или странное выражение «Гавана взаимодействует с Африкой не только в двустороннем, но и в многостороннем формате...»; не менее странное с точки зрения стилистики выражение «способность расшатывается» в предложении «...Способность Кубы... расшатывается в связи с продолжающимся кризисом...»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «...Куба помогла отражению сомалийской агрессии в 1977-1978 году...», «Не ограничиваясь двусторонними сотрудничеством, Куба также...», «...Успехи в Африке входят в общую стратегию Гаваны по укреплению... и позиционированию себя как...», «...Первый визит Нельсона Манделы за пределами Африки был...» ; и др.; или неверное написание производного предлога «в течение» в предложении «В течении 16 лет он принимал резолюции, осуждающие экономическую блокаду острова»; или лишние запятые, как в предложениях «Помимо гуманитарной сферы, есть и военное сотрудничество, так, кубинскими специалистами...», «Также, ещё в 2005-2007 годах ЮАР инвестировала...» и др.; или наоборот, пропущенные запятые, как в предложении «...Недавнее повышение дипломатической активности, выразившееся в... подписании важных соглашений предполагает, что...»; или пропущенные слова, как в

предложениях «В 2025 [году? – рец.] Министр иностранных дел Кубы Бруно Родригес посетил Нигерию», «...Не только увеличить кубинский контингент..., но [и? – рец.] отправить туда всю кубинскую авиацию...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 37 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части статьи при описании автором научной новизны полученных результатов. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно актуальную тему, выбранную для исследования, а также значительный объем эмпирического материала, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Арутюнян А.Г. Потенциал национально-культурных автономий в реализации публичной дипломатии (на примере деятельности национально-культурных автономий Республики Крым) // Мировая политика. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.2.74506 EDN: PWJONK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74506

Потенциал национально-культурных автономий в реализации публичной дипломатии (на примере деятельности национально-культурных автономий Республики Крым)

Арутюнян Айкуи Генриковна

Заместитель председателя Государственного комитета по делам межнациональных отношений
Республики Крым.
Независимый исследователь.

295017, Россия, респ. Крым, г. Симферополь, Гравийный пер., д. 6А

✉ aikui_arut@mail.ru

[Статья из рубрики "Негосударственные акторы международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.74506

EDN:

PWJONK

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Дата публикации:

25-06-2025

Аннотация: В качестве предмета исследования выступает потенциал национально-культурных автономий в реализации публичной дипломатии (на примере деятельности национально-культурных автономий Республики Крым). Следует отметить, что современное международное влияние базируется на способности привлекать внимание через культурные ценности, политические идеалы и гуманитарные инициативы, а публичная дипломатия выступает инструментом реализации данного влияния посредством диалога негосударственных акторов с иностранными аудиториями. Национально-культурные автономии (НКА), представляя интересы этнических и культурных общностей, могут стать ключевыми негосударственными акторами в этом

процессе, так как они устанавливают тесные связи с культурными метрополиями и с государствами, где та или иная культура многочисленно представлена. Эти связи непосредственным образом, влияют на доверие, возникающее внутри этнических сообществ, и, как следствие, формируют позитивное представление о процессах, происходящих по линии национальное меньшинство – государство. В работе были использованы: институциональный метод (при анализе процесса оформления этнокультурного взаимодействия в Крыму); метод контент-анализа (при изучении уставных документов крымских региональных НКА); экспертный опрос (при анализе уровня вовлеченности крымских НКА в международную деятельность). Важным компонентом проведенного исследования стала концепция «мягкой силы», выступающая в качестве инструмента ненавязчивого влияния. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматривается деятельность национально-культурных автономий в контексте реализации публичной дипломатии. В результате проведенного экспертного опроса, направленного на определение уровня международной активности НКА, а также анализа деятельности крымских национально-культурных автономий, были обозначены параметры оценки эффективности их деятельности в реализации внешней политики. В результате проведенного исследования было выявлено, что национально-культурные автономии обладают значительным, но недостаточно изученным потенциалом в сфере публичной дипломатии. Так, из 13 руководителей НКА РК, принявших участие в опросе, 8 экспертов отметили, что их организации выходят за пределы регионального взаимодействия: 2 организации ограничиваются федеральным уровнем, 6 организаций выходят на международный уровень. Метрическое измерение каждого из обозначенных параметров дает возможность определять эффективность использования ресурса НКА в реализации публичной дипломатии.

Ключевые слова:

публичная дипломатия, социальный капитал, гражданское общество, мягкая сила, негосударственные акторы, национально-культурные автономии, Республика Крым, внешняя политика, Российская Федерация, national-cultural autonomies

Введение.

В современных условиях традиционные механизмы международного влияния претерпевают радикальные изменения. Так, публичная дипломатия, долгое время остававшаяся прерогативой государств, сегодня трансформируется, смещая фокус с иерархических моделей власти на горизонтальные сетевые структуры. Эта эволюция отражает не только технологический прогресс, но и смену парадигмы в понимании международного влияния: от прямого продвижения политических интересов – к построению долгосрочных отношений между негосударственными акторами.

Ключевым катализатором таких изменений стала концепция «мягкой силы», введенная Дж. Наем [\[1\]](#). В её основе лежит способность привлекать внимание при помощи культурных ценностей и открытого диалога. Таким образом, публичная дипломатия превращается в инструмент доверия и взаимопонимания в современной мировой политике. Субъектами публичной дипломатии в данном контексте становятся не только правительства и органы государственной власти, но и другие участники межкультурных коммуникаций, например неправительственные организации, группы интересов и даже отдельные лица.

Идея привлечения ресурсов гражданского общества для распространения влияния государства на международной арене была отражена в концепции «социального капитала» Р. Патнэма. В его трактовке «социальный капитал предстает в качестве одной из ключевых характеристик организации общества, способствующей распространению взаимного доверия и облегчающей сотрудничество людей в обоюдных интересах» [2, с. 197]. Он акцентирует исследовательское внимание на роли социального капитала – сетей, норм и доверия в гражданском обществе – как ресурса для коллективного действия. Главную роль, по его мнению, в процессе наращивания социального капитала играют «спонтанно развивающиеся гражданские организации, целевые задачи которых, в принципе, даже не имеют особого значения: самое главное заключается в том, чтобы в их формирование и последующее функционирование не вмешивалось государство, которое само по себе с трудом генерирует социальный капитал» [2, с. 197].

Пьер Бурдьё дает следующее определение социального капитала: «это совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [3, с. 65]. Таким образом, групповая принадлежность становится одним из важнейших ресурсов реализации интересов. Это связано с доступом к социальным, экономическим и символическим ресурсам, которые группа предоставляет своим участникам. Более того, группа часто рассматривается как механизм признания уникальности культуры, являясь связующим звеном между индивидуальными правами и коллективной идентичностью. Именно культура, по мнению О. Бауэра, обеспечивает адаптацию социума в среде, где он существует. Другие направления – экономические, политические – остаются прерогативой государства [4].

В работе «Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition» Ч. Тейлор аргументирует, что признание культурной уникальности групп – ключ к их социальной и политической интеграции [5]. Он утверждает, что индивидуальная и групповая идентичность не существуют в вакууме – они формируются в диалоге с другими. Признание культурной уникальности укрепляет доверие внутри группы и создаёт основу для сотрудничества с другими сообществами. Например, поддержка автономии коренных народов Канады способствует их интеграции в общество через диалог, а не ассимиляцию.

Если говорить о практике формирования культурной уникальности в рамках той или иной группы, то большое внимание в современных условиях уделяется процессу самоорганизации как одному из основных факторов, способствующих развитию и сохранению собственной культурной самобытности и универсальности.

Одной из форм национально-культурного самоопределения, представляющей собой общественное объединение граждан Российской Федерации и относящей себя к определенным этническим общностям на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, культуры, является национально-культурная автономия (НКА). Данное институциональное образование было закреплено на законодательном уровне в 1996 году в федеральном законе «О национально-культурной автономии». Эта форма организации была ориентирована на реализацию этнических прав, которая, в отличие от территориальной автономии, направлена на развитие в большей степени не компактно проживающих, а разрозненно живущих этносов на основе общности языка, культуры, традиций и других элементов этничности.

Степень научной разработанности.

Изучению опыта развития национально-культурных автономий в России посвящены работы Т.Я. Хабриевой [\[6\]](#), Ю.И. Ерофеева [\[7\]](#), Нама [\[8\]](#), К.Н. Калашникова [\[9\]](#), Е. В. Кузнецовой [\[10\]](#), О.Ф. Штралера [\[11\]](#), О.Р. Баймлера [\[12\]](#), , Т. С. Иларионовой [\[13\]](#) и др. Среди наиболее значимых следует отметить работу Мурадова Г.Л., который делает акцент на том, что «...национально-культурные автономии могут играть активную и конструктивную роль в реализации внешней политики и выступать мостом сотрудничества, каналом влияния» [\[14\]](#).

Основная часть.

Согласно данным реестра НКА по состоянию на 25 апреля 2025 в РФ зарегистрировано 1365 автономий от местного до федерального уровня [\[15\]](#).

Процесс институционализации этнического взаимодействия позволил организовать естественный процесс самоорганизации народов, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Институциональный каркас стал, с одной стороны, важнейшим средством выявления и удовлетворения этнокультурных запросов граждан, а с другой – способом формирования определенной формы гражданской активности среди людей, находящихся в состоянии национального меньшинства. Особенно важным процесс институционализации этнокультурного взаимодействия стал для крымчан, так как крымский полуостров всегда характеризовался полиэтничностью населения и высокой динамичностью полиэтнических процессов, а после событий 2014 года данный процесс стал рассматриваться еще и в качестве ключевого фактора интеграции Крыма в социокультурное пространство РФ.

Таким образом, изучение опыта функционирования национально-культурных автономий Республики Крым, которые ретранслируют внутреннее состояние этнической группы на внешний контур, может стать мощным инструментом формирования общественного мнения. Новизна данного исследования заключается в том, что впервые рассматривается деятельность национально-культурных автономий в контексте реализации публичной дипломатии.

Следует отметить, что институт национально-культурной автономии изначально создавался как элемент гражданского общества, объединяющий усилия общественных объединений, созданных гражданами определенной этнической общности. Однако в современных реалиях, когда в России формируется новая модель государственной культурной политики, признающая культуру важнейшим фактором социально-экономического развития Российской Федерации и возводящая ее в ранг стратегических «национальных приоритетов... гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности страны» (согласно Стратегии государственной культурной политики до 2030 г.), опыт работы данных организаций может стать примером реализации общественной дипломатии, которая рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики РФ в контексте реализации концепции «мягкой силы».

Данная концепция стала внедряться в практическое русло в нашей стране в июле 2012 г., когда президент РФ В.В. Путин, выступая на совещании послов и постпредов РФ в Москве, призвал разработать новые технологические подходы к международной работе, основанные на «мягкой силе». 12 февраля 2013 г. «мягкая сила» была официально включена в новую концепцию внешней политики Российской Федерации как

«комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [\[16\]](#). Конкретное идеологическое наполнение концепция «мягкой силы» получила после валдайской речи Владимира Путина в октябре 2013 г., в которой он заявил, что евроатлантические страны отходят от своих корней, «в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации», что в этих странах «проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в бога или веру в сатану», а «люди стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности» [\[17\]](#). По его словам, чтобы российская «мягкая сила» была эффективна, в первую очередь нужно «...относиться с уважением к себе, к своей истории, к своей культуре» [\[18\]](#).

Практическое внедрение концепции «мягкой силы» было обусловлено восстановлением влияния Российской Федерации на мировой внешнеполитической арене и необходимостью создания противовеса влияния других стран на Россию и русское зарубежье. Одним из таких противовесов стал международный форум Русского мира, инициаторами создания которого выступили власти Республики Крым. Впервые Ливадийский форум соотечественников состоялся в июне 2015 года в рамках традиционного Международного фестиваля соотечественников «Великое русское слово». В ходе форума прошла дискуссии о судьбах Русского мира, перспективах деятельности организаций российских соотечественников из стран постсоветского пространства в современных условиях, роли Крыма в национальных объединительных процессах. По мнению главы Госсовета Крыма В. Константинова, «...в Крыму, как ни в каком другом регионе, наглядно демонстрируется, что идея русского мира носит не узконациональный, а цивилизационный характер» [\[19, с. 292\]](#).

Данный форум виделся как эффективная площадка для обсуждения острых вопросов, волнующих соотечественников. В его основе была заложена идея содействия и единения народов России вокруг идеи сохранения традиционных нравственных и духовных ценностей. Немаловажная роль в организации данных мероприятий отводилась национально-культурным автономиям, которые выражали этнические интересы жителей и гостей полуострова и способствовали более гибкому учету их национально-культурных запросов. Для этого властям важно было организовать эффективное взаимодействие с данными автономиями и показать их значимость в культурной жизни полуострова.

Таким образом, культурные связи становятся не просто инструментом международного диалога, но и фундаментом для формирования устойчивой «мягкой силы». Для России, обладающей богатейшим историческим наследием, многонациональной идентичностью и глубокими культурными традициями, ключевым условием эффективности этого символического ресурса становится его грамотная ретрансляция на международный уровень. То есть, культурные связи национально-культурных автономий с материнскими государствами могут быть рассмотрены как эффективный механизм в реализации внешнеполитических задач, выступая каналом «мягкой силы», и фактором укрепления международного влияния.

Формирование позитивного образа Крыма крайне важно в реализации внешней политики, особенно в условиях международного отстаивания и продвижения российского статуса Крыма. В этой связи практика деятельности организаций наиболее многочисленных этнических групп, представляющих на полуострове этническое меньшинство, становится весьма показательной в очерчивании возможностей

проведения национально-культурными автономиями публичной дипломатии.

Функционирование национально-культурных автономий в данном контексте может быть рассмотрено как средство ретрансляции позитивного опыта за рубеж с целью формирования узнаваемого образа страны и проживающих в ней народов. Практика применения публичной дипломатии может иметь ключевое значение для оптимизации межкультурной коммуникации, особенно в контексте деятельности национально-культурных автономий, так как именно они устанавливают тесные связи с культурными метрополиями и с государствами, где та или иная культура многочисленно представлена. Эти связи непосредственным образом влияют на доверие, возникающее внутри этнических сообществ, и, как следствие, формируют позитивное представление о процессах, происходящих по линии национальное меньшинство – государство.

Об этом еще в августе 2015 года говорил председатель болгарской региональной национально-культурной автономии Иван Абажер, когда во время встречи Президента РФ Владимира Путина с руководителями национально-культурных автономий и религиозных организаций Крыма предложил максимально использовать накопленный общественными организациями опыт и всесторонние связи со странами, являющимися для крымских диаспор метрополиями [\[20\]](#). Потенциал национально-культурной автономии в данном контексте может быть рассмотрен как способ ретрансляции культурного капитала, накопленного вследствие цивилизованной самоорганизации граждан, на международную арену. В данном контексте предметом исследования выступает потенциал национально-культурных автономий в реализации публичной дипломатии (на примере деятельности национально-культурных автономий Республики Крым).

Цель исследования – определить, насколько деятельность национально-культурных автономий может быть использована в контексте реализации публичной дипломатии.

В работе были использованы: институциональный метод (при анализе процесса оформления этнокультурного взаимодействия в Крыму); метод контент-анализа (при изучении уставных документов крымских региональных НКА); экспертный опрос (при анализе уровня вовлеченности крымских НКА в международную деятельность). Важным компонентом проведенного исследования стала концепция «мягкой силы», выступающая в качестве инструмента ненавязчивого влияния. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматривается деятельность национально-культурных автономий в контексте реализации публичной дипломатии.

Результаты и их обсуждение.

В работе были проанализированы уставные документы крымских региональных национально-культурных автономий (РНКА), которые начали регистрироваться с 2014 года. В качестве основных задач НКА РК обозначают:

- «создание условий для сохранения и развития родного языка и национальной культуры;
- содействие в реализации и защите конституционных прав и свобод, государственных гарантий, законодательно установленных для национально-культурных автономий;
- содействие развитию сотрудничества и взаимопонимания с другими национальными объединениями, действующими на территории Российской Федерации;
- содействие широкому ознакомлению с историческим, духовным и культурным наследием своего народа;

- приобщение членов автономии к историческим и современным достижениям русского и других народов России в области культуры, науки, образования;
- поддержка творческой активности граждан, являющихся носителями и распространителями национальных культурных ценностей;
- укрепление российской государственности» (согласно уставам национально-культурных автономий РК).

Таким образом, институт национально-культурной автономии направлен на содействие интеграции российских граждан, укрепление дружбы народов, развитие межкультурного диалога, укрепление единства нации, популяризации идей толерантности в обществе, гармонизацию межнациональных отношений.

Для определения уровня вовлеченности региональных НКА РК в международную деятельность был проведен экспертный опрос руководителей национально-культурных автономий Крыма (опрос проводился в феврале 2025 года), где один из вопросов был направлен на выявление их международной активности.

Так, из 13 руководителей РНКА, принявших участие в опросе, 8 экспертов отметили, что их организации выходят за пределы регионального взаимодействия: 2 организации ограничиваются федеральным уровнем, 6 организаций выходят на международный уровень. Согласно результатам опроса, особого успеха в международном взаимодействии добились РНКА Грузин (взаимодействие с грузинской политической партией «Солидарность во имя мира»; взаимодействие с грузинскими СМИ); РНКА Белорусов (единственная организация, которая в главной цели отразила процесс выстраивания связей с Республикой Беларусь и, согласно данным опроса, активно взаимодействует с органами исполнительной власти Республики Беларусь по поддержке соотечественников за рубежом, а также Министерством Культуры РБ, также активно представляют российскую позицию в мире через международные организации ЮНЕСКО; ОБСЕ; ООН); РНКА Евреев (распространение информации о положении еврейской автономии в Крыму как в Израиле: платформы Pravo.IsraelInfo.co.il ; Евро- Азитаский Еврейский конгресс; Новости сайта Хроники Иерусалима, так и в европейских странах- платформа The European Platform for Democratic Elections) и РНКА Болгар (активное взаимодействие с русофильскими общественными организациями Болгарии, а также активистами Клуба «Друзья Крыма» в Болгарии).

Проведенное исследование демонстрирует, что опыт работы национально-культурных автономий может быть использован органами государственной власти в реализации публичной дипломатии. Более того, систематическая и целенаправленная работа в данном направлении может стать примером для распространения политического влияния. Некоторые эксперты уже называют опыт функционирования национально-культурных автономий РК «крымской моделью» публичной дипломатии [\[21, с.8\]](#).

Для того, чтобы ресурс национально-культурных автономий был задействован на постоянной основе и имел систематический характер, необходимо сосредоточить внимание на метриках, измерение и управление которыми будет способствовать укреплению позитивного имиджа РФ, расширению культурного влияния и формированию лояльности среди зарубежных аудиторий.

Проанализировав представленные уставные документы, планы мероприятий и отчеты деятельности национально-культурных автономий Республики Крым нами были выделены

«ключевые параметры и индикаторы их деятельности:

Таблица 1. Параметры и индикаторы деятельности НКА

Параметры	Индикаторы
Поддержка творческой деятельности граждан, являющихся носителями культуры	- количество фестивалей, концертов, выставок, мастер-классов, экскурсий; - статус; - масштаб.
Обмен культурными делегациями	- участие в деятельности неправительственных международных организаций; - определение сфер взаимодействия; - статус.
Участие образовательных проектах	в Масштаб: - региональный; - федеральный; - международный.
Взаимодействие с другими национальными объединениями	- наличие совместных мероприятий; - статус.
Участие в мероприятиях, проводимых властями	- участие в сборе гуманитарной помощи; - определение аспектов деятельности.
Сохранение исторических и культурных памятников	- установление - наличие - поддержание
Проведение традиционных праздничных мероприятий	- контекст - количество - масштаб
Проведение памятных мероприятий	- контекст - количество - масштаб
Проведение научных мероприятий	- количество конференций, круглых столов. - статус - проблематика
Изготовление и распространение рекламной продукции	- выпуск буклетов, календарей, социальных роликов и другой продукции. - масштаб распространения.
Информационная	- наличие сайта

информационная представленность	<ul style="list-style-type: none"> - наличие страницы в социальной сети - наличие СМИ (газета, журнал, радио, телевидение, наличие программы на телевидении).
Информационная эффективность	<ul style="list-style-type: none"> - представленность в информационном пространстве; - охват.

Метрическое измерение каждого из представленных индикаторов даст возможность определить, насколько деятельность республиканских НКА может быть рассмотрена в качестве инструмента реализации внешней политики РФ» [\[22, с. 173-174\]](#).

Выводы. Проведенное исследование демонстрируют значительный, но пока недостаточно системно реализованный потенциал национально-культурных автономий в сфере реализации публичной дипломатии. На примере деятельности НКА Республики Крым становится очевидным, что эти институты способны налаживать горизонтальные связи между государством и зарубежными аудиториями, преодолевая политические барьеры через культурные и гуманитарные проекты. Их деятельность актуализируется в условиях трансформации международных отношений, где классическая дипломатия дополняется инструментами «мягкой силы», а негосударственные акторы становятся ключевыми агентами влияния. Для превращения этого потенциала в устойчивый ресурс внешней политики требуется системная работа по изучению эффективности деятельности национально-культурных автономий в других регионах РФ, а также выстраиванию долгосрочной стратегии их использования в качестве ресурса внешнеполитического влияния.

Библиография

1. Nye J. S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 94-109. DOI: 10.1177/0002716207311699 EDN: JLETLZ.
2. Яшкова, М. Р. Социальный капитал: эволюция концепта / М. В. Яшкова // Неприкосновенный запас. 2018. № 3. С. 196-210. EDN: ZJEFDF.
3. Бурдые, П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60-75. EDN: OYUVRD.
4. Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия. Пер. с нем. И. С. Панина; с предисл. Ж. Житловского. СПб.: Серпъ, 1909. 654 с.
5. Taylor, C. The Politics of Recognition / In: Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition / A. Gutmann (ed.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 25-73.
6. Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 3: монографии. Содерж.: Национально-культурная автономия в Российской Федерации. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. – М., 2018. – 496 с.
7. Национально-культурные автономии Российской Федерации: научный сборник [на основе статей и интервью Ю. И. Ерофеева / ответственный редактор О. В. Солопова]. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. – 370 с.
8. Нам И. В. Роль национально-культурных автономий в адаптации/интеграции мигрантов: право и реалии (на примере Томска). Государство, Общество и Церковь: миграция и межкультурное многообразие : материалы науч.-практ. конф. с международным участием, г. Новосибирск, 29-30 мая 2018 г. : в 2 ч. Ч. 2 / Рос. акад.

- нар. хоз-ва и гос. службы, Сиб. ин-т упр. ; под науч. ред. Л. В. Савинова. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2018. С. 104-108 EDN: XPOXZR.
9. Калашников К. Н. Национально-культурные автономии в современной России: проблемы представительства и эффективности // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 3. DOI: 10.15838/tdi.2020.3.53.4 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28590> (дата обращения 28.04.2024). EDN: ZKIGEQ.
10. Кузнецова Е. В. Национально-культурная автономия в Российской Федерации: исторический опыт и проблемы развития: 1996-2006 гг.: дис. канд. ист. наук. – М., 2006. – 159 с. EDN: NOGSVN.
11. Штралер О. Ф. Национально-культурная автономия в Российской Федерации: опыт, проблемы развития (На примере Республики Коми): дис.... канд. полит. наук. – М., 2003. – 152 с. EDN: NMIYGB.
12. Баймлер О. Р. Национально-культурная автономия в системе технологий предотвращения и урегулирования внутригосударственных конфликтов: Автореф. дис. ... канд. полит. наук – Москва, – 2013. – 24 с. EDN: SURGBH.
13. Иларионова Т. С. Государство и национально-культурные автономии народов России: актуальные проблемы и перспективы // Этносоциум и межнациональная культура. – 2010. – № 3 (27). С. 44-65. EDN: OPSKLB.
14. Летопись народной дипломатии Крыма / сост. С. Балаян, Г. Мурадов, А. Трофимов. – Симферополь: ИТ "Ариал", 2022. – 272 с.
15. Реестр НКА [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАДН России. URL: <https://fadn.gov.ru/otkritoeagenstvo/reestr-nka/> (дата обращения: 25.04.2025).
16. Кузнецов, Е. "Мягкая сила" России: чего не хватает / Журнал "Россия в глобальной политике". URL: <https://globalaffairs.ru/articles/myagkaya-sila-rossii-chego-ne-hvataet/> (дата обращения: 01.05.2024).
17. Заседание международного дискуссионного клуба "Валдай" // Президент России. 19.09.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 18.04.2023).
18. Мисливская, Г. Путин: Чтобы "мягкая сила" работала, надо уважать себя // Официальный сайт газеты RGRU от 21.10.2021. URL: <https://rg.ru/2021/10/21/putin-chtoby-miagkaia-sila-rabotala-nado-uvazhat-sebia.html> (дата обращения: 30.04.2024).
19. Иванченко, Я. А., Мурадов, Г. Л. Международные связи Республики Крым (2014-2022). – Симферополь: Сонат, 2022. – 386 с.
20. Встреча с представителями национальных общественных объединений Крыма // Сайт Президента России от 17 августа 2015 года. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50140> (дата обращения: 01.10.2024).
21. Летопись народной дипломатии Крыма / сост. С. Балаян, Г. Мурадов, А. Трофимов. – Симферополь: ИТ "Ариал", 2022. – 272 с.
22. Арутюнян, А. Г. Государственная культурная политика России и механизмы ее реализации: материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / науч. ред. и сост. Матвеев, В. В., Соловьева, И. А. – Орел: ОГИК, 2024. С. 166-174.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают такие субъекты публичной дипломатии, как национально-культурные автономии. Автор аргументированно

утверждает, что потенциал национально-культурных автономий в публичной политике остаётся недостаточно изученным. И справедливо связывает с этим фактом высокую степень научной актуальности практической значимости выбранной для исследования темы. Вполне обстоятельно в рецензируемой статье раскрыта и теоретическая база исследования: концепции «мягкой силы» Дж. Ная, «социального капитала» Р. Патнэма, мультикультурализма Ч. Тейлора и др. Достаточно чётко сформулированы предмет и объект исследования, его цель и задачи, эмпирическая база, и даже научная новизна. Единственное, что упустил автор, это описание и аргументацию своего методологического выбора. И это следует признать существенным недостатком рецензируемой работы: в отсутствие внятного описания методологии оценить степень новизны и научной достоверности полученных результатов невозможно. Из контекста можно понять, что в процессе использовались институциональный метод (при анализе конкретных институтов самоорганизации национально-культурных автономий в России), метод контент-анализа (при изучении уставных документов крымских региональных национально-культурных автономий), метод case-study (при анализе конкретного случая деятельности национально-культурных автономий Республики Крым) и некоторые другие. Но в отсутствие авторской аргументации в пользу применения конкретно этих методов, а также причин выбора конкретно данного кейса методологическая база исследования вызывает множество вопросов. Поэтому автору следует доработать статью, устранив указанный недостаток. Предварительно можно сказать, что в рецензируемой работе есть научная новизна, и касается она, прежде всего, самого аспекта рассмотрения собранного эмпирического материала: представления о национально-культурных автономиях как потенциальных субъектах публичной дипломатии. Определённый интерес представляет также вывод автора о технологиях «мягкой силы», субъектами которой во внешней политике могут выступать национально-культурные автономии. При этом остаётся совершенно непонятным, на каком основании автор сделал свой вывод о том, что «национально-культурные автономии... обладают значительным... потенциалом в сфере публичной дипломатии». Никаких измерений этого потенциала в статье нет. Автор лишь разработал метрику для таких измерений, но собственно до самого измерения он так и не дошёл. И это – несоответствие содержания работы её выводам – типичная проблема для научных статей, отличающихся недостаточной проработкой методологической базы. Поэтому автору следует устранить этот недостаток. В структурном плане статья также нуждается в доработке: несмотря на то, что её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования, отсутствие рубрикации текста существенно усложняет его восприятие, а раздел «Выводы», содержащий буквально два предложения, оставляет ощущение, что к формулированию выводов по результатам исследования автор отнёсся излишне формально. Поэтому заключительный раздел с выводами нуждается в более подробном раскрытии того, что делалось, и какие результаты были получены, с акцентом на их научной новизне. Также существенно улучшила бы статью тематическая рубрикация разделов. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, повторы слов: уже заголовок сформулирован не очень удачно; или нарушение параллелизма в предложении «...Процесс самоорганизации народов, как на федеральном уровне, так и в пределах конкретного региона...»; или просто стилистически не очень удачные выражения вроде «...Организация, которая в главной цели отразила налаживание связей...»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «Идея привлечения ресурсов... нашла свое отражениИЯ в концепции...», «...Группа часто рассматривается КАК механизмОМ признания уникальности культуры...», «Одной из форм национально-культурного самоопределения, представляющИХ собой общественное объединение...»;

или лишние запятые в предложениях «Эти связи непосредственным образом, влияют на...», «...Распространение информации о положении еврейской автономии в Крыму, как в Израиле...», и др.) ошибок, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. В числе упомянутых исключений можно указать на неверную формулировку в предложении «... "Мягкая сила" и негосударственные акторы становятся ключевыми игроками, они могут выступать посредниками...»: «мягкая сила» – это технология, она не может быть игроком и выступать посредником. В отличие от государственных и негосударственных акторов. Библиография насчитывает 11 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и должна быть расширена за счёт включения работ, посвящённых методологии исследования национально-культурных автономий в публичной политике, что позволит более полно репрезентировать состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам также отсутствует в силу отсутствия методологической рефлексии и довольно скудного библиографического списка. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести довольно интересную и оригинальную тему, выбранную для исследования, но эмпирический материал по этой теме, привлечённый для анализа, мог бы быть и более обширным. Например, метод case study, который (предположительно!) использовал автор, исходит из необходимости сравнивать между собой несколько кейсов, а не один: например, различающихся по одной переменной или, напротив, совпадающих по одной переменной, но различающихся по всем остальным. Именно такой способ работы позволяет понять значимость того или иного кейса. А один-единственный кейс, конечно, может предоставить для анализа некоторый эмпирический материал, но практически не даёт возможности для каких бы то ни было обобщений.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Однако несколько недостатков статьи вынудили рецензента рекомендовать её к доработке: отсутствие описания и аргументации использованной в процессе исследования методологии, несоответствие некоторых из полученных выводов содержанию работы, структурные проблемы текста, а также стилистические и грамматические погрешности. Тем не менее, полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика» и после соответствующей доработки может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступает публичная дипломатия национально-культурных автономий, рассматриваемая на примере Республики Крым.

Методология исследования базируется на использовании анализе официальных документов, обобщении сведений из научных публикаций, а также монографическом описании деятельности национально-культурных автономий.

Актуальность работы обусловлена радикальными изменениями традиционных механизмов международного влияния, с тем, что публичная дипломатия превращается в инструмент

доверия и взаимопонимания в современной мировой политике.

Научная новизна рецензируемого исследования, по мнению рецензента, состоит в выводах о том, что национально-культурные автономии способны налаживать горизонтальные связи между государством и зарубежными аудиториями, преодолевая политические барьеры через культурные и гуманитарные проекты.

В публикации отмечено, что по состоянию на 25 апреля 2025 г. в Российской Федерации зарегистрировано 1365 автономий от местного до федерального уровня; проведено изучение опыта функционирования национально-культурных автономий Республики Крым; сказано о том, что Практическое внедрение концепции «мягкой силы» было обусловлено восстановлением влияния Российской Федерации на мировой внешнеполитической арене и необходимостью создания противовеса влияния других стран на Россию и русское зарубежье; освещена работа международного форума Русского мира, инициаторами создания которого выступили власти Республики Крым; проанализированы уставные документы крымских региональных национально-культурных автономий, которые начали регистрироваться с 2014 г. По мнению авторов, формирование позитивного образа Крыма крайне важно в реализации внешней политики, особенно в условиях международного отстаивания и продвижения российского статуса Крыма.

Библиографический список включает 13 источников – научные публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и английском языках, а также интернет-ресурсы. На источники, приведенные в разделе «Библиография» по тексту приводятся адресные отсылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Их замечаний стоит отметить следующие. Во-первых, текст статьи не структурирован надлежащим образом, в нём не выделены такие общепринятые в современных научных публикациях разделы как Введение, Материал и методы, Результаты и их обсуждение. Во-вторых, отсутствуют четко сформулированные цель и задачи исследования, его предмет и объект, рабочая гипотеза и методы ее проверки, а также элементы приращения научного знания, полученных в результате проделанной работы. В-третьих, оформление таблицы 1 нуждается в доработке: авторам предлагается отразить представленные здесь сведения в форме рисунка, поскольку они не содержат числовых характеристик или же использовать линии для разграничения столбцов и строк. В-четвертых, авторами не соблюдены принятые редакцией Правила оформления списка литературы по количеству и категориям источников: «Рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников, который должен содержать: не менее трети зарубежных источников; не менее половины работ, изданных в последние 3 года... В списке литературы не указываются: нормативно-правовая документация (законы, постановления, акты и проч.); ... Интернет-источники, включая информацию с сайтов... Все вышеперечисленные источники упоминаются в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов».

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Мировая политика», может вызвать интерес у читателей, но нуждается в доработке в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Потенциал национально-культурных автономий в реализации публичной дипломатии (на примере деятельности национально-

культурных автономий Республики Крым)» для опубликования в журнале «Мировая политика». Статья посвящена анализу роли национально-культурных автономий (НКА) Республики Крым в реализации публичной дипломатии через призму концепции «мягкой силы». Автор исследует потенциал НКА как инструмента внешнеполитического влияния, что соответствует актуальным трендам в исследованиях международных отношений и культурной политики. Однако предмет исследования мог бы быть расширен за счет включения сравнительного анализа с другими регионами России, что усилило бы его значимость. Методология исследования основана на авторском применении институционального метода, контент-анализа уставных документов НКА и экспертного опроса, что обеспечивает комплексный подход к изучению темы. Однако отсутствие количественных данных и глубокого анализа эмпирических материалов (например, конкретных проектов НКА) снижает доказательную базу. Современные работы, такие как исследование Калашникова (2020), подчеркивают важность сочетания качественных и количественных методов для оценки эффективности НКА. Тема статьи не вызывает сомнений в ее актуальности в условиях трансформации международных отношений и роста значения «мягкой силы». Автор обоснованно связывает деятельность НКА Крыма с задачами российской внешней политики, особенно в контексте интеграции полуострова. Актуальность подтверждается и современными источниками, например, работами Мурадова (2022), посвященными народной дипломатии Крыма. Новизна исследования заключается в рассмотрении НКА как акторов публичной дипломатии, что ранее не было предметом глубокого анализа. Автор предлагает систему индикаторов для оценки деятельности НКА, что может быть полезно для дальнейших исследований. Однако отсутствие критического анализа ограничений и рисков такой модели снижает научную ценность работы.

Стиль, структура, содержание соответствуют предъявляемым требованиям. Статья хорошо структурирована, стиль соответствует научным стандартам. Содержание логично, но некоторые разделы, например, анализ уставных документов НКА, изложены слишком описательно. Не хватает критического осмысления данных, например, обсуждения возможных конфликтов интересов между НКА и государственными органами. Современные исследования, такие как работа Арутюнян (2024), предлагают более глубокий анализ подобных вопросов. Библиография включает актуальные источники, в том числе зарубежные, но большинство ссылок относятся к периоду до 2023 года. Не хватает ссылок на свежие работы по публичной дипломатии и «мягкой силе», например, исследований 2024 года, посвященных адаптации этих концепций в современных условиях. Автор учитывает позиции оппонентов, ссылаясь на работы Ная, Патнэма и других, но критика альтернативных подходов поверхностна. Например, не рассмотрены аргументы скептиков, которые сомневаются в эффективности НКА как инструментов «мягкой силы». Это снижает глубину дискуссии. Выводы статьи обоснованы и демонстрируют значительный потенциал НКА в публичной дипломатии. Работа будет полезна исследователям международных отношений, культурной политики и гражданского общества.

Таким образом, статья вносит вклад в изучение роли НКА в публичной дипломатии. Несмотря на указанные недостатки, работа представляет ценность для академического сообщества и практиков и может быть рекомендована к опубликованию в избранном журнале.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Болиев С.О. Влияние положения малой страны и исторических травм на внешнюю политику Сербии в контексте противостояния России и Запада // Мировая политика. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.2.74721 EDN: MNPOLA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74721

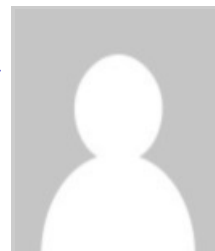
Влияние положения малой страны и исторических травм на внешнюю политику Сербии в контексте противостояния России и Запада

Болиев Сергей Олегович

магистр; факультет международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет
Редактор отдела бывший СССР; ООО "Лента.ру"

196628, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкинский р-н, поселок Шушары, тер. Славянка, Колпинское шоссе 34, к.1, кв. 349 Колпинское шоссе

✉ sergey290400@mail.ru

[Статья из рубрики "Региональные конфигурации международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.74721

EDN:

MNPOLA

Дата направления статьи в редакцию:

05-06-2025

Дата публикации:

28-06-2025

Аннотация: Предметом исследования настоящей статьи является внешняя политика Сербии как малой страны в отношении России и Запада в период их противостояния с 2022 года. Объектом же исследования является Республика Сербия. Автор фокусирует свое внимание на анализе поведения Белграда через концепцию "малой страны" (small state) и через особенности исторического развития республики. При анализе факторов малой страны отдельное внимание уделяется их внешнеполитическим стратегиям, которые выделили исследователи XX-ого века и которые Белград применяет сейчас. При выявлении факторов исторического развития политического руководства в Белграде в сравнительной перспективе фокус исследования направлен на периоды внешней Югославии при Й. Броз Тито и противоположный курс при С. Милошевиче. Все эти

факторы суммируются и объясняют выбранную Сербией стратегию внешней политики балансирования между двумя крупными игроками. В исследовании применяется социальный конструктивизм, позволяющий проанализировать, как исторически сложившаяся идентичность Сербии (нейтралитет Тито, изоляционизм Милошевича) влияет на ее современный внешнеполитический курс. Неореалистский подход используется для оценки системных ограничений, с которыми сталкивается Белград, будучи малой страной. Контент-анализ официальных документов позволяет проанализировать заявления сербских властей и медиадискурса в заданный период. Новизна настоящего исследования заключается в анализе внутривнутриполитических факторов Республики Сербия в контексте ее внешнеполитической стратегии в период с 2022 года. Новым представляется также анализ внешней политики Сербии сквозь призму теорий малых стран. В отечественной научной литературе исследования сконцентрированы лишь на двусторонних отношениях Москвы и Белграда. В настоящей работе же происходит изучение факторов, которые побуждают руководство Сербии вести отношения как с Россией, так и с Западом. Автор приходит к выводу, что внешняя политика Сербии сохраняет стратегическую осторожность и балансирование между великими державами по причине исторического опыта (негативными последствиями изоляции 1990-х гг. при Милошевиче и поражения в югославских войнах, с одной стороны и нейтралитет Тито и рост экономики Югославии с другой) до той поры, пока внутренние и внешние обстоятельства не вынудят Белград сделать выбор в пользу одной из великих держав.

Ключевые слова:

Сербия, Малая страна, А. Вучич, Россия, Белград, Украина, Косово, Европейский союз, ЕС, НАТО

В контексте украинского кризиса в узком смысле и противоборства по вопросам устройства современного мира на международной арене между Россией и Западом в широком [\[13\]](#), необходимо понимать направления внешней политики тех стран, которые не занимают однозначной позиции по отношению к более крупным игрокам в условиях продолжающейся конфронтации между ними. Речь идет о малых государствах (small states), чье поведение активно изучается в политической науке с XX века. Они не сопоставимы с большими государствами по степени влияния на международной арене, что является одной из их ключевых особенностей.

Сербия, будучи одним из ведущих игроков в Балканском регионе, извлекает выгоду из взаимодействия с великими державами, сохраняя нейтралитет и балансируя между интересами стран Запада и Востока. С одной стороны, это Россия и Китай, с другой страны Европейского союза (ЕС) и США. При этом отношения с Москвой и Пекином у Белграда проходят по отдельным трекам дипломатии. Сербия получает обширные инвестиции в свою экономику из Китая, превзойдя по объему российские инвестиции. Москва для Белграда остается партнером в торгово-экономической сфере (сохраняется ограниченное сотрудничество по линии ЕАЭС) (Free trade agreement between the Eurasian economic union and its member states, of the one part, and the republic of Serbia, of the other part [Digital source] URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/56c/Agreement.pdf>) и спецслужб (Ruske službe upozorile predsednika Srbije o državnom udaru [Digital source] URL: [90](https://www.novosti.rs/vesti/politika/1397688/vucic-potvrdio-ruske-sluzbe-upozorile-</p>
</div>
<div data-bbox=)

predsednika-srbije-drzavnom-udaru).

Политика Сербии в условиях современного противостояния России и Запада, актуализированного украинским кризисом, представляет собой case-study поведения нейтрального государства в условиях конфликта великих держав. Анализ данной стратегии позволяет выявить системные детерминанты политики неприсоединения малых стран в условиях глобальной конфронтации больших акторов. Как малая страна с большим набором социально-культурных проблем, Сербия демонстрирует свою особую позицию в отношении великих держав. В свете современных международных процессов, малые государства становятся важным объектом исследований. Анализ уникального случая Сербии в контексте глобального противостояния и теории развития малых стран в эпоху турбулентности предоставляет возможность применить теорию к актуальным событиям, что усиливает понимание ее внешнеполитических стратегий.

Следовательно, целью настоящего исследования является выявление влияния фактора "малой страны" у Сербии на ее внешнюю политику в контексте противостояния России и Запада во время обострения украинского кризиса т.е. с 2022 года.

Для достижения заданной цели были выделены следующие задачи:

- 1) Определить теоретические аспекты "малой страны" в контексте Сербии;
- 2) Выявить основные факторы, формирующие контекст внешней политики Республики Сербии до 2022 года;
- 3) Проанализировать внешнеполитический курс Белграда в период новой волны украинского кризиса (с 2022 года по настоящее время);
- 4) Выработать возможные решения, к которым придет руководство в Сербии в контексте своей внешней политики в отношении украинского кризиса.

Предметом исследования настоящей статьи являются способы выстраивания внешней политики Сербии как малого государства в условиях противостояния великих держав (России и Запада) с 2022 года. Объектом же исследования является Республика Сербия. Автор фокусирует свое внимание на анализе поведения этого государства через концепцию "малой страны" и через особенности ее исторического развития.

В качестве методов исследования при написании работы были применены следующие подходы: контент-анализ (количественный и качественный), интертекстуальный анализ, ивент-анализ, метод экстраполяции и метод анализа решений (децизионный метод). Так, например контент-анализ новостных материалов, официальных заявлений и нормативно-правовых актов позволяет выявить ключевые нарративы сербских властей и медийного дискурса в 2022–2025 гг. Ивент-анализ способствует анализу решений руководства Сербии во внешнеполитической сфере с 2022 года. Для предсказания дальнейших действий руководства Сербии в контексте украинского кризиса и противостояния Москвы и западных стран используется метод экстраполяции. Децизионный метод позволяет определить ключевых акторов, влияющих на внешнеполитические решения Сербии.

Методология исследования опирается на использование парадигмы социального конструктивизма. Как отмечает А. Вендт, идентичность и интересы государства формируются в ходе исторических процессов и определяют его поведение в международных отношениях [\[30\]](#). Так, социальное взаимодействие индивидов создает общие интересы и идентичность, которые выделяют субъектность и интерсубъективность как результат общественных соглашений на разных уровнях – внутри государства и на

международной арене [30]. Благодаря этому происходит формирования норм и правил, которое влияет на формирование и развитие идентичности наций и, как следствие, государств [24]. Американский политолог-конструктивист П. Катценштейн подчеркивает влияние антиамериканизма (продукта глобальной культуры) на формирование коллективной идентичности в традиционных обществах [21]. В данном контексте Сербия является страной с доминирующей православной культурой и устойчивыми традиционными ценностями. Ключевым катализатором антиамериканских настроений в сербском обществе стало наследие военной операции НАТО 1999 года, которая воспринимается как акт внешней агрессии и нарушение национального суверенитета. Этот исторический опыт способствовал консолидации антизападного нарратива в публичном дискурсе, что отличает Сербию от других пост-югославских государств, где идентичность формируется под влиянием иных факторов (например, конфессионального плюрализма в Боснии и Герцеговине или европейского интеграционного вектора в Хорватии и Черногории).

Представители неолиберального подхода Р. Кеохейн и Дж. Най в своей концепции комплексной взаимозависимости выделяют множественность общественных повесток внутри государства, способных выдвигаться на первый план в зависимости от конкретных обстоятельств. Это, как отмечают исследователи, приводит к размыванию традиционных границ между внутренней и внешней политикой, а сама международная система характеризуется возрастающей взаимозависимостью акторов на разных уровнях [22].

С позиций неореализма детерминанты международного положения государств коренятся в структурных особенностях международной системы, которые, в свою очередь, обусловлены динамикой отношений между великими державами. При этом малые и средние государства не способны существенно влиять на формирование данной структуры, оставаясь зависимыми от решений, принимаемых наиболее влиятельными акторами [18]. Так, Сербия вынуждена не продвигать видение собственной политики, из-за противостояния России и Запада, параллельно преодолевая свои исторические травмы внутри общества.

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть действия малой страны – Сербии – в условиях геополитического противостояния России и западных стран в 2020-е годы с акцентом на влияние внутривнутриполитических и культурных факторов. Научная новизна работы заключается в определении системообразующих детерминант сербской внешней политики через исследование решений президента А. Вучича в 2024-2025 гг. в контексте отношений с Москвой и западными странами, учитывая роль исторической памяти и социокультурных конструктов республики.

Теоретические аспекты изучения малых стран в контексте великих держав.

Малая страна в структуре МО занимает периферийную позицию в системном противостоянии [18] влиятельных акторов. К.К. Худoley вводит понятие “прохладной войны” – конфликта, в котором стороны конкурируют за влияние преимущественно невоенными средствами [13]. Для понимания примера Сербии в этой структуре необходимо выделить основные определения из основополагающих работ по проблематике “малых стран”. Так, например американская исследователь-международник А. Бейкер Фокс выделяла феномен малых стран в конфликтной среде глобального мира [16]; британский исследователь Д. Вайтел – стратегии малых стран на

международной арене [29]; а немецкий социолог М. Вебер же вне контекста малых стран объяснял идеологии и поведения стран [20], что подходящим образом проецируется и на малые страны в том числе, в особенности на Сербию из-за ее обширного историко-культурного фона.

Так, Бейкер-Фокс исследовала феномен малых стран в условиях глобального конфликта, взяв за пример Вторую мировую войну. Она акцентировала свое внимание не на форме конфликта, а на самом факте противостояния крупных держав и на положении в нем малых государств, которые невольно становятся сферами влияния. Несмотря на ограниченные ресурсы, малые страны могут влиять на международную политику через гибкую дипломатию, извлекая выгоды из сложившейся ситуации, отмечает автор. Бейкер-Фокс подчеркивала, что такая стратегия обеспечивает их адаптивность и устойчивость, а дипломатическое мастерство руководства играет ключевую роль в их геостратегическом позиционировании [16].

В свою очередь, Вайтел подробно описал, какие бывают стратегии у малых стран в контексте их уязвимости перед великими державами. Так, он выделил у них три модели выстраивания своего курса внешних отношений: оборонительная стратегия, направленная на сохранение статус-кво через различные неагрессивные действия; стратегия отказа; и активная стратегия, которая ставит своей задачей изменение внешней среды в свою пользу [29]. В контексте Сербии в настоящий момент стоит отметить, что ее стратегия более похожа на первый вариант. Именно стремление сохранить статус-кво между двух сторон глобального противостояния выделяет ее из ряда других европейских стран, особенно в постсоциалистическом пространстве.

Политическая культура и идеология, согласно Веберу, отражает стремления акторов в стране к достижению некой конкретной цели. Вебер рассматривал политическую этику как важный элемент культуры. Он выделял два типа установок у участников политических процессов. Первый отличается стремлением к реализации определённой цели или идеала, независимо от препятствий. Эту форму политической этики учёный назвал «этикой убеждения» – культурой, основанной на идеологии. Вторая парадигма – это «этика ответственности», то есть форма культуры, предполагающая рациональный подход к политической деятельности, учёт последствий и правовых норм [20]. В контексте Сербии таковой целью является обретение независимости на международной арене, что соответствует духу коллективной памяти территории Сербии во времена Тито и Милошевича.

В контексте Сербии в рамках настоящего исследования и внутривнутриполитических аспектов следует выделить: дипломатические способности правящей элиты малых стран с великими державами, которые определяют их степень нейтралитета в глобальном конфликте (Бейкер-Фокс) [16]; политическая культура и идеология стремления акторов в стране к достижению некой конкретной цели (Вебер) [20]. **Из внешнеполитических аспектов** – стремление малых стран к нейтралитету; проблема сохранения нейтралитета в войне, которую, по мнению Бейкер Фокс, крупные державы использовали для привлечения малых стран на свою сторону [16]; стремление малых стран сохранить статус-кво в международных отношениях, согласно Вайтелу [29].

Следует отметить, что количественные признаки более очевидны, если сравнивать отдельно Сербию с США и Россией или даже США вместе с ЕС и Россией. Поэтому на них заострять внимание в данном исследовании не имеет особого смысла из-за отсутствия

консенсуса по этому поводу в научной среде [8].

Также следует выделить аспект безопасности малых стран в XXI-м веке. В условиях пост-биполярного миропорядка характер угроз претерпел значительную трансформацию, приобретая комплексный и полицентричный характер. На смену биполярной конфронтации с характерным блоковым противостоянием пришли разнородные угрозы. К ним относятся: международный терроризм, киберугрозы и иные формы транснациональных угроз и вызовов. В данном контексте малые государства, вопреки прежним стратегиям самоизоляции, демонстрируют тенденцию к адаптации через вовлечение в механизмы коллективной безопасности. Как отмечает шведский исследователь-конструктивист К. Агиус, формальное сохранение статуса нейтралитета не исключает практического участия в различных локальных под эгидой ЕС или НАТО [15]. Так, в 2011 году Сербия подала запрос на индивидуальный план действий партнерства НАТО, который вскоре был одобрен. Он включает в себя участие Сербии и НАТО в совместных военных маневрах и учениях по гражданской обороне (Relations with Serbia [Электронный ресурс] // NATO. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50100.htm). То есть, нейтралитет переосмысливается как отказ от членства в военных альянсах при одновременном акценте на гибкие форматы многостороннего сотрудничества. Это подразумевает многовекторность и прагматизм в обеспечении национальной безопасности для противостояния разнородным вызовам XXI-го века и, как следствие, участие в работе военных блоков в ограниченном формате.

Таким образом, малые страны в международных отношениях занимают подчинённое положение, балансируя между интересами великих держав. В настоящее время они существуют в условиях системного противостояния, которое заключается в борьбе за собственное видение миропорядка. В случае малых стран одну из ключевых ролей играет их внутренняя идеология, которая строится на их историческом опыте и культурных ценностях. В том числе и на этом базируется их внешняя политика. В Сербии, к тому же, это обусловлено пестрым набором исторических событий и "исторических травм".

Исторический и мнемонический контекст внешней политики Сербии.

Выстраивание внешнеполитической стратегии малой страны – Сербии – по треку, направленном на сохранение статус-кво в отношении как Запада, так и Востока обусловлена комплексом исторических факторов.

Во-первых, опыт нейтралитета Югославии – исторической предшественницы Сербии. На протяжении всего периода ее существования единственный лидер страны Иосип Броз Тито использовал стратегию нейтралитета из-за раскола с Москвой в 1950-е (отказ от вступления в военный блок – Организацию Варшавского Договора), а также из-за личной убежденности в идеях социализма, которые не позволяли ему полностью интегрироваться в НАТО и ЕС [23]. Он не стремился к распространению своего видения идеологии социализма на соседние государства из-за ограниченности ресурсов в сравнении с СССР. Поэтому его интерес заключался в развитии контактов с третьими странами, что привело к созданию Движения неприсоединения в 1961 году и последующему укреплению статуса Югославии как "средней державы" [8] и внеблокового государства. Современная Сербия также старается придерживаться той же модели нейтралитета в нынешней "прохладной войне" [13] между Россией и Западом. Однако причины внеблоковой политики у современных властей в Белграде сейчас иные.

Кроме того, статус малой страны не позволяет создавать Сербии такие же межконтинентальные политические союзы, как это делала Югославия, будучи средней державой.

Во-вторых, опыт однозначной антизападной внешней политики Слободана Милошевича в 1990-е годы, которая стала следствием серии войн властей Югославии (де-факто Сербии) с Хорватией, Словенией и Боснией, что привело к сокрушительному поражению властей в Белграде, интервенции НАТО и обретению коллективной антизападной травмы в памяти сербского общества. Надо понимать, что тогда Сербия была представлена союзом Сербии и Черногории в рамках т.н. "малой Югославии". Однако бомбардировки НАТО в 1999 году не затронули Черногорию в той степени, в которой они коснулись Сербию. Это позволило Подгорице без особых проблем вступить в НАТО в 2017 году, предварительно и обоюдно выйти из состава союза с Сербией в 2006 году. Военная операция НАТО и последующее принуждение С. Милошевича к принятию условий альянса по вопросу Косово в 1999 году нанесли куда большую травму сербскому нарративу о Великой Сербии (антизападничество, монолитное сербское население на территории большей части бывшей Югославии), нежели Черногорию. Несмотря на близость и идентичность двух народов в языковом и культурном аспектах, вышеназванные факторы являются их отличительными особенностями.

В-третьих, проблема Косово существенно влияет на принятие решений в Белграде. Провозглашение на юго-западе Сербии независимости Республики Косово в 2008 году и его признание большинством стран ЕС и НАТО создали прецедент формирования государства с поддержкой большинства стран западной системы МО. Это, в свою очередь, повлияло на выстраивание ее собственной внешней политики с того момента. Сербия тогда не до конца оправилась от поражения в серии войн периода распада Югославии, прежде всего, экономически. Белград не мог бы ввести войска в Косово из-за возможного прямого боестолкновения с блоком НАТО, чьи войска располагались в регионе после окончания конфликта в июне 1999 года. В случае развития подобного сценария, Белград мог бы также лишиться финансовой помощи от ЕС, куда Сербия стремилась с 2000-го года. Поэтому Сербия начала вести дипломатический диалог, который предусматривал шаги к постепенному признанию независимости Республики Косово Сербией де-факто и де-юре [\[12\]](#).

Отдельно следует остановиться на Косовской проблеме с точки зрения идеологии, которая формирует, во многом, историческую память в Сербии и объясняет важность этого аспекта внутри республики [\[10\]](#). Одним из простых способов объяснения комплексности этой проблемы является глорификации Косово и мифа о Видов дане (Видов день). Российский политолог Ефременко Д. В. связывает символическую сакрализацию прошлого, выраженную через миф об основании того или иного государства, с отправной точкой исторического пути этого самого государства или этноса [\[19\]](#). Каноническое оформление мифа о Косово как национального нарратива произошло в результате публикации собрания сербских народных песен Вуком Караджичем в начале XIX века т.е. в период формирования и консолидации сербской политической нации [\[4\]](#). В случае сербской истории основополагающий миф связан с ключевым историческим событием - битвой на Косовом поле, произошедшей 28 июня (15 июня по юлианскому календарю) 1389 года, что совпало с праздником святого Видовдана. Существует легенда о святом Вите, которого умертвили римляне за свою веру в христианство.

Использование мифа о Видовдане в политических целях укоренилось уже давно. С 1889

года в независимом Королевстве Сербия ежегодно отмечается битва на Косовом поле. Сербская православная церковь также начала отмечать сербских участников битвы в Видовдан (рус. Видов день) с 1892 года. Этот праздник был инструментом призыва к стойкости и моральному сопротивлению в различных исторических ситуациях, будь то временные крахи государственности или национальные триумфы. Особенно этот миф придает смысл важным для Сербии историческим событиям, происходящим в этот день. Например, убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево сербским националистом Г. Принципом (1914), принятие конституции Королевства сербов, хорватов и словенцев (1921), выдача С. Милошевича Гаагскому трибуналу (2001) [19]. Собственно, после смерти И. Тито и с последующим обострением конфликта между албанцами и сербами в Косово и Метохии в 1980-е, С. Милошевич в своих речах перед сербскими жителями Косово (которые чувствовали себя притесненными) не раз обращался к сюжетам Косовской битвы, что также добавляет символизма в перечисленные ранее аспекты [19]. В тот же период, как отмечал политолог Е. Колосков, произошел пик исследования Косовского мифа среди сербской академической среды. Однако с началом боевых действий в 1990-е эта проблематика стала изучаться намного реже исследователями Сербии [5].

Таким образом, Косовская проблема представляет собой ключевой элемент национальной идентичности Сербии как малого государства. Разрешение кризиса в Косово приобрело затяжной характер в силу указанных факторов, которые обладают высокой степенью значимости как для сербского общества, так и для политического руководства страны, приобретая характер экзистенциально-сакральных ценностей. Кроме того, потеря контроля Белграда над Косово является одним из главных в череде поражений сербского национализма. После окончания периода власти С. Милошевича и, в особенности, провозглашения независимости Республики Косово в 2008 года, начала происходить постепенная трансформация данной идеологии из воинственной в дискурс разочарованного национализма. В свою очередь, политическая элита Сербии неоднократно акцентирует внимание на унижительных, по ее оценкам, условиях интеграции страны в Европейский союз, что свидетельствует о глубинной проблеме утраты доверия к европейским институтам [21]. Это подтверждают и данные соцопросов населения Сербии, в особенности после 2022 года (Истраживања јавног мњења. Србија, март 2025. (I) // URL: <http://www.nspm.rs/istrazivanje-javnog-mnjenja/srbija-mart-2025.-i.html>).

Проблема Косово также создавала необходимость в многовекторном сотрудничестве со странами, не входящими в орбиту конфликтующих систем. Например, Сербия активно реализует сотрудничество с Азербайджаном в энергетической сфере и по ряду других вопросов. Эта кавказская республика до недавнего времени имела схожую проблему территориальной целостности из-за проблемы Нагорного Карабаха, о чем представители Баку и Белграда не раз говорили, как об основе отношений между странами (Intensifying strategic cooperation with Azerbaijan // Government of Serbia. – Belgrade, 23 December 2024. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/vest/en/240142/intensifying-strategic-cooperation-with-azerbaijan.php>). Так, согласно Д. Вайтелу, малая страна Сербия реализует свою стратегию сохранения статус-кво через дипломатические каналы, демонстрируя свою позицию по Косово миру [29].

Следовательно, после провозглашения на территории Сербии в одностороннем порядке независимости другого, частично-признанного государства, для Белграда приоритетнее было сохранить статус-кво из-за ограниченного количества ресурсов и влияния, которое

было утрачено после поражения в серии войн распада Югославии и последующего экономического кризиса. Косовский фактор для Белграда является чувствительным как политически, так и в контексте политики памяти. Косово символизирует борьбу за независимость внутри общества Сербии и формирует сербскую идентичность, основанную на православной культуре (противопоставляя себя захватчикам другой религии, согласно сюжету битвы на Косовом поле). То есть, на международном уровне это вопрос территориальной целостности, а на внутриполитическом — проблема памяти, влияющая на внешнеполитический вектор страны. Сербское политическое руководство осознавало, что диаметрально противоположные заявления представителей Запада и России в отношении Косово ставили Сербию в центр конфликта интересов этих двух крупных сил на международной арене. В таком случае, согласно теории малых стран, необходимо демонстрировать приверженность нейтралитету во избежание эскалации конфликта двух акторов системы МО. Поэтому Сербия не разрывала дипломатические связи с теми, кто признал Косово, как это делал, например, Китай в отношении государств, которые признали Тайвань из-за своего зависимого и уязвимого положения на международной арене. Это бы означало поддержку Москвы и возможное повторение периода изоляционизма, как это было при С. Милошевиче в 1990-е. Белград же начал выстраивать стратегию сохранения статус-кво под давлением фактора Косово, как наиболее выгодную для себя. Косовский фактор, согласно Д. Вайтелу, является признаком стратегии отказа Сербией от видения странами Запада политической ситуации в регионе [\[29\]](#).

Еще одним аспектом внешней политики Сербии является так называемый фактор внешнего ориентира, присущий многим странам бывшей Югославии. На нем, в том числе, строятся отношения России и Сербии на протяжении всего их периода. Он заключается в том, что сербы, хорваты и босняки являются представителями одной лингвистической группы. Сербохорватский язык является прообразом для современных сербского, хорватского, боснийского и черногорского, и люди понимают друг друга без переводчиков [\[3\]](#). Во время эволюции их идентичности на протяжении всей истории, их отличительными признаками являлись лишь культурные и религиозные аспекты [\[26\]](#) [\[28\]](#), которые имели свои внешние ориентиры:

- у Хорватии это католическая Австрия и наследие австро-венгерской империи Габсбургов;
- у Боснии это мусульманская Турция и наследие Османской империи;
- у Сербов это православная Россия и наследие Российской Империи.

Исследователь ИМЭМО РАН Понамарева А. объясняла этот феномен тем, что пространство бывшей Югославии имеет крайнюю высокую степень отличия мнемонического обмена. Поэтому исторические нарративы бывших сограждан, а ныне соседей противоречат друг другу [\[9\]](#). Причиной этого являются и т.н. "Укорененные ориентализмы", суть которых заключается в создании определенного места (укоренения) памяти из нарративов и предрассудков в отношении своих бывших сограждан в виду исторических обстоятельств и этнокультурных различий [\[17\]](#). Такие радикальные противоречия возникли из-за полной идентичности этих народов в лингвистическом аспекте.

Стоит заметить, что Россия никогда не устанавливала прямой контроль над Сербией, а лишь сохраняла культурное влияние. Однако в эпоху Османской империи часть

южнославянских поселений крестьян сохраняли православие в качестве основной религии. Для них мусульмане-османы были чужеродными и отрекшимися бывшими согражданами. Однако некоторая их часть приняла ислам в виду политики Османской империи в этих местах, что привело к возникновению новой идентичности – босняков и, параллельно, к сохранению внешнего ориентира в лице России у сербов. Ориентация на Москву также закрепились с обретением независимости Сербии после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Так, образы русского солдата того конфликта изучаются научным сообществом, в том числе и влияние этого фактора на культурно-исторические отношения Москвы и Белграда [11].

Сейчас же это вылилось в то, что Сербия в силу этих исторических особенностей является культурным союзником России в Европе [11]. Однако эта малая страна, тем не менее, окружена такими же моноэтническими государствами (за исключением Боснии и Герцеговины), которые не разделяют исторический нарратив о тесной и вечной дружбе с Москвой. Для них (в частности, для пост-югославских Хорватии, Македонии и Черногории) интеграция в более ближние (с географической точки зрения) европейское и североатлантическое объединения не является такой же проблемой, как для Сербии, в силу вышеназванных факторов и событий. Тесные отношения с Россией, как отмечали М. Лобанов и Е. Звезданович-Лобанова могли бы помочь Москве через Сербию реализовывать свои интересы внутри региона через т.н. стратегию “тройной коней” [6].

Со всеми вышеперечисленными обстоятельствами А. Вучич начал период своего президентства в 2017 году. На глобальном уровне он, продекларировав четкий курс на интеграцию в Европу, параллельно отказался от введения санкций против Москвы в период продолжения напряженности между Россией и Западом [7]. На национальном уровне Вучич начал проводить политику, как описывали ее Д. Ефременко и Д. Растегаев, балансирования между символической значимостью Косовского мифа и необходимостью признания актуальных геополитических реалий [4]. Через анализ теории малых стран это выражается в стремлении сохранить статус-кво и получению из этого максимум возможных выгод [29].

Официальный Белград полностью не отрекся от связей со своим главным союзником за пределами Балканского региона, сохранив личные контакты между представителями Москвы и Белграда. Этому, во многом, способствовал фактор способности ведения успешных дипломатических отношений малыми странами, о котором писала А. Бейкер-Фокс. На примере России и Сербии накануне и после 24 февраля 2022 года, во время встреч с президентом России Путиным, Вучич не раз общался с ним на русском языке (Путин отметил развитие отношений России и Сербии // РИА Новости. – 2017. – 19 декабря. – URL: <https://ria.ru/20171219/1511274856.html>), владея им свободно. В 2025 году, уже после начала СВО сербский президент во время посещения парада Победы 9 Мая в Москве также общался со своим российским коллегой без помощи переводчиков, в отличие от других зарубежных лидеров не из стран постсоветского пространства. Президент Сербии также хорошо владеет и английским, общаясь с западными лидерами и на нем. То есть, дипломатическое мастерство руководства, как отмечала Бейкер-Фокс, играет ключевую роль в геостратегическом позиционировании малой страны. Белград показывает, что способен к самостоятельному диалогу как с Западом, так и с Россией и Китаем. В глобальном смысле, это демонстрирует навык политического руководства Сербии к ведению многовекторной дипломатии.

Таким образом, внешняя политика Сербии к 2022 году имела следующие особенности:

1) Опыт Югославии давал для политического руководства Сербии некую "путеводную звезду" с точки зрения полного несоответствия внешней политики великих держав в условиях их "холодного" противостояния.

2) Опыт Милошевича был анти-примером для нынешнего официального Белграда, потому что агрессивный национализм и вытекающий из этого изоляционизм в итоге запомнился поражением в серии Югославских войн в конце 1990-х годов, которая также во многом вызвала историческую травму действий НАТО на территории современной Сербии.

3) Исторические связи с Россией являются альтернативной отношений с ЕС для Белграда во второй половине 2010-х годов с обострением отношений между Россией и Западом. Культурная общность и Косовский фактор являются двумя аспектами на чаше весов внешней политики Белграда в пользу Москвы. Однако на другой ее стороне – необходимость интегрироваться в ЕС по экономическим соображениям.

Выстраивание внешней политики Сербии в отношении великих держав в контексте украинского кризиса и противостояния Москвы с Западом.

С 2022 года, с момента начала Специальной военной операции (СВО) Сербия начала углублять свою политику нейтралитета в попытках сохранить прежний статус-кво во в новых внешнеполитических обстоятельствах. В период с 24 февраля 2022 года по настоящее время, власти Сербии под руководством А. Вучича учитывали два ключевых фактора: стратегические интересы малого государства и особенности исторической памяти общества. Все это привело к изложению политическим руководством страны конкретных шагов в отношении украинского кризиса в заключении Совета национальной безопасности Республики Сербии № 1-10/2022 от 25 февраля 2022 (Conclusion of the National Security Council of the Republic of Serbia number 1-10/2022 from 25 February 2022 U R L : <https://www.predsednik.rs/en/press-center/press-releases/conclusion-of-the-national-security-council-of-the-republic-of-serbia-number-1-102022-from-25-february-2022>). Среди них: отсутствие прямого осуждения действий Российской Федерации; параллельная поддержка "территориальной целостности Украины"; "необходимость возможного введения ограничительных мер или санкций против какой-либо страны, включая Российскую Федерацию"; введение санкций против "какой-либо страны" на момент 2022 года не отвечает "жизненно важным политическим и экономическим интересам Сербии"; ссылка на военный нейтралитет республики.

Принятие данного документа стало отражением стратегического курса Белграда в период, когда абсолютное большинство государств Европы, включая страны бывшей Югославии, демонстрировали однозначную ориентацию на проевропейский и прозападный внешнеполитический вектор. Политика Сербии в условиях международной нестабильности свидетельствует о поиске сложного баланса между курсом на интеграцию в Европейский союз и сохранением традиционных связей с Российской Федерацией. Кроме того, анализируемый документ может рассматриваться как закономерный этап эволюции внешнеполитического курса Сербии после краха власти С. Милошевича в 2000-м году.

Белград воздержался от прямого осуждения действий Москвы после 2022 года в силу ряда факторов, среди которых ключевую роль играют экономические соображения. Открытая критика российской политики и присоединение к санкционному режиму повлекли бы за собой сокращение двустороннего сотрудничества, что могло бы оказать значительное негативное воздействие на сербскую экономику. Экономическая целесообразность этого подхода подтверждается данными: Россия занимает 6-е место в сербском импорте с долей 4,2% (UN Comtrade. URL: <https://comtrade.un.org/labs/data->

explorer/). Для малого зависимого государства разрыв таких связей был бы экономически не оправдан. Особую значимость в данном контексте приобретает вопрос обеспечения энергетической безопасности Сербии, в частности, поставок природного газа из Российской Федерации. Две трети этого топлива республика получает от Москвы (Serbia Is in Talks to Extend Russian Gas Deal Beyond March URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-12-06/serbia-in-talks-to-extend-russian-natural-gas-deal-beyond-march>). Вместе с тем, автор не исключает возможности присоединения Белграда к санкционному режиму против Москвы в перспективе. На текущем этапе Сербия потенциально обладает временным запасом для минимизации сопутствующих рисков посредством диверсификации внешнеторговых связей, в первую очередь – в сфере поставок сырьевых товаров (в частности, за счет наращивания сотрудничества с Азербайджаном). Однако в 2022 году сербские власти воздержались от подобного шага в силу двух ключевых факторов: сохранения особого дипломатического диалога с Россией и недостаточности внутренних резервов для компенсации вероятных экономических потерь в случае введения ограничительных мер.

Углубление конфронтации между Российской Федерацией и западными странами создало для Белграда ситуацию структурного вынуждения, требующую пересмотра прежней стратегии балансирования и перехода к определенным действиям, в особенности на фоне процесса евроинтеграции Сербии. Нейтральный статус-кво во внешней политике Белграда преобладал до второй половины 2024 года. В октябре того года А. Вучич на встрече в рамках формата “Украина — Юго-Восточная Европа” в Хорватии с лидерами ЕС и Украины подписал декларацию, осуждающую действия России на Украине. Правки, внесённые президентом А. Вучичем в декларацию о коллективном осуждении действий России западными странами, демонстрируют сохранение Сербией элементов самостоятельной внешнеполитической линии. Несмотря на формальное подписание документа, сербский лидер добился существенной корректировки ряда положений, где Белград идет вопреки позиции ЕС и НАТО. Речь о вопросе санкций в отношении РФ (Вучич внес поправки в декларацию по поддержке Украины // РИА Новости. – 2024. – URL: <https://ria.ru/20241010/ukraina-1977419225.html>). То есть Вучич от лица руководства Сербии идет на контакт с западными странами, при этом, прямо не соглашаясь с ними в вопросе Косово и в принуждении к санкциям против Российской Федерации. Это действие является логичным документу о внешней политики от 25 февраля 2022 года: отказ от введения санкций против России и поддержка Украины из-за “вопроса территориальной целостности”. Причины этого заключаются в следующем: Косовский вопрос, который имеет значение как в отношении России, так и Украины; исторические связи с Москвой; тесные торговые отношения с РФ; опыт существования Сербии в условиях санкций в 1990-е.

Аналогичный пример с подобной системой издержек и противовесов во внешней политике Сербии произошел во время визита А. Вучича в Москву на ранее упомянутое празднование 80-летия Победы в Москве. Данный эпизод демонстрирует намерение президента Сербии разыграть карту нарратива об общем вкладе Сербии и России в победу во Второй Мировой войне, которая является еще одним общим нарративом в отношениях между Москвой и Белградом [25]. Визит в очередной раз продемонстрировал публичный отказ Белграда от разрыва связей с Москвой. Однако последствия вояжа Вучича в российскую столицу показали и то, что Сербия не отказывается от продолжения интеграции в ЕС. Так, А. Вучич четко продекларировал курс в Европу через пару дней после визита и намерение открыть кластер номер 3, который подразумевает ряд реформ в законодательстве Сербии (Vučić sa Koštom u Beogradu: Srbiji mjesto u EU, ali... [Электронный ресурс] // Glas Srpske. – URL:

<https://www.glassrpske.com/lat/novosti/srbija/vucic-sa-kostom-u-beogradu-srbiji-mjesto-u-eu-ali/578720>).

Кроме того, в июне 2025 года состоялся визит Вучича в украинский город Одесса, где прошла встреча в аналогичном формате “Украина – Юго-Восточная Европа”. Как отмечали СМИ, это первый визит главы сербского государства на территорию Украины за последние 12 лет. Однако в этом случае примечательным является не столько факт самого визита Вучича, а скорее реакция Москвы. Так, официальный представитель МИД России Мария Захарова заявила следующее: “Те, кто говорит о желании развивать отношения с Россией и строить диалог с ней, должны прежде всего задать себе вопрос: на стороне ли они истины или неонацизма?” (Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой по текущим вопросам внешней политики, 11 июня 2025 г. [Видеозапись] // Rutube. – URL: <https://rutube.ru/video/69fa489378931dbdc8a527b7c12b0f78/>). Такая реакция нетипична для Москвы на действия Вучича, поэтому в ближайшем будущем очевидно нарастание недопониманий между российским и сербским политическими руководствами. Особенно интересен факт публичного заявления А. Вучича в ходе саммита о готовности Белграда восстановить несколько городов Украины, при этом отказав подписать итоговую декларацию саммита, где содержатся пункты о введении санкций против России (Вучич ответил на обвинения в предательстве России из-за визита на Украину // Lenta.ru. – 2025. – 11 июня. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/06/11/vuchich-otvetil-na-obvineniya-v-predatelstve-rossii-iz-za-vizita-na-ukrainu/>). На данном саммите президент Сербии одновременно продемонстрировал свои дипломатические подходы в современных условиях напряженности, а не по отдельности, как это было в октябрьском и майском случаях.

Примеры с действиями Вучича с декларацией в Дубровнике и с визитом в Москву являются красноречивым и взаимодополняющими примерами современной внешней политики Сербии как малой страны после 2022 года. С одной стороны, Вучич подписывает официальные международные документы вместе со странами НАТО и Украиной, где прямо осуждаются действия Москвы в период проведения СВО. При этом, как заявлял сам Вучич, сербский президент вносит в текст декларации свои коррективы в отношении санкций против Москвы. С другой стороны, А. Вучич демонстрирует приверженность поддержанию политического диалога с Москвой, что подтверждается его визитом в российскую столицу в символически значимую для России дату. Данный шаг был обоснован в рамках вопроса общей исторической памяти, которая выделяет совместный вклад советского и югославского народов в победу во Второй мировой войне. Его майский визит в Москву носил больше символический характер и, как показывают последствия, не принес реального ущерба в процесс евроинтеграции Белграда, несмотря на заявления европейских политиков.

Тем самым Белград показывает то, что он имеет свои возможности для внешнеполитического маневра в условиях геополитической нестабильности и противостояния великих держав. Таким образом на практике реализуются те теоретические основы исследователей малых стран касаясь их внешней политики в уязвимой позиции.

Также следует понимать, что у изменений внешней политики Сербии есть и внутреннее измерение. Так, отмечается факт инициированного нынешними властями страны переосмысления своей идентичности по отношению к соседям. Доктор философии Турнуа Лоран отмечает, что создание в центре сербской столицы – Белграде – нового делового центра “Белград на воде” является символической попыткой заменить доминирующий

среди множества местных жителей национализм и “навязчивый экспансионизм 1990-ых” идеями глобальной культуры. То есть этот проект является новой доминантой сербской столицы – воплощением идей неолиберализма (идей европейской интеграции, в частности). Они подразумевают помощь в налаживании экономических отношений с соседями, которые еще вчера были врагами для властей в Белграде. Кроме того, они покажут привлекательность неолиберализма для граждан Сербии и привлекательность Сербии для инвесторов, заключает автор [27]. Мы не можем с точностью констатировать подобные намерения у авторов этого проекта и властей Сербии. Однако с уверенностью можем сказать, что сейчас у Белграда в приоритете привлечь как можно больше иностранных инвесторов в преддверии и во время белградского EXPO-2027, которое является одним из глобальных событий в мире и впервые пройдет в юго-восточной Европе. Поэтому выбор одной из сторон в глобальном конфликте великих держав для такой страны как Сербия является невыгодным из-за высокой потребности в привлечении средств от разных иностранных партнеров.

Особое значение в контексте формирования внешнеполитического курса Сербии приобретает влияние Республики Сербской (РС) как составной части Боснии и Герцеговины (БиГ). Как подчеркивает доктор политических наук Е.Б. Энтина, внешнеполитические решения Белграда неизбежно корректируются с учетом интересов данного автономного образования [14]. Данная тенденция нашла свое отражение в ходе голосования на Генеральной Ассамблее ООН в 2024 году по резолюции, квалифицирующей события в Сребренице как акт геноцида, когда Сербия заняла позицию, совпадающую с официальной линией Республики Сербской. Кроме того, Белград запустили публичную кампанию в городах Сербии “Мы не геноцидный народ”, которую параллельно вели власти в Баня-Луке (Uoči glasanja o rezoluciji: Vlast nam poručuje da nismo genocidan narod, iako nas tako dokument ne zove // N1. 2024. URL: <https://n1info.rs/vesti/uoci-glasanja-o-rezoluciji-vlast-nas-ubedjuje-da-nismo-genocidan-narod-u-preambuli-pise-nesto-drugo/>). Подавляющее большинство стран ЕС выступили авторами резолюции и проголосовали за ее принятие. Вышеназванные действия руководства Республики Сербии и Республики Сербской противоречат общей внешней политики Евросоюза. Кейс с резолюцией по Сребренице демонстрирует влияние фактора РС на политику Белграда, который отличается от общеевропейского вектора. Во многом, это связано с фигурой президента автономии Милорада Додика, который определяет вектор политики этого региона в составе БиГ. Его риторика, по большей части, является антизападной (Додик рассказал о действиях Запада против православного мира // РИА Новости. 2025. URL: <https://ria.ru/20250621/dodik-2024489978.html>).

Результаты исследования.

Анализируя с разных сторон внешнюю политику Сербии в указанный период, она видится следующим образом:

Через призму социального конструктивизма, Сербия создает свою собственную политику малой нейтральной державы, основанной на желании недопущения повтора сценария краха власти Слободана Милошевича в 1990-е, а также из-за сакральности для властей в Белграде и жителей Сербии фактора Косово, которое не признано Сербией в полной мере независимым по сей день.

Через призму внешнеполитических факторов теории “малых стран”, Сербия, по Д. Вайтелу, являет собой смесь стратегии внешней политики отказа (Косовский фактор) и оборонительной через дипломатические каналы (кейс отношений Белграда с Баку и

рядом других государств, не признающих Косово). Таким образом, Белград стремится сохранить статус-кво в международных отношениях. Стремление Сербии к нейтралитету, по Бейкер-Фокс, обусловлено: защитой своего суверенитета и безопасности, избежание вовлечения в конфликты крупных держав и военных союзов; возможностью сохранять независимость и развивать экономику, а также развивать дипломатические отношения и выступать в роли посредника. По Вайтелу, Сербия реализует стратегию статус-кво, сохраняя разные дипломатические отказы в меру своих возможностей.

Через призму внутривнутриполитических факторов теории малых стран следует выделить идеологию Сербии на современном этапе. Согласно Веберу, ее нынешний выбор публичной идеологии государства связан с отказом Белграда от популярной идеи в 1990-е "Великой Сербии", подразумевающую экспансию соседей и четкий антизападный курс. Кроме того, по Бейкер-Фокс, дипломатические контакты нынешнего руководства Сербии как с Западом, так и Россией, демонстрируют способность налаживать отношения с двумя конфликтующими системами дипломатическим путем, который в корне противоречит политике Слободана Милошевича в 1990-е годы.

Согласно методу экстраполяции, по которому прогнозы составляются на основе данных из прошлого, Сербия не рискнет в полной мере занять недружественную позицию в отношении одной из сторон. В период Югославии, Белград смог представлять собой среднюю державу в регионе при двух составляющих: 1) наличие собственного видения международных процессов (движение неприсоединения); 2) налаживание контактов с двумя полюсами силами на неглубоком уровне, оставаясь на уровне партнеров, а не полноценных союзников. Занятие антизападной позиции Слободаном Милошевичем в 1990-е и нарушение того нейтралитета, которого придерживался Белград раньше, привело к окончательному краху власти в 2000-е годы. Наличие вышеуказанных границ для маневра, однако, не отменяет вступление Сербии в ЕС в недалеком будущем, но полностью исключает вхождение в состав блока НАТО. Однако, следует отметить, что невступление Белграда НАТО позволит Сербии взаимодействовать с Москвой из Евросоюза также, как это делает в настоящее время Венгрия.

Заключение.

Теоретические аспекты "малой страны", объясняющие политику Сербии на современном этапе, заключаются в ряде факторов:

- 1) Способность правящей элиты малых государств к стратегическому маневрированию во взаимодействии с великими державами, что непосредственно влияет на уровень их политического нейтралитета в условиях глобального противостояния;
- 2) Значимость политической культуры и целерационального поведения национальных политических акторов;
- 3) Проблема поддержания нейтралитета в условиях вооружённых конфликтов, когда великие державы предпринимают попытки вовлечения малых стран в орбиту своих интересов, а также тенденция к сохранению существующего баланса в международных отношениях.

Основными историческими событиями, формирующими контекст внешней политики Республики Сербии до 2022 года являются: вопрос Косово, который помогает Белграду выстраивать отношения как с Россией, так и Украиной; близкие исторические и экономические связи с Москвой; опыт политики балансирования Югославии в период Й. Тито в отношении великих держав; опыт существования Югославии – Сербии в условиях санкций в период С. Милошевича.

Внешняя политика на современном этапе характеризуется комплексом стратегий малой страны на международной арене, где основной целью является поддержание статус-кво для получения максимальных выгод путем привлечения большего количества инвестиций извне. В свою очередь, это накладывается на проблему внутреннего империализма, который сохраняет влияние в общественных настроениях. Кроме того, малое пространство для маневра во внешней политике Сербии сопровождается исторической травмой из-за поражения идеи "Великой Сербии" после действий евроатлантического альянса в 1999 году. Политику Белграда также определяет гармонизация внешнеполитического курса с более консервативной Республикой Сербской вместе с параллельной интеграцией в Евросоюз и попыткой создать в стране новый центр привлечения финансовых потоков.

Все вышеперечисленные аспекты позволили выявить ее ключевые детерминанты и стратегические ориентиры на современном этапе через призму социальных факторов и теории малых стран. Внешняя политика Сербии реализуется в парадигме малой нейтральной державы, что обусловлено, во-первых, императивом недопущения повторения изоляционизма 1990-х годов, а во-вторых, потребностью сохранения контроля над Косово как сакрализованным геополитическим пространством национальной идентичности. Поэтому Белград стремится к диверсификации международных связей, избегая жесткой привязки к одному из центров силы, что соответствует стратегии поддержания статус-кво малой страны. С этой точки зрения, Сербия также сочетает стратегию внешнеполитического отказа (в контексте проблемы провозглашения на территории Косово и Метохии независимого государства). Все это направлено на сохранение суверенитета и минимизацию вовлеченности в конфликты великих держав. Внутриполитический анализ указывает на отход от идеи «Великой Сербии» в пользу прагматичного курса, позволяющего балансировать между Западом и Россией, что представляет собой переосмысление идеологических установок внешней политики Югославии времен Й. Тито и С. Милошевича.

Положение Сербии в системе международных отношений заключается в сочетании статуса малой страны и элементов агрессивного национализма и реминисценции имперского прошлого. Это выражается в непреодоленной коллективной травмой после краха концепции "Великой Сербии". В частности, это проявляется в "войне памяти" вокруг резолюции ООН о Сребренице и в реакции националистических кругов на налаживании диалога между Белградом и Приштиной. Эти коллективные травмы усложняют стратегию Белграда в отношениях с великими державами в условиях их полярного видения международной арены. Это может обострить европейский трек дипломатии Белграда или ухудшить сербско-российские отношений, которые занимают значимое место в общественном дискурсе страны. В настоящее время сотрудничество между странами сохраняется главным образом в экономической сфере, тогда как политическое взаимодействие переживает стагнацию и постепенный спад. В такой логике Белград, как малая страна, может оказаться под давлением обстоятельств, изменив свою внешнеполитическую стратегию и сделать вынужденный, а не добровольный выбор в пользу одной из сторон.

Библиография

1. Анджелкович Т.Д. Герои поля боя: культ русских солдат во время сербско-турецких войн (1876-1878 гг.) в сербской визуальной культуре XIX века // *Baština*. 2023. Vol. 33. No. 60.
2. Бисерко С. Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан

// Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. DOI: 10.31249/ape/2021.02.04. EDN: HBZZRV.

3. Болиев С.О. Репрезентация военного конфликта в Боснии и Герцеговине в 1990-ых годах на примере музеев в Сараево и Мостаре / С. О. Болиев // Зимняя конференция СНО: Исследования памяти в международных отношениях: Сборник статей IV Международной студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 02-04 декабря 2024 года. Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2025. С. 449-460. EDN BPHDFW.

4. Ефременко Д., Растегаев Д. Факторы онтологической безопасности и их влияние на внешнюю политику Сербии и Турции // Современная Европа. 2024. № 6.

5. Колосков Е.А. Косовский миф в современной сербской и албанской историографии: этапы и основные тенденции // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2(20). С. 152-168. DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.210. EDN XMAUMH.

6. Лобанов М., Звезданович-Лобанова Е. Проблемы внешнеполитического самоопределения Сербии: через тернии к "звездам" Евросоюза // Сравнительная политика. 2016. № 4.

7. Младенович М. Сербия на новом геополитическом перекрестке и особенности выбора российского направления // Сербско-российский научный журнал. 2024. № 1-2. С. 55-60. DOI 10.18572/3034-3798-2024-1-2-55-60. EDN CVKYML.

8. Новикова И.Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. № 3. DOI 10.21638/spbu06.2022.301. EDN ЕНМКUH.

9. Понамарева А.М. Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15, № 1. С. 93-132. DOI 10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132. EDN VHGTRE.

10. Растегаев Д.О. Косово и Метохия как "фронт" Сербского мира: онтологическая безопасность и перспективы урегулирования косовского кризиса / Д. О. Растегаев // Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 25-26 ноября 2022 года / Сост. А.И. Абрамова. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет, 2023. С. 281-284. EDN CLRTYA.

11. Растегаев Д.О. Историческая память в российско-сербских отношениях: Рабочая тетрадь РСМД № 87. Москва: Российский совет по международным делам, 2024. 32 с. ISBN 978-5-605-16426-5. EDN UYNYSM.

12. Филимонова А.И. Закрытие карабахского вопроса и пролог к завершению косовской проблемы осенью 2023 года: внешние и внутренние факторы // Высшее образование для XXI века: Высшая школа России в условиях глобальных вызовов, рисков, угроз: Доклады и материалы XIX Международной научной конференции, Москва, 23-24 ноября 2023 года. Москва: Московский гуманитарный университет, 2024. С. 557-571. EDN PAKPIZ.

13. Худолей К.К. Россия и Запад: вторая "холодная" или первая "прохладная"? // Россия в глобальной политике. 2020. № 6 (106). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-prohladnaya/>.

14. Энтина Е. Сербская внешняя политика: вызовы и восприятие // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2.

15. Aguis C. Transformed Beyond Recognition? The Politics of Post-Neutrality // Cooperation and Conflict. 2011. Vol. 46. No. 3. P. 370-395.

16. Baker Fox A. The Power of Small States: Diplomacy in the World War II. Chicago: Chicago University Press; 1959.

17. Bakić-Hayden M. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54, No. 4. P. 917-931. URL: <https://www.jstor.org/stable/2501399>. EDN HKIDUV.
18. Dessler D. What's at Stake in the Agent-Structure Debate? // *International Organization*. 1989. Vol. 43. P. 441-473. EDN: HIHRWN.
19. Efremenko D.V. Skeletons in a Slavic Closet. Controversies of Historical Memory and Nation-Building in Serbia and Croatia after the Collapse of the SFRY. *Polis. Political Studies*. 2021. No. 5. P. 132 (In Russ.). DOI 10.17976/jpps/2021.05.09. EDN RBSREM.
20. Hanson S.E. "A Weberian Theory of Ideology." Chapter. In: *Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia*. Cambridge Studies in Comparative Politics. Cambridge: Cambridge; 2010. P. 29-56.
21. Katzenstein P. J., Keohane R. O. *Anti-Americanism in World Politics* / P. J. Katzenstein, R. O. Keohane. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 336 p.
22. Keohane R.O., Nye J.S. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown, 1977.
23. Lampe J.R. *Yugoslavia as History: Twice There Was a Country*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 487 p. ISBN 0-521-77401-2.
24. Löden, H. Reaching a Vanishing Point? Reflection on the Future of neutrality Norms in Sweden and Finland // *Cooperation and Conflict*. 2012. Vol. 47, No. 2. P. 271-284.
25. McGlynn J. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy / J. McGlynn, J. Đureinović // *Memory Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 227-242. DOI 10.1177/17506980211073108. EDN GGQUD.
26. Stojanov T. Understanding spelling conflicts in Bosnian, Croatian, Montenegrin, and Serbian: Insights from speakers' attitudes and beliefs // *Lingua*. 2023. Vol. 296. DOI 10.1016/j.lingua.2023.103622. EDN OBIAQU.
27. Tournois L. Re-framing Serbian identity within a global imaginary: Nation building through the Belgrade Waterfront project // *Political Preferences*. 2023. № 30. P. 5-30. DOI 10.31261/polpre.2022.2.5-30. EDN TYNEEX.
28. Veković M., Đogatović V. Errando Discimus: Has Post-Yugoslav Political and Social Science Neglected Religion? // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2019. Vol. 58. No. 2. P. 437-455. DOI 10.1111/jssr.12589.
29. Vital D. *The Survival of Small States: Studies in Small Power/Great Power Conflict*. Oxford: Oxford University Press, 1971.
30. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая рукопись посвящена исследованию внешней политики Сербии в условиях продолжающейся конфронтации России и стран Запада. Выбранная тема представляется актуальной, поскольку 1) роль малых и средних государств долгое время оставалась на периферии международных исследований, отдававших предпочтение изучению политики великих держав 2) современное противостояние России и Запада оказывает огромное влияние на поведение малых стран, зачастую ставя их перед трудным выбором такого политического курса, который позволил бы защитить национальные интересы и минимизировать риски вовлечения в набирающую обороты конфронтацию. Вместе с тем, статья страдает рядом серьёзных недостатков, первый из которых касается методологии. Так, само название рукописи – «Влияние

фактора малой страны и исторических травм на внешнюю политику государства на примере Сербии в контексте противостояния России и Запада» предполагает, что автор стремится прийти к неким обобщениям, касающимся политики малых стран в условиях противостояния великих держав. При этом исследование сербского кейса должно лечь в основу этих обобщений. Однако, на деле автор не рассматривает политику каких-либо малых государств, кроме Сербии. Как следствие, ни к каким обобщениям автор не приходит. Поэтому, на мой взгляд, название статьи следует переформулировать – напр., - «Влияние положения малой страны и исторических травм на внешнюю политику Сербии в контексте противостояния России и Запада». Далее, после перечисления ряда методов, предположительно использованных в ходе исследования, автор утверждает, что опирается на теоретические предпосылки социального конструктивизма и неореализма. Проблема в том, что эти подходы основаны на ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ различных предпосылках, что делает невозможным их использование в рамках одного исследования. В то время как неореализм исходит из тезиса об «объективности» мира международной политики («анархия», «национальный интерес») и примата материальных факторов (военная мощь, баланс сил), то конструктивизм выдвигает тезисы о «субъективности» («анархия» как политическая культура) и «интер-субъективности» (напр., «суверенитет» как результат согласия, основанного на разделяемых смыслах) международных отношений, а также придает ключевое значение социальным факторам. Кроме того, автор не дает ни одной сноски на работы конструктивистов (а также неореалистов), излагая, по всей видимости, свое собственное понимание этих подходов. Также сомнение вызывает определение «республики Сербия» как объекта исследования. Скорее, объектом данного исследования является «внешняя политика республики Сербия». Еще большую путаницу вносит предложенное автором обоснование научной новизны – «анализ внутриполитических факторов Республики Сербия в контексте ее внешнеполитической стратегии в период с 2022 года...». Акцент на влиянии внутриполитических факторов на внешнюю политику – характерная черта неолиберального подхода к МО, о котором автор даже не упоминает. Положение "малой страны" - это системный фактор, а не внутриполитический. Анализ внешней политики Сербии «сквозь призму теории малых стран» сам по себе не может представлять элемент научной новизны, так как последняя относится к РЕЗУЛЬТАТАМ исследования, а не к методам достижения этих результатов. Со стилистической точки зрения, рукопись также не лишена недостатков – в тексте много чрезмерно длинных предложений, перегруженных оборотами и запятыми. В некоторых случаях создается впечатление, что пропущены отдельные слова. Попадают странные выражения, такие как «конфликтующие системы международных отношений» и «гнездящийся ориентализм» (как и где может «гнездиться» ориентализм?!). Если это перевод словосочетания "nested orientalism", то неудачный. Уж лучше – «укорененный ориентализм». В рукописи есть фрагмент (абзац, начинающийся со слов «в контексте Сербии...»), в котором автор упоминает подходы Бейкер-Фокс, Вебера и Вайтела, но не дает ссылок. Среди прочих академических работ, заслуживающих упоминания в статье, можно назвать следующие – 1) Энтина Е. Сербская внешняя политика: вызовы и восприятие // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2; 2) Лобанов М., Звезданович-Лобанова Е. Проблемы внешнеполитического самоопределения Сербии: через тернии к «звездам» Евросоюза // Сравнительная политика. 2016. №4; 3) Бисерко С. Гегемонистские националистическое матрицы прошлого и будущее Балкан // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2; 4) Ефременко Д., Растегаев Д. Факторы онтологической безопасности и их влияние на внешнюю политику Сербии и Турции // Современная Европа. 2024. № 6. Выводы автора, по сути, сводятся к тому, что Сербия как «малая страна» стремится сохранить нейтралитет и относительную независимость в условиях противостояния великих

держав. Однако, это можно сказать о политике любой малой страны, ничего нового в этом нет, как и в тезисе о том, что Сербия будет стремиться вступить в ЕС, воздерживаясь от присоединения к НАТО. Поэтому в заключении следует сделать акцент на новизне полученных автором результатов, что заметно повысит интерес аудитории журнала к данной статье.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступают способы выстраивания внешней политики Сербии как малого государства в условиях противостояния великих держав (России и Запада) с 2022 г.

Методология исследования базируется на конструктивистской теории международных отношений, рассмотрении международной системы как социально сконструированной через взаимодействие акторов, их идентичности и норм. В работе использованы следующие методы: контент-анализ (количественный и качественный), интертекстуальный анализ, ивент-анализ, метод экстраполяции и метод анализа решений (децизионный метод).

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью понимания направлений внешней политики небольших по размерам стран, которые не занимают однозначной позиции по отношению к более крупным игрокам в условиях продолжающейся конфронтации на международной арене между Россией и Западом.

Структурно в тексте выделены разделы, озаглавленные следующим образом: Теоретические аспекты изучения малых стран в контексте великих держав, Исторический и мнемонический контекст внешней политики Сербии, Выстраивание внешней политики Сербии в отношении великих держав в контексте украинского кризиса и противостояния Москвы с Западом, Результаты исследования, Заключение и Библиография.

Заявленная авторами научная новизна исследования заключается «в определении системообразующих детерминант сербской внешней политики через исследование решений президента А. Вучича в 2024-2025 гг. в контексте отношений с Москвой и западными странами, учитывая роль исторической памяти и социокультурных конструктов республики».

В статье рассмотрены теоретические аспекты "малой страны" применительно к Сербии; выявлены факторы, формировавшие внешнюю политику Сербии до 2022 г.; проанализирован внешнеполитический курс Белграда в период новой волны украинского кризиса (с 2022 года по настоящее время); сформулированы возможные внешнеполитические решения руководства Сербии в отношении украинского кризиса. Отмечено, что малые страны в международных отношениях занимают подчинённое положение, балансируя между интересами великих держав, одну из ключевых ролей играет их внутренняя идеология, которая строится на их историческом опыте и культурных ценностях, в том числе и на этом базируется их внешняя политика. В Заключении представлены факторы, объясняющие политику Сербии на современном этапе.

Библиографический список включает 30 источников – научные публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и иностранных языках по рассматриваемой теме. На источники, приведенные в разделе «Библиография» по тексту приводятся адресные отсылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из недостатков публикации стоит отметить, что начальная часть публикации почему-то не озаглавлена.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Мировая политика», отражает результаты проведенного авторами исследования, может вызвать интерес у читателей, материал рекомендуется к опубликованию.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Рогожина Е.М., Маргарян Д.Л., Мельников А.В., Солодовникова А.Н. Анализ миротворческой деятельности КНР в Африке на примере конфликта в Судане // Мировая политика. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.2.74328 EDN: LGEIMB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74328

Анализ миротворческой деятельности КНР в Африке на примере конфликта в Судане

Рогожина Евгения Михайловна

кандидат политических наук

доцент, кафедра международных отношений и мировых политических процессов, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова"

603155, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Мина, 31А, оф. 1407

✉ evgenia-amiga@yandex.ru

Маргарян Давид Леваевич

ORCID: 0009-0003-6453-8657

магистр, институт международных отношений и мировой истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр-кт. Гагарина, д. 23

✉ dartvader2595@mail.ru

Мельников Антон Владимирович

ORCID: 0000-0002-9906-1887

бакалавр, кафедра международных отношений и политологии; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, Нижегородский р-н, ул. Мина, д. 31А

✉ antonmelnikov2003@gmail.com

Солодовникова Анна Николаевна

ассистент, кафедра Восточных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

603155, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Мина, 31А, оф. 1407

✉ anja91@list.ru

[Статья из рубрики "Региональные конфигурации международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.74328

EDN:

LGEIMB

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2025

Дата публикации:

30-06-2025

Аннотация: В статье рассматривается расширение геополитического влияния Китая в Африке через участие китайского миротворческого контингента в урегулировании континентальных военных конфликтов, в частности на примере Судана. Специфика миротворческой деятельности, в том числе и КНР, подразумевает не только получение непосредственной материальной выгоды от проведения миротворческих миссий, но и часто сопряжена с функционированием в наиболее конфликтогенных регионах, к которым относится и африканский континент, характеризующийся низкой грамотностью населения, территориями, богатыми природными ресурсами, множеством локальных и трансграничных конфликтов и войн. Авторами данной статьи проводится комплексное исследование общих аспектов миротворческой деятельности Китайской Народной Республики в африканской подсистеме международных отношений как фактора экспансии КНР на континент на примере суданского конфликта. Методологической основой исследования является системно-структурный подход, в основе которого лежит изучение миротворческой деятельности Пекина; используются два методологических принципа: «принцип универсализма» и «принцип узкого толкования» объекта исследования. Авторами применен метод анализа миротворческих операций КНР, а также интерпретационный анализ статистических и политико-правовых документов в сфере регулирования миротворческой деятельности. В работе дан комплексный анализ причин конфликта в Судане и описана роль Пекина в его урегулировании, проанализированы экономические и геополитические интересы КНР в стабилизации региона. Значимость статьи заключается в комплексном анализе результатов миротворческой деятельности КНР в Судане. С политической точки зрения – она способствовала укреплению политических связей. С экономической – росту двусторонней торговли и увеличению китайских инвестиций в экономику и инфраструктуру Судана. С гуманитарной – реализации продовольственных, образовательных и медицинских программ в целях повышения жизненного уровня населения и смягчения последствий конфликта. С международной – содействием международному миротворчеству и укреплению международной безопасности. В целом авторы статьи пришли к выводу, что китайское миротворчество в Африке демонстрирует симбиоз гуманитарных целей и экономико-политических интересов. С одной стороны, КНР вносит значительный вклад в стабилизацию региона, предоставляя ресурсы и оказывая дипломатическую поддержку. С другой – её действия интерпретируются как часть стратегии «мягкой силы», направленной на расширение влияния и контроль над важными ресурсами.

Ключевые слова:

Китай, Африка, миротворчество, Судан, Дарфур, США, ООН, конфликт, экономические интересы, геополитика

Введение

Новыми геополитическими тенденциями современного мира все большее количество стран обращают свой взор в сторону Африки. Развитие торгово-экономических связей, а также доступ к ресурсам Черного континента, равно как к материальным, так и к человеческим, является приоритетом для таких стран и объединений, как Россия, Китай, США, Турция, Индия, Бразилия, Южная Корея, Япония и Европейский союз. Вместе с тем стабильное экономическое и политическое сотрудничество стран с Африкой невозможно без полного урегулирования конфликтов в этой части планеты.

Африка традиционно является одним из наиболее востребованных направлений в отношении функционирования гуманитарных миссий Организации Объединенных Наций. Однако иностранные государства, как правило, не участвуют в них лишь из гуманистических побуждений. Чаще всего страны-участницы преследуют и некоторые свои интересы. Чем больший вклад страна вносит в миротворческую миссию, тем больший интерес прослеживается. В XXI веке активно участвуют в миротворческих миссиях ООН представители США и КНР, являясь, соответственно, и двумя основными спонсорами миротворческих миссий [\[1\]](#).

Китай является крупнейшим торговым партнером Африки [\[2\]](#), и его экономическая экспансия на континенте становится все более заметной. Изучение миротворческой деятельности Китая в Африке позволяет лучше понять, как Пекин использует свои миротворческие миссии для защиты собственных экономических интересов и какое влияние это оказывает на местное население и правительства.

Миротворческая деятельность Поднебесной в Африке, как и деятельность США, вызывает определенную настороженность других государств, опасаящихся чрезмерного расширения влияния Пекина в Африке, и потому часто подвергается критике со стороны отдельных членов международного сообщества [\[3\]](#). Некоторые эксперты и правозащитные организации обвиняют КНР в использовании миротворческих миссий в качестве прикрытия для своей экономической экспансии на континенте, а также в нарушении прав человека и экологических стандартов [\[4\]](#).

Миротворческая деятельность Китая в Африке может значительно повлиять на динамику политических и экономических процессов на континенте [\[5\]](#). Что и обуславливает актуальность данного исследования.

Методологической основой исследования является системно-структурный подход, который, с одной стороны, способствует изучению отдельных субъектов миротворческой деятельности, и миротворческих миссий КНР в Африке в частности, их задач, принципов и целей как системы взаимосвязанных элементов, определяемых картиной их корреляций в региональном и глобальном контекстах; с другой стороны, лучше раскрывает суть самого миротворчества, представляющего сложную социально-политическую систему, включающую в себя разнообразные элементы, от конфликтующих сторон до воинских и полицейских контингентов, участвующих в миротворческом процессе.

Для решения поставленных в исследовании задач были использованы **методы**, применяемые в научных исследованиях. В работе используется два методологических принципа: «принцип универсализма» и «принцип узкого толкования» объекта исследования. В работе применен инвент-анализ конкретных миротворческих операций с участием КНР, интерпретационный анализ статистических и политико-правовых

документов в сфере политического регулирования миротворческой деятельности, и институциональный метод для изучения использования конкретных институтов (как государственных, так и негосударственных) для предотвращения конфликта в Судане и формирования баланса сил с помощью миротворческих миссий КНР.

Изучению миротворческой деятельности КНР посвящён ряд комплексных междисциплинарных исследований. Аспекты стратегической безопасности КНР за границей, особенно в Африканской подсистеме международных отношений, подробно описаны такими исследователями, как Оберт Ходзи (Obert Hodzi)^[6], Лина Бенабдаллах (Lina Benabdallah)^[7], Аннет Вебер (Annette Weber)^[8]. В то же время экономическое сотрудничество народов Африки и КНР рассматривают Гао Л.^[9], Ли З.^[10], Лю Ц.^[11], которые отмечают важность продолжения китайского курса на экономическое доминирование в регионе, что неразрывно связано с обеспечением стратегической и экономической безопасности КНР на континенте. Наиболее комплексные исследования, раскрывающие эту тему, принадлежат Чжан Чун (Zhang Chun)^[12], Цзе Ян (Jie Yang)^[13], Юньнань Чэнь (Yunnan Chen)^[14].

Объектом исследования является миротворческая деятельность КНР на африканском континенте на примере конфликта в Судане. **Предметом исследования** – особенности миротворческой деятельности Китая как инструмента продвижения его национальных интересов на африканском континенте.

Целью настоящей работы является комплексное исследование общих аспектов миротворческой деятельности Китая в африканской подсистеме международных отношений на примере суданского конфликта как фактора экспансии КНР на континенте.

Миротворчество в Африке

Африка является одним из самых нестабильных регионов мира: в течение последних 40 лет в более чем 50 военных конфликтах в Африке погибло свыше 5 миллионов человек, 24 миллиона оказались лишены крова, 18 миллионов вынужденно стали беженцами. Такая обстановка в регионе сложилась из-за множества факторов, среди которых можно назвать колониальное прошлое большинства стран континента, нерешенные приграничные споры и борьба за доступ к ресурсам в постколониальный период, а также терроризм и пиратство, процветающие в Африке. Кроме того, в изучаемом регионе находятся в глубоком кризисе экономическая, политическая, социальная и духовная сферы.

Отдельно стоит отметить, что не способствуют урегулированию конфликтов и некоторые особенности социального строя отдельных стран. Так, например, в Африке широко распространено этническое мышление, основанное на трайбализме^[15], когда люди идентифицируются с представителями только определенной племенной группы, а представителей других групп воспринимают враждебно, что приводит к этническим столкновениям и кровопролитным конфликтам на этнической почве. Самый известный конфликт подобного рода – геноцид в Руанде^[16].

Для множества стран Африки характерна слабая система построения и управления государственным аппаратом, партийный плюрализм в негативном контексте, клановость, этническое деление на группы, расы, по религиозным или идеологическим признакам, а также сильное социальное неравенство. Все перечисленные компоненты являются важными факторами нестабильности в Африке.

Ещё одной причиной нестабильности на континенте, по мнению авторов, является соперничество за влияние и доступ к ресурсам между крупными мировыми державами. До 1990-х годов XX века за Африку боролись СССР и США. В XXI веке разворачивается соперничество за глобальное доминирование между Китаем и США, что может привести к перераспределению сфер влияния и актуализации вооруженных конфликтов в богатых природными ресурсами государствах Африки. В конечном итоге, это формирует поле для иностранного участия, в том числе и в рамках миротворческих миссий организаций и отдельных стран. Рассмотрим подробнее миротворческие миссии.

Миротворческие миссии в Африке обусловлены множеством факторов, включая широкое распространение стрелкового оружия, систематическое нарушение прав человека, бедность, голод и эпидемии [\[17\]](#). В связи с чем, по мнению авторов исследования, глобально особенности миротворчества в Африке характеризуются следующими тезисами:

1. Широкий спектр задач [\[18\]](#);
2. Наличие непрекращающихся конфликтов;
3. Большие территории и удаленность;
4. Низкий уровень развития государств;
5. Культурные различия и ксенофобия;
6. Риск эпидемиологических заболеваний;
7. Ограниченная доступность техники и средств организации миссий.

С темой исследования неразрывно связано рассмотрение именно миссий под эгидой ООН, поскольку на данный исторический момент неизвестно о введении непосредственно китайского миротворческого контингента по прямому запросу одной или нескольких африканских стран, равно как и Китай официально не демонстрирует желания принимать участия в индивидуальных миротворческих операциях [\[19\]](#).

Не последнюю роль в таком отношении Китая к миротворческим операциям сыграло противоречие самой сути введения иностранного контингента на территорию суверенного государства. Сам Китай выступает категорически против вмешательства во внутренние дела суверенных государств и ожидает такого же отношения к себе со стороны партнеров. Собственно, именно такой политикой КНР импонирует многим африканским правительствам [\[20\]](#).

Вторым важным замечанием является тот факт, что кратное увеличение китайского контингента миротворческих сил ООН наблюдается в странах, богатых природными ресурсами: нефть, газ, редкоземельные металлы и т. д. В связи с чем мы четко прослеживаем тенденцию к использованию миротворческих сил КНР в регионах, экономически наиболее привлекательных для китайского крупного капитала [\[21\]](#). Таким образом, с точки зрения авторов исследования, Китай принимает активное участие в миротворческих операциях в Африке как в рамках своей глобальной стратегии развития и расширения влияния Пекина на международной арене в целом, так и на Африканском континенте в частности.

Основные цели Китая в миротворчестве в Африке [\[22\]](#) включают:

1. Защита своих экономических интересов. Китай является крупнейшим торговым партнером Африки, и его компании активно инвестируют в экономику региона. Согласно данным, опубликованным Главным таможенным управлением КНР, в период с 2000 по 2023 гг. объем торговли между Китаем и Африкой увеличился с менее чем 100 млрд юаней до 1,98 трлн юаней, а в 2024 году объем торговли между Китаем и Африкой превысил 2 трлн юаней, установив новый рекорд. Такой значительный рост в торговле, в свою очередь, привёл к интересу африканцев к Китаю и улучшил имидж КНР на континенте, что было отражено в исследовании аналитического агентства Gallup на графике ниже (Рисунок 1).

Корреляция имиджа КНР и объема китайских инвестиций в экономику африканского континента

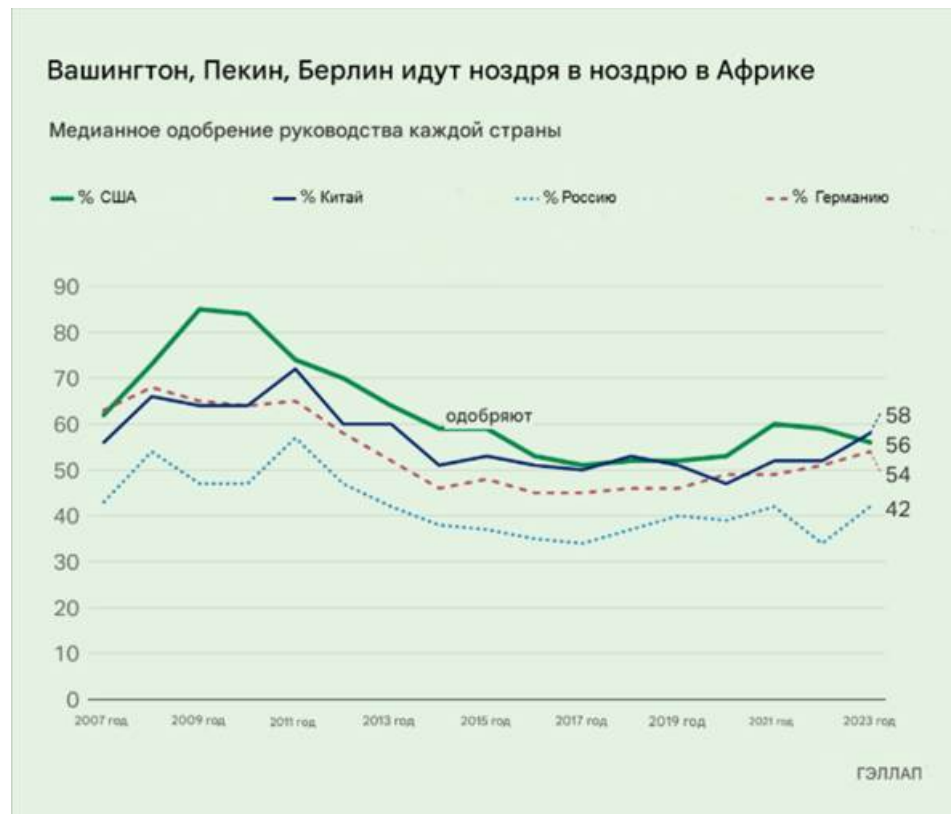

Рисунок 1

Источник: <https://coogunmodede.substack.com/p/africas-international-relations-are>

В тоже время китайские компании и специалисты часто становятся целью для различных террористических групп в изобилии присутствующих в неспокойных частях континента, что препятствует успешной реализации проектов и несет угрозу дальнейшему сотрудничеству. Действуя под эгидой ООН, Китай на законных основаниях имеет возможность защищать свои инвестиции и ресурсы. Таким образом, участие Китая в миротворческих операциях позволяет ему не только защищать свои экономические интересы, но и поддерживать и даже повышать свой имидж в регионе [23].

2. Поддержка стабильности и безопасности на континенте [23]. Китай считает, что мир и стабильность являются необходимыми условиями для экономического развития и благополучия региона. Участие Китая в миротворческих операциях в Африке позволяет ему содействовать восстановлению мира после конфликтов и обеспечению безопасности гражданских лиц.

3. Получение военного опыта и развитие военного сотрудничества со странами Африки

[23]. Участие в миротворческих операциях позволяет Китаю развивать свои военные возможности и получать опыт участия в международных операциях. Кроме того, успешная демонстрация военной мощи китайских миротворцев положительно влияет на имидж китайского ВПК в Африке, что уже дало значительные результаты: согласно изданию The Economist - Китай обогнал Россию и стал крупнейшим поставщиком оружия в страны Африки к югу от Сахары (Рисунок 2).

Динамика экспорта китайских вооружений в страны Африки к югу от Сахары

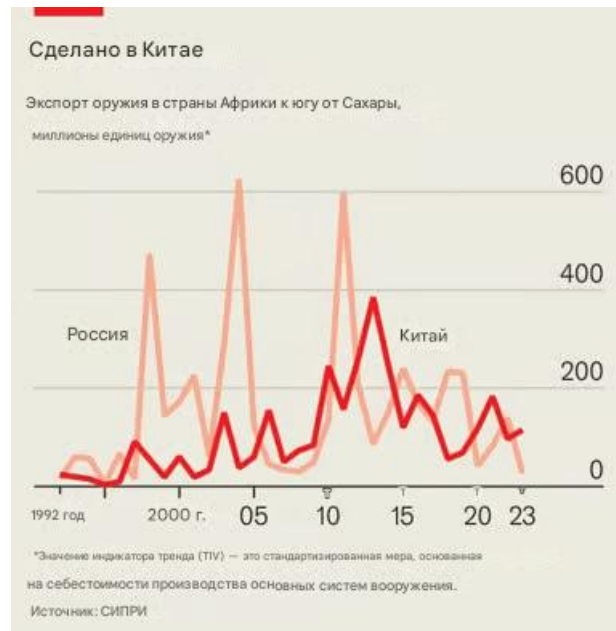

Рисунок 2

И с т о ч н и к : <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2024/05/23/chinese-weapons-are-taking-over-in-africa>

4. Укрепление дипломатических отношений с африканскими странами через установление двусторонних отношений и создание имиджа ответственного глобального игрока. Работа в этом направлении ведется в рамках форума «Китай-Африка» (ФОКАК), на котором Китай успешно выстраивает отношения с континентом и отдельно с каждой страной-участницей. Форум впервые состоялся в 2000 году. И с тех пор прошло уже 9 масштабных встреч в различных городах Африки и Китая.

5. Активное продвижение международной инициативы «Один пояс, один путь» в Африке, которая направлена на расширение экономических связей между Китаем и африканскими странами [24]. Участие Китая в миротворческих операциях в регионе может способствовать укреплению экономических связей и продвижению этой инициативы в двухстороннем формате. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» строится сотрудничество по широкому спектру вопросов. Помимо вопросов экономического взаимодействия и безопасности, сотрудничество ведется в области образования, экологии, здравоохранения, инноваций и многих других.

В целом, участие Китая в миротворческих операциях в Африке является частью его широкой стратегии в регионе и направлено на защиту экономических интересов Поднебесной [25], поддержку стабильности и безопасности в регионе, развитие военных возможностей НОАК и укрепление дипломатических отношений с африканскими странами. Китай также стремится продвигать свои международные инициативы, включая

инициативу «Один пояс, один путь».

При организации миротворческих операций в Африке Пекин придерживается ряда законов и принципов, которые направлены на обеспечение безопасности миротворцев, уважение суверенитета и территориальной целостности государств-участников, а также содействие мирному урегулированию конфликтов:

1. Уважение суверенитета государств-участников, реализуется через принцип невмешательства во внутренние дела других государств и уважение их суверенитета и территориальной целостности.
2. Ненасилие и мирное урегулирование конфликтов. Китай призывает к мирному урегулированию конфликтов и не прибегает к силе, если это возможно.
3. Сотрудничество и согласование с местными властями. КНР сотрудничает и согласовывает свои действия с правительствами и местными властями государств-участников, чтобы обеспечить эффективную и безопасную миротворческую операцию.
4. Защита миротворцев. Китай обеспечивает безопасность своих миротворцев, предоставляет им необходимое обучение и экипировку, а также принимает меры для предотвращения нападений на них.
5. Содействие в развитии региона. Китай поддерживает развитие экономики и инфраструктуры в регионе, где проводятся миротворческие операции, чтобы создать условия для устойчивого мира и процветания.
6. Соблюдение международных стандартов в соответствии с нормами международного права, регулирующими миротворческую деятельность, включая принципы, установленные Организацией Объединенных Наций. Китай также участвует в международных миротворческих операциях под эгидой ООН, таких как: миссии в Южном Судане и Ливии.

Активное участие Китая в миротворческих операциях на африканском континенте продиктовано не только альтруистическими побуждениями, хотя и оказание гуманитарной помощи, приведение сторон к переговорам, демократизация режимов в африканских странах, - всё это представляет собой неотъемлемую часть деятельности всего миротворческого контингента, в том числе и китайского, но также это является и желанием Пекина побороться с США за влияние на Африканском континенте. Кроме того, прослеживается тенденция к увеличению китайского контингента миротворцев в регионах с большой долей китайских компаний на рынке, а также в стратегически важных с экономической точки зрения для Пекина территориях. Развитие добрососедских отношений со странами, в которых еще недавно проводилась миротворческая миссия, - довольно частая практика, поскольку ослабленная войной или гражданским конфликтом страна активно ищет новых партнеров, готовых вливать в ее экономику деньги и ресурсы на восстановление, развивать промышленность и добычу полезных ископаемых, благодаря которым повышается доход местного населения и, как следствие, поступления в бюджет государства.

Китай является одним из крупнейших инвесторов в Африку, и его экономическое присутствие в регионе заметно усилилось в последние годы. Некоторые критики считают, что Китай использует инвестиции и миротворческие операции в Африке для продвижения своих экономических интересов и укрепления влияния в регионе, что может рассматриваться как проявление политики неокOLONиализма [\[26\]](#).

С одной стороны, понятна озабоченность исследователей тем, что Китай может использовать свои инвестиции и миротворческие операции в Африке для продвижения собственных экономических интересов и укрепления своего влияния в регионе. С другой стороны, нельзя отрицать и положительную роль от присутствия Китая в Африке, которое может содействовать установлению мира и стабильности в регионе, а также способствовать экономическому развитию и сокращению уровня бедности на континенте.

Сторонники участия Китая в миротворческих операциях в Африке указывают на то, что, помимо участия в международных миротворческих операциях, Китай также финансово поддерживает африканские страны с недостаточным уровнем развития. Финансирование возможно как напрямую, через займы под низкий процент либо на безвозмездной основе, так и через участие в китайских инициативах. Так, например, Африке будет выделено более 120 млрд долларов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative), которая направлена на расширение экономических связей между Китаем и африканскими странами. Эти инвестиции включают финансирование проектов в области энергетики [\[27\]](#), транспорта, инфраструктуры и других областей.

Кроме того, Китай принимает активное участие в вопросах по решению конфликтов и поддержанию мира в Африке. Например, Китай внес значительный вклад в разрешение конфликта в Дарфуре и активно участвует в миротворческой миссии ООН в Южном Судане и других регионах Африки.

Анализируя подход миротворческой деятельности Китая как проявление неоколониалистической политики, отметим, что такая точка зрения является одной из наиболее распространенных [\[28\]](#). Сценарий миротворческой деятельности Китая: организация и участие в миротворческой миссии, оказание гуманитарной помощи, экономическая помощь на восстановление и получение преференциальных условий для китайских компаний является хоть и непрямым актом давления на одну из сторон недавнего конфликта, однако неким сценарием развития лояльности у руководства страны, оказавшейся в сложной политической и экономической ситуации. Такой сценарий, с небольшими ответвлениями, мы можем наблюдать в демократической республике Конго, в ЦАР и Южном Судане, что косвенно подтверждает тезис о том, что политика КНР на африканском континенте обладает признаками политики неоколониализма, что, тем не менее, категорически отрицается официальным Пекином.

При этом не каждое участие Китая в миротворческих миссиях обладает признаками сугубо экономического интереса. Вопрос престижа, как одного из наиболее крупных и сильных игроков мировой арены, является для руководства КНР не менее значимым фактором.

Миротворчество в целом является сложным и многокомпонентным процессом, целью которого является не только установление мира в отдельно взятой стране, но и обеспечение нормального функционирования всех сфер общества, включая социальную и политическую, но не ограничиваясь ими. Миротворчество может быть реализовано как индивидуальными странами по официальному приглашению конфликтующих сторон, так и группой стран, объединенных в одну или несколько наднациональных организаций. Специфика миротворческой деятельности не подразумевает получения непосредственной материальной прибыли и часто сопряжена с деятельностью в наиболее трудных регионах, к которым относится и африканский континент. Большое количество региональных конфликтов, вкупе с низкой грамотностью населения и богатыми природными ресурсами, провоцируют множество локальных и трансграничных

конфликтов и войн, урегулирование которых часто ложиться на плечи мирового сообщества. Говоря об особенностях функционирования миротворческих миссий ООН на африканском континенте, отметим высокую заинтересованность крупных мировых держав, поскольку решение проблем в Африке - это не только снижение потоков беженцев и стабилизация положения в сопредельных международных водах, но и потенциальный доступ к инвестированию в добычу природных ископаемых, а также дешевый, но качественный, экономически мотивированный человеческий капитал [\[29\]](#), промышленные возможности и неограниченные пространства для аутсорса. Низкий уровень развития законодательства позволяет выпускать в Африке значительную часть товаров и услуг, чье производство было признано небезопасным в развитых странах глобального севера, а также обеспечить бесперебойное снабжение редкими ресурсами. Стабильность на африканском континенте нужна многим государствам, в том числе и Китаю, который видит в Африке нескончаемый потенциал для экономической и политической экспансии. Цели КНР соответствуют ее экономическим интересам и, хотя вопрос престижа является важным, но экономические бенефиции от участия в миротворческих операциях перевешивают любые идейные мотивы. Данный тезис не утверждает, что КПК реализует миротворческую деятельность с целью реализации политики неокOLONиализма, однако экономическая составляющая присутствует в каждой миротворческой операции, проводимой с привлечением значительного китайского контингента.

Говоря о миротворческих операциях, стоит упомянуть миротворческую миссию ООН в Судане, где участие Китая является значительным.

Конфликт в Судане

Судан является одной из стран, где происходят насильственные конфликты, которые привели к гуманитарным кризисам и потере многих жизней. В конфликтах в Судане участвовали государственные войска, местные боевые группы, повстанцы и другие вооруженные группировки.

Конфликт в Судане, который продолжался с 2004 по 2022 гг., имел множество причин: политические, этнические, экономические и религиозные и ряд других:

1. Расовые и этнические разногласия: противостояние между арабами и чернокожим населением длилось десятилетиями в Судане и было одной из главных причин конфликта в период с 2003 по 2020 годы в провинции Дарфур в западной части Судана [\[30\]](#).
2. Религиозные разногласия: Судан является преимущественно мусульманской страной, и религиозные разногласия также играли роль в конфликте. В некоторых случаях конфликт был связан с противостоянием между различными суннитскими группами, а в других случаях — с противостоянием между мусульманами и христианами [\[31\]](#).
3. Ресурсы: Судан богат ресурсами, включая нефть, газ, золото и другие драгоценные металлы. Контроль над этими ресурсами стал причиной многих конфликтов в Судане. В частности, в конфликте в провинции Дарфур участвовали группы, желающие контролировать золотые и нефтяные месторождения [\[32\]](#).
4. Политические разногласия: в Судане было несколько переворотов и изменений в политической системе в период с 2003 по 2020 годы. Некоторые из конфликтов были связаны с борьбой за власть и контроль над государственными ресурсами. В 2019 году был свержен диктаторский режим Омара аль-Башира, который удерживал власть в

стране более 30 лет, но после этого начались новые конфликты и протесты [\[33\]](#).

5. Климатические изменения: в Судане климатические изменения привели к засухам и снижению урожайности сельскохозяйственных угодий. Это привело к искажению экономических и социальных отношений, ухудшению условий жизни населения, увеличению миграции и конфликтов за доступ к ресурсам.

6. Влияние внешних сил: некоторые эксперты считают, что конфликт в Судане был усугублен влиянием внешних сил. Например, некоторые соседние с Суданом страны, такие как Чад и Ливия, предоставляли поддержку различным группам в конфликте. Кроме того, ряд иностранных компаний и государств мог играть роль в конфликте, стремясь получить выгоды от контроля над ресурсами Судана [\[34\]](#).

Конфликт привел к огромным человеческим потерям, беженцам, разрушению инфраструктуры и экономики страны, а также к ухудшению условий жизни населения. В 2019 году было подписано мирное соглашение между правительством и вооруженными группами, но продолжались локальные конфликты и столкновения. Сейчас в Судане происходят большие изменения в политической жизни страны, связанные с переходом к демократическому устройству, но этот процесс также сопровождается напряженностью и насилием.

В этой сложной ситуации Организация Объединенных Наций отправила миротворческую миссию в Судан в 2004 году, которая получила название «Миссия Организации Объединенных Наций в Судане» (UNMIS). Главными задачами миссии было: помочь в урегулировании конфликтов и нормализовать политическую ситуацию в Судане. В декабре 2024 года НОАК произвела 15-ю по счету ротацию китайских миротворцев в Судане. Задачи новоприбывших остаются прежними: поддержание мира, патрулирование, разведка, транспортировка личного состава, доставка материальных средств, спасательные операции и оказание медицинской помощи.

Участие Китая в миротворческой миссии в Судане привело к ожидаемым последствиям, главным из которых явилось увеличение влияния КНР в регионе. Оно выражается не только в благодарности китайским миротворцам за помощь в урегулировании конфликта, но и в последующих преференциях для китайских компаний в развитии и интеграции в экономику Судана.

Китайские компании инвестировали более 15 млрд долларов в нефтяную и газовую промышленность Судана, а также в другие отрасли экономики. Кроме того, Китай является постоянным членом Совета Безопасности ООН и может оказывать влияние на процесс урегулирования конфликта в Судане через свой голос в Совете Безопасности.

Китайские компании, такие как: China National Petroleum Corporation (CNPC), были одними из крупнейших инвесторов в нефтяную и газовую промышленность Судана до того, как многие западные компании прекратили свою деятельность в связи с конфликтом в Дарфуре. Китайские компании также инвестировали в строительство дорог, мостов, железнодорожных линий и других инфраструктурных проектов в Судане [\[35\]](#).

До ухудшения обстановки в стране Китай получал до 6% нефти из Судана и его мятежных территорий, однако после обострения конфликта в 2023 году Китай стал импортировать менее 1% суданской нефти. В связи с чем, Китай имеет значительный экономический интерес в стабилизации политической ситуации и безопасности в Судане, что может стать фактором в урегулировании конфликта. Китайские компании и правительство могут использовать свое экономическое влияние и связи с

правительством Судана для участия в миротворческих усилиях и поддержки мирного процесса.

Кроме того, Китай играет важную роль в качестве посредника в переговорах между правительством и группами вооруженной оппозиции в Судане. Китай имеет долгосрочные дипломатические отношения с Суданом и имеет возможность использовать свой опыт в урегулировании конфликтов, например, в Конго и Сомали, чтобы помочь в разрешении конфликта в Судане.

Однако несмотря на то, что Китай может играть значительную роль в урегулировании конфликта в Судане, у него есть и свои интересы, и ограничения. Китай предпочитает не вмешиваться во внутренние дела других стран, что согласуется с его концепцией безопасности и внешней политики, и сохранять хорошие отношения с правительством Судана, не обращая внимания на нарушения прав человека или другие проблемы, связанные с конфликтом.

Китай эффективно участвует в урегулировании конфликта в Судане через свои экономические и политические связи с Суданом, свое влияние в Совете Безопасности ООН и опыт в урегулировании конфликтов. Однако, у Китая есть свои интересы и ограничения, и мирное урегулирование конфликта в Судане потребует совместных усилий не только Китая, но и других мировых держав и региональных организаций.

Миротворческая миссия Китая в Судане оказала значительное влияние на развитие двусторонних отношений между этими странами [\[36\]](#). В целом можно сделать следующие выводы:

1. Укрепление политических связей: миротворческая миссия Китая продемонстрировала растущую глобальную роль страны и её желание участвовать в решении международных проблем. Это позволило укрепить политические связи между Китаем и Суданом, обеспечивая прочную основу для дальнейшего сотрудничества.
2. Экономическое сотрудничество: в ходе миротворческой миссии Китай активно инвестировал в экономику Судана, включая развитие инфраструктуры и сектора природных ресурсов. Это способствовало стабилизации экономической ситуации в стране и росту двусторонней торговли.
3. Гуманитарная помощь: Китай предоставил значительную гуманитарную помощь Судану, включая продовольствие, медицинское снабжение и образовательные программы. Это помогло улучшить жизненный уровень населения и смягчить последствия долгосрочного конфликта.
4. Военное сотрудничество: в рамках миротворческой миссии китайские военные сотрудничали с суданскими властями для обеспечения безопасности и стабильности в регионе. Это сотрудничество способствовало укреплению военных связей между двумя странами и улучшению общей обстановки в Судане. Результатом чего стало желание Судана закупить в Китае истребители Цзянь-10CE и системы ПВО.
5. Содействие международному миротворчеству: участие Китая в миротворческой миссии в Судане подчеркнуло его роль в процессе урегулирования конфликтов и укрепления международной безопасности. Это позволило Китаю и Судану совместно работать над миротворческими инициативами на глобальном уровне.

Неразрешенные проблемы и перспективы

Экономическая устойчивость сотрудничества: существует серьезная обеспокоенность тем, что масштабные китайские инвестиции и кредитная политика могут привести к повторению сценариев долговой зависимости, уже проявившихся в Замбии (где внешний долг Китаю превысил 6 млрд долларов США) и Кении (с ее спорными инфраструктурными проектами). Этот вопрос требует тщательного анализа условий кредитования и их долгосрочных последствий.

Дилемма внешней политики КНР: ключевым вопросом остается способность Китая поддерживать хрупкий баланс между: глобальными амбициями по расширению влияния - декларируемым принципом невмешательства во внутренние дела - растущими ожиданиями международного сообщества в отношении ответственности Китая как мировой державы. Особую актуальность этот вопрос приобретает в контексте участия КНР в гибридных формах миротворчества, сочетающих официальные миссии ООН с деятельностью частных военных компаний и реализацией экономических проектов.

Заключение

Участие Китая в миротворческих операциях в Африке, особенно в Судане, демонстрирует сложный симбиоз гуманитарных целей и экономико-политических интересов. С одной стороны, Пекин вносит значительный вклад в стабилизацию региона, предоставляя ресурсы, инфраструктурные проекты и дипломатическую поддержку. С другой стороны, его действия часто интерпретируются как часть стратегии «мягкой силы», направленной на расширение влияния и контроль над критически важными ресурсами.

Экономический прагматизм: миротворчество Китая тесно связано с защитой инвестиций (нефть, ресурс, инфраструктура) и продвижением инициативы «Один пояс, один путь». Суданский кейс подтверждает эту закономерность.

Дипломатический имидж: участие в миссиях ООН помогает КНР позиционировать себя на международной арене в качестве «ответственной державы», однако непрерывная критика из-за нарушений прав человека и экологических стандартов со стороны стран Запада не позволяет Китаю в полной мере убедить африканских партнеров, имеющих небольшой опыт взаимодействия с Китаем, в своей благонадежности.

Конкуренция с Западом: Китай избегает прямого вмешательства во внутренние дела других государств, делая ставку на экономические рычаги влияния. Это формирует более благоприятный дипломатический и инвестиционный климат, а также делает КНР более приоритетным партнером в глазах африканских лидеров по сравнению с США и ЕС.

Таким образом, миротворчество Китая в Африке остается многогранным инструментом, где гуманитарные задачи переплетаются с геоэкономической стратегией. Для объективной оценки необходимо учитывать при анализе как краткосрочные выгоды для региона, так и долгосрочные риски новой зависимости.

Библиография

1. Дейч Т.Л. Китай "завоевывает" Африку. М.: Институт Африки РАН, 2014.
2. Ли З. Китай и Африка: новые возможности для сотрудничества в области торговли и инвестиций // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 6. С. 122-129.
3. Barton B., Hwang J. China's peacekeeping in Africa: a comparative analysis // Journal of Contemporary China. 2019. Vol. 28. No. 117. Pp. 136-153.
4. Лю М. Китайско-африканское сотрудничество в области экологии и охраны окружающей среды: проблемы и возможности // Вестник Московского университета.

- Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. № 4. С. 132-142.
5. Цзиньпин Си. Китай и Африка: друзья вечные // Международная жизнь. 2019. № 6. С. 94-97.
6. Hodzi O. China's peacekeeping in Africa and the implications for Africa's security governance // Journal of Contemporary African Studies. 2020. Vol. 38. No. 1. Pp. 1-17.
7. Benabdallah L. China and the African Union: from rhetoric to pragmatism in peace and security cooperation // Journal of African Policy Studies. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 171-188.
8. Weber A. China's peace and security engagement in Africa: the implications of non-interference for conflict prevention // Journal of Peacebuilding & Development. 2019. Vol. 14. No. 1. Pp. 1-14.
9. Гао Л. Китай и Африка: перспективы развития экономического сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 11. С. 111-119.
10. Ли З. Китай и Африка: новые возможности для сотрудничества в области торговли и инвестиций // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 6. С. 122-129.
11. Лю Ц. Развитие китайско-африканских отношений в контексте инициативы "Один пояс, один путь" // Проблемы Африки и Ближнего Востока. 2019. № 1. С. 25-33.
12. Zhang Chun. China's participation in UN peacekeeping operations: motives, methods and implications // African Security Review. 2016. Vol. 25. No. 4. Pp. 453-466.
13. Jie Yang. China's peacekeeping in Africa: motivations and implications // Journal of Chinese Political Science. 2016. Vol. 21. No. 3. Pp. 285-303.
14. Yunnan Chen. China's peacekeeping in Africa: a Chinese perspective // Journal of Asian Security and International Affairs. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 55-72.
15. Косухин Н.Д. Этнополитические конфликты в Африке: истоки и типология. Часть I // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2011. № 1. С. 48-58. EDN: NDLIZT.
16. Вычугжанина А.А. Кризис миротворчества ООН. (Морозов Г.И. "ООН на рубеже XXI века (кризис миротворчества ООН)". Доклады Института Европы № 55. Москва, 1999. 96 с.) // Московский журнал международного права. 2000. № 2. С. 369-372. DOI: 10.24833/0869-0049-2000-2-369-372 EDN: SSPCDW.
17. Mehler A., Melber H. China's peacekeeping in Africa: a challenge to traditional conflict management strategies? // Conflict, Security & Development. 2016. Vol. 16. No. 1. Pp. 1-23.
18. Benabdallah L. China's peacekeeping in Africa: towards a new model of peacebuilding and conflict resolution? // Conflict, Security & Development. 2020. Vol. 20. No. 3. Pp. 233-253.
19. Хуан Х. Китайская политика в Африке: история, настоящее и будущее // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 2. С. 103-112.
20. Митько А. В., Сидоров В. К. Китай в современном мире: основные парадигмы внешней политики // Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет - 25 лет развития. М.: Издательский дом "УМЦ", 2024. С. 127-132. EDN: CHTTPC.
21. Wu W. China's Role in the UN Peacekeeping Operations in Africa // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 28. Pp. 146-153. DOI: 10.54097/yh8ajg15 EDN: NOBNKY.
22. Large D., Gebreselassie T. China and peacekeeping in Africa: an analysis of the PLA's involvement in UNAMID // Journal of Contemporary China. 2013. Vol. 22. No. 83. Pp. 100-119.
23. Дейч Т., Кулькова О. Проблемы мира и безопасности в сотрудничестве Китая со странами Африки // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 123-147. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-123-147 EDN: WFECVA.
24. Лю Ц. Развитие китайско-африканских отношений в контексте инициативы "Один

- пояс, один путь" // Проблемы Африки и Ближнего Востока. 2019. № 1. С. 25-33.
25. Alao A. China's peacekeeping in Africa: a case of strategic opportunism? // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. No. 105. Pp. 34-49.
26. Rapanyane M.B. Neocolonialism and New imperialism: Unpacking the Real Story of China's Africa Engagement in Angola, Kenya, and Zambia // Journal of African Foreign Affairs. 2021. Vol. 8. No. 3. Pp. 89-112. DOI: 10.31920/2056-5658/2021/v8n3a5 EDN: ENVTEH.
27. Ян Ч. Китай и Африка: сотрудничество в области энергетики // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 7. С. 83-94.
28. Yaqing Qin. China's peacekeeping in Africa: a new strategy for a rising power // Journal of Contemporary China. 2013. Vol. 22. No. 81. Pp. 828-845.
29. Гао Л. Китай и Африка: перспективы развития экономического сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 11. С. 111-119.
30. Bo Li. China's peacekeeping in Africa: a case study of the Darfur conflict // Journal of Contemporary China. 2014. Vol. 2. No. 87. Pp. 1015-1030.
31. Мохамед А. А. И. Конфликты в Судане и их последствия // Власть. 2024. Т. 32. № 4. С. 285-290. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-4-285-290 EDN: KEDJMU.
32. Amon R.S. Understanding Sudan Conflict and Its Political Economy Implications in Southern Sudan // International Journal of Scientific Research in Multidisciplinary Studies. 2019. Vol. 5. No. 2. Pp. 9-17.
33. Wilén N. Contagious Coups In Africa? History Of Civil-military imbalance. URL: <https://www.egmontinstitute.be/contagious-coups-in-africa-history-of-civil-military-imbalance>.
34. Джерри Р.Т.Д. Внешние факторы как причины неэффективности урегулирования конфликта в Дарфуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015. № 3. С. 49-57. EDN: ULXYBF.
35. Лю Ц. Китайско-африканское сотрудничество в области инфраструктуры: проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9. С. 121-129.
36. Yun Sun. China's peacekeeping in Africa: a perspective from South Sudan // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. No. 106. Pp. 594-608.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступает миротворчество Китая на Африканском континенте.

Методология исследования базируется на системно-структурном подходе к изучению миротворческой деятельности КНР в Африке, использовании методов анализа конкретных миротворческих операций с участием КНР, а также интерпретационного анализа статистических и политико-правовых документов в сфере политического регулирования миротворческой деятельности.

Актуальность работы авторы связывают с возрастающим интересом многих стран к Африканскому континенту, а также с тем, что стабильное экономическое и политическое сотрудничество стран с Африкой невозможно без полного урегулирования конфликтов в регионе, и миротворческая деятельность Китая в Африке может значительно повлиять на динамику политических и экономических процессов на континенте.

Научная новизна работы, по мнению рецензента, состоит в выводах о том, что участие Китая в миротворческих операциях в Африке, особенно в Судане, выражает сложный

симбиоз гуманитарных целей и экономико-политических интересов.

Структурно в статье выделены следующие разделы: Введение, Миротворчество в Африке, Конфликт в Судане, Заключение, Неразрешенные проблемы и перспективы, Библиография.

В публикации отмечено, что Африка является одним из самых нестабильных регионов мира, рассмотрены особенности социального строя отдельных стран континента и другие важные факторы нестабильности в Африке. К особенностям миротворчества в Африке отнесены: широкий спектр задач; наличие непрекращающихся конфликтов; большие территории и удаленность; низкий уровень развития государств; культурные различия и ксенофобия; риск эпидемиологических заболеваний; ограниченная доступность техники и средств организации миссий. В публикации освещены основные цели Китая в миротворчестве в Африке; сказано, что участие Китая в миротворческих операциях в Африке является частью его широкой стратегии в регионе и направлено на защиту экономических интересов КНР. Соответственно участие Китая в миротворческой миссии в Судане привело к усилению влияния КНР в регионе, в предпочтениях для китайских компаний в развитии и интеграции в экономику Судана.

Библиографический список включает 37 источников – публикации по рассматриваемой теме на русском и иностранном языках в российских и зарубежных научных журналах. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний стоит отметить, что некоторые фразы, использованные авторами при описании методологического аппарата исследования, нуждаются в редактировании. Например, сказано: «Методологической основой исследования является системно-структурный подход, в основе которого лежит изучение миротворческой деятельности КНР» – в действительности же в основе этого подхода лежат понятия «система» (совокупность элементов, действующих как единое целое) и «структура» (способ взаимодействия элементов, определяемый картиной их взаимосвязей), а не изучение миротворческой деятельности Китая. Также не понятна фраза: «Для достижения задач были использованы методы...» – задача представляет собой нерешенную проблему, и слово «достижение» здесь неуместно. Кроме этого, из списка литературы в соответствии с принятыми редакцией правилами надо исключить источник под номером 35, представляющий собой выпускную бакалаврскую работу, ее библиографическое описание следует привести в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов.

Тема статьи актуальна, представленный на рецензирование материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы приращения научного знания, соответствует тематике журнала «Мировая политика», может вызвать интерес у читателей, но нуждается в некоторой доработке в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает миротворческая деятельность Китая в Африке как способ повышения авторитета и укрепления влияния КНР в данном регионе. В качестве кейса для исследования выбран конфликт в Судане. Учитывая известную нестабильность правительств многих государств Африки, демографическую, этническую, языковую и т.д. сложность её населения, что имеет высокий

конфликтогенный потенциал, с одной стороны, а также заинтересованность Китая в ресурсах Африки, с другой стороны, научную актуальность и практическую значимость выбранной авторами темы для исследования можно признать весьма высокими. Методология исследования, согласно декларациям самих авторов, базируется на системно-структурном подходе. На этой основе применялись методы «анализа операций» (ивент-анализ? – рец.) и «интерпретационный анализ» (то есть, анализ вторичных статистических данных, а также контент-анализ официальных документов). По непонятным причинам не упомянут (хотя явно использовался в процессе исследования) институциональный метод. Несмотря на ошибки в описании методов, применяли их авторы вполне корректно. Рецензент за многие месяцы впервые встретил реальное применение системного подхода, а не только его декларирование во введении. Применение других из перечисленных методов также не вызывают особых нареканий. Это позволило авторам получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт о выявленных и проанализированных причинах и факторах вовлечённости Китая в процессы урегулирования конфликтов в Африке: экономическом прагматизме правительства КНР, его заботе о дипломатическом имидже страны, конкуренции Китая с западными странами и т. д. Определённый научный интерес также представляют выводы авторов о существующих проблемах, с которыми сталкиваются миротворческие миссии КНР в Африке, а также о перспективах этой стороны внешней политики Китая. В структурном плане рецензируемая работа производит нейтральное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где формулируется научная проблема, обосновывается её актуальность, формулируются цель и задачи исследования, его объект и предмет, а также проводится теоретико-методологическая рефлексия; - «Миротворчество в Африке», где исследуется конфликтогенный потенциал социальных, экономических, политических и др. проблем Африки, специфики миротворческих миссий в данном регионе вообще, и Китая, в частности; - «Конфликт в Судане», где анализируется конкретный кейс миротворчества Китая в одной из африканских стран, а также положительные последствия этого миротворчества; - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования и делаются выводы; - зачем-то выделен ещё один раздел, который можно было объединить с «Заключением» – «Неразрешённые проблемы и перспективы», где, как следует из названия, отдельно анализируются проблемы и перспективы миротворческой деятельности Китая в Африке. Стиль рецензируемой статьи, в целом, научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, стилистически некорректно уже название статьи, в котором «нанизаны» друг на друга предлоги «на»: «Миротворчество КНР в Африке как фундамент укрепления влияния Пекина НА континенте НА примере конфликта Судане»; проблематично с точки зрения стиля также выражение «на взгляд авторов исследования»; или повторы слов вроде «... вмешательства во внутренние дела..., делая ставку на..., что делает его»; стилистически неудачным является также выражение «а также в регионах центрального экономического интереса для Пекина» и некоторые др.; стилистически некорректно также не указывать названия рисунков) и грамматических (например, пропущенная запятая перед союзом «как» в предложении «...Является приоритетом для таких стран и групп стран как Россия...»; ещё пример пропущенной запятой: «...Когда люди... представителей других групп воспринимают враждебно что приводит к этническим столкновениям...»; ещё пример отсутствия запятой (после деепричастного оборота): «Действуя под эгидой ООН Китай...»; или неверное (слитное) написание фразеологизма «в то же время»; или очень грубая ошибка в слове «приведение» в предложении «... Привидение сторон к переговорам...»; и др.) ошибок, но в целом он написан более или

менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 36 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части статьи при проведении теоретико-методологической рефлексии исследования. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести весьма актуальную тему, выбранную авторами для исследования, а также значительный объем эмпирического материала, привлеченный для анализа. Отдельно следует отметить использование иллюстративного материала (двух рисунков), существенно упрощающих восприятие авторской аргументации.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты будут интересны для политологов, политических социологов, конфликтологов, синологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации ПОСЛЕ устранения высказанных замечаний (особенно, стилистической погрешности в заголовке статьи!).

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья представляет собой глубокое и всестороннее исследование миротворческой деятельности Китая в Африке с фокусом на конфликт в Судане — одном из наиболее сложных и многогранных региональных кризисов современности. Автор демонстрирует высокий уровень владения темой, умело сочетая теоретический анализ и эмпирические данные, что позволяет всесторонне раскрыть мотивы, методы и последствия участия КНР в миротворческих операциях под эгидой ООН.

В методологическом отношении особенно стоит отметить системно-структурный подход, который применяется для анализа миротворческих миссий Китая как сложной социально-политической системы. Такой методологический инструментарий позволяет не только выделить ключевые элементы и взаимосвязи в деятельности КНР, но и оценить их влияние на региональную безопасность и международные отношения.

Автор удачно интегрирует широкий спектр источников, включая российские и зарубежные исследования, что повышает научную достоверность и объективность работы. Внимание к конкретному кейсу Судана обогащает исследование практическими примерами, демонстрирующими, как миротворческая активность Китая сочетается с экономическими интересами, дипломатическими инициативами и военным сотрудничеством.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что рассмотрение влияния деятельности других международных игроков на ситуацию в регионе позволило бы привнести более комплексный взгляд на изучаемую проблему. Несколько странным выглядит анализ миротворческой деятельности Китая в отрыве от глобального контекста - сравнительное исследование позволило бы описать наиболее удачные международные практики в данном направлении.

Тем не менее, статья также заслуживает высокую оценку за сбалансированность и последовательную и логичную структуру — автор не ограничивается односторонней

критикой или восхвалением, а рассматривает как позитивные аспекты участия КНР в миротворчестве (поддержка стабильности, гуманитарная помощь, укрепление международного имиджа), так и существующие вызовы и ограничения (вопросы суверенитета, критика со стороны международного сообщества, риски долговой зависимости).

Имеются тематические подзаголовки, которые позволяют легко ориентироваться в материале, а также визуализация данных. Отдельно отмечается качественный анализ динамики конфликта в Судане, что позволяет читателю понять сложность регионального контекста и роль Китая как важного внешнего актора. Приведение статистических данных, графиков и конкретных примеров инвестиционной и военной активности делает работу информативной и убедительной.

В целом, статья вносит значительный вклад в изучение современной миротворческой политики Китая и ее влияния на Африканский континент. Она будет полезна как специалистам в области международных отношений, политологии и безопасности, так и широкому кругу читателей, интересующихся геополитикой и международным сотрудничеством.

Исходя из вышеизложенного, статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Мировая политика», поскольку она соответствует высоким стандартам научного исследования и выполнена на актуальную тематику.

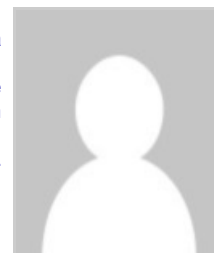
Англоязычные метаданные

The trend towards nationalization of the lithium industry as a threat to Chinese companies operating in Argentina and Chile**Burakova Uliana Sergeevna**

Student; Faculty of Social Sciences and Mass Communications; Financial University under the Government of the Russian Federation

49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167.

✉ BurakovaU03@gmail.com

Krechetov Arsenij Vasilyevich

Student; Faculty of Social Sciences and Mass Communications; Financial University under the Government of the Russian Federation

Verkhneye Otradnoe str., 1, Odintsovo, Moscow region, 143009, Russia

✉ krvasily2003@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to studying the impact of the trend toward nationalization of the lithium industry in Argentina and Chile on the activities of Chinese companies amid the global surge in demand for lithium, driven by the development of the electric vehicle industry and renewable energy sources. The subject of the study lies in analyzing the operations of Chinese mining and industrial enterprises in Argentina and Chile under the intensifying trend of lithium industry nationalization. Particular attention is paid to the influence of this process on China's access to lithium resources within the context of global geopolitical competition. The research covers risks associated with the redistribution of control over lithium projects and the potential for economic pressure from the PRC on the «lithium triangle» countries. Additionally, the subject includes an assessment of the adaptation of China's strategy under nationalization conditions and its implications for China's position in the global lithium market, considering contemporary economic and political factors, including the weakening influence of the US and the rising demand for lithium. The objective of the work is to evaluate the risks of reduced access to lithium resources for China, the potential for economic pressure by the PRC on Argentina and Chile, and the prospects for adapting China's strategy in the «lithium triangle». The methodology encompasses the analysis of secondary data from official sources and media, a comparative analysis of the policies of «lithium triangle» countries, case studies of the 2023 nationalization plans and Chinese company activities, and a qualitative assessment of geopolitical factors. The novelty of the work lies in its comprehensive evaluation of the impact of the 2023 nationalization plans in Argentina and Chile on Chinese companies, taking into account modern economic and geopolitical factors, thus making a significant contribution to studies of resource nationalism in the «lithium triangle». This research emphasizes current policy changes in the region, analyzing their consequences for China as a key player in the lithium market. It uniquely integrates the analysis of the 2023 nationalization plans with an assessment of Argentina and Chile's economic dependence on the PRC, alongside the weakening US position, offering new perspectives on the adaptation of China's strategy amid intensifying geopolitical competition and growing global lithium demand. The research findings demonstrate that nationalization could shift control over lithium projects to local authorities, forcing China to seek alternative supply chains; however, Argentina and Chile's reliance on Chinese investments and export markets provides the PRC with room for maneuver, particularly as US influence in the region weakens.

Keywords: resource nationalism, chinese investments, nationalization, geopolitical competition, lithium, Lithium triangle, USA, Latin America, China, renewable energy sources

References (transliterated)

1. S&P Global Commodity Insights Launches First-of-Type Daily US Lithium Carbonate Price Assessments [Elektronnyi resurs] // S&P. URL: <https://press.spglobal.com/2024-02-05-S-P-Global-Commodity-Insights-Launches-First-of-Type-Daily-US-Lithium-Carbonate-Price-Assessments> (data obrashcheniya: 20.10.2024).
2. Istratova K. Litii v Rossii: kak budet razvivat'sya rynek? // Dobyvayushchaya promyshlennost'. 2024. № 2. S. 98-100.
3. Elektromobili (mirovoy rynek) [Elektronnyi resurs] // TADVISER. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D1%8B_\(%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D1%8B_(%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA)) (data obrashcheniya: 20.10.2024).
4. Visualized: Renewable Energy Capacity Through Time (2000-2023) [Elektronnyi resurs] // Visual Capitalist. URL: <https://www.visualcapitalist.com/sp/visualized-renewable-energy-capacity-through-time-2000-2023/> (data obrashcheniya: 20.10.2024).
5. Investing in Lithium in Bolivia [Elektronnyi resurs] // Dentons. URL: <https://www.dentons.com/en/insights/articles/2023/november/28/investing-in-lithium-in-bolivia#footnote6> (data obrashcheniya: 20.10.2024).
6. Razmennaya moneta: bor'ba za litii menyaet vlast' v Bolivii [Elektronnyi resurs] // Repost. URL: <https://repost.press/news/razmennaya-moneta-borba-za-litij-menyaet-vlast-v-bolivii> (data obrashcheniya: 20.10.2024).
7. Ofitsial'nyi veb-sait YLB. [Sait]. URL: <https://www.ylb.gob.bo/acerca> (data obrashcheniya: 10.09.2024).
8. Mineral Commodity Summaries 2024 [Elektronnyi resurs] // USGS. URL: <https://pubs.usgs.gov/publication/mcs2024> (data obrashcheniya: 10.09.2024).
9. Who controls Argentina's lithium? [Elektronnyi resurs] // Dialogue.Earth. 9 aprelya 2024 g. URL: <https://dialogue.earth/en/business/392580-who-controls-argentinas-lithium/> (data obrashcheniya: 10.09.2024).
10. Ofitsial'nyi veb-sait Ganfeng lithium. [Sait]. URL: https://www.ganfenglithium.com/about1_en.html (data obrashcheniya 10.09.2024).
11. Argentina says Chinese miner latest to bet big on lithium riches [Elektronnyi resurs] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/argentina-lithium/argentina-says-chinese-miner-to-invest-1-7-billion-in-lithium-projects-idUSKBN2XM1SU/> (data obrashcheniya: 10.09.2024).
12. Tibet Summit Resources Officially Starts Construction of a Lithium Carbonate Project with Capacity of 50,000 mt/year in Argentina [Elektronnyi resurs] // News.metal. URL: <https://news.metal.com/newscontent/101759139/tibet-summit-resources-officially-starts-construction-of-a-lithium-carbonate-project-with-capacity-of-50000-mtyear-in-argentina4> (data obrashcheniya: 10.09.2024).
13. Tianqi buys stake in lithium miner SQM from Nutrien for \$4.1 billion [Elektronnyi resurs] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-chile-tianqi-lithium/tianqi-buys-stake-in-lithium-miner-sqm-from-nutrien-for-4-1-billion-idUSKBN1O217F/> (data

- obrashcheniya: 10.09.2024).
14. EY zhdet rosta mirovogo rynka elektromobilei v 2024 g. na 22% [Elektronnyi resurs] // Interfaks. URL: <https://www.interfax.ru/business/982967> (data obrashcheniya 10.09.2024).
 15. Chili: litii - gosudarstvu [Elektronnyi resurs] // Infotek. URL: <https://itek.ru/analytics/chili-litij-gosudarstvu/?ysclid=m2oaol68zh643464758> (data obrashcheniya: 10.09.2024).
 16. La absurda nacionalización del litio chileno [Elektronnyi resurs] // Elconfidencial. URL: https://blogs.elconfidencial.com/economia/laissez-faire/2023-04-24/absurda-nacionalizacion-del-litio-chileno_3616602 (data obrashcheniya: 15.09.2024).
 17. Marcela Hernando: Estrategia nacional del litio de Chile "no es una nacionalización" [Elektronnyi resurs] // Bloomberg linea. URL: <https://www.bloomberglinea.com/latinoamerica/chile/marcela-hernando-estrategia-nacional-del-litio-de-chile-no-es-una-nacionalizacion/> (data obrashcheniya: 15.09.2024).
 18. Prezident Chili anonsiroval natsionalizatsiyu proizvodstva litiya [Elektronnyi resurs] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/488168-prezident-cili-anonsiroval-nacionalizaciya-proizvodstva-litiya?ysclid=m2oatsvws6491634648> (data obrashcheniya: 15.09.2024).
 19. Krupneishii litievyi proizvoditel' Albemarle blizok k pokupke avstraliiskoi Lontown za \$4,3 mlrd [Elektronnyi resurs] // Kommersant". URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6197283?ysclid=m2objysruj772989924> (data obrashcheniya: 15.09.2024).
 20. Litii podderzhal argentinskii eksport [Elektronnyi resurs] // Neft' kapital. URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-03-22/litii-podderzhal-argentinskii-eksport-2882626> (data obrashcheniya: 15.09.2024).
 21. Diputados del Frente de Todos presentaron un proyecto para nacionalizar el litio [Elektronnyi resurs] // Ambito. URL: <https://www.ambito.com/politica/diputados-del-frente-todos-presentaron-un-proyecto-nacionalizar-el-litio-n5713103> (data obrashcheniya: 15.09.2024).
 22. Proyecto de nacionalización del litio en Argentina: en qué consiste, quiénes se oponen y cuáles son sus argumentos [Elektronnyi resurs] // Interferencia. URL: <https://interferencia.cl/articulos/proyecto-de-nacionalizacion-del-litio-en-argentina-en-que-consiste-quienes-se-oponen-y> (data obrashcheniya: 15.09.2024).
 23. Litio: rechazan la nacionalización y comienza a operar el tercer proyecto del país [Elektronnyi resurs] // Ambito. URL: <https://www.ambito.com/energia/litio-rechazan-la-nacionalizacion-y-comienza-operar-el-tercer-proyecto-del-pais-n5717136> (data obrashcheniya: 15.09.2024).
 24. Nacionalización del litio en Chile: cómo impacta en Argentina [Elektronnyi resurs] // Pagina12. URL: <https://www.pagina12.com.ar/543346-nacionalizacion-del-litio-en-chile-como-impacta-en-argentina> (data obrashcheniya: 20.09.2024).
 25. Lithium Argentina Announces Ganfeng Lithium Agrees to Acquire Interest in Pastos Grandes for \$70M [Elektronnyi resurs] // Lithium-Argentina. URL: <https://lithium-argentina.com/investor-relations/investor-news/news-details/2024/Lithium-Argentina-Announces-Ganfeng-Lithium-Agrees-to-Acquire-Interest-in-Pastos-Grandes-for-70M/default.aspx> (data obrashcheniya: 20.09.2024).
 26. Natsionalizatsiya v Bolivii [Elektronnyi resurs] // Geopolitika. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/nacionalizatsiya-v-bolivii?>

- ysclid=m2obmp75qk214275873 (data obrashcheniya: 20.09.2024).
27. Argentina's Top Trading Partners [Elektronnyi resurs] // World's Top Exports. URL: <https://www.worldstopexports.com/argentinas-top-15-import-partners/> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
 28. Argentina | Imports and Exports | [Elektronnyi resurs] // TrendEconomy. URL: <https://trendeconomy.com/data/h2/Argentina/TOTAL> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
 29. Inflyatsiya v Argentine s nachala 2024 goda prevysila 90% [Elektronnyi resurs] // TASS. 19 sentyabrya 2024 g. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21841823> (data obrashcheniya: 21.10.2021).
 30. Rost tsen v Argentine vnov' nachal uskoryat'sya [Elektronnyi resurs] // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2024/09/12/inflyatsiya-v-argentine-vnov-nachala-uskoryatsya/> (data obrashcheniya: 21.10.2021).
 31. Argentina ob'yavlyaet o 50% deval'vatsii svoei valyuty v ramkakh shokovykh ekonomicheskikh mer [Elektronnyi resurs] // FINAM. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/argentina-obyavlyaet-o-50-devalvatsii-svoey-valyuty-v-ramkakh-shokovykh-ekonomicheskikh-mer-20231213-0907/> (data obrashcheniya: 21.10.2021).
 32. China's Growing Influence in Latin America [Elektronnyi resurs] // Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/background/china-influence-latin-america-argentina-brazil-venezuela-security-energy-bri> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
 33. Index of Economic Freedom [Elektronnyi resurs] // Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/all-country-scores> (data obrashcheniya: 21.10.2021).
 34. Kitai potratil \$104 mlrd za pyat' let na kredity dlya spaseniya svoikh dolzhnikov [Elektronnyi resurs] // Vedomosti. 29 marta 2023 g. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/29/968516-kitai-potratil-104-mlrd-na-krediti-dlya-spaseniya-svoih-dolzhnikov> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
 35. Kak ustroena ekonomika Argentiny [Elektronnyi resurs] // FinEx ETF. URL: https://finex.blog/kak_ustroena_ekonomika_argentiny/ (data obrashcheniya: 21.10.2021).
 36. Vsemirnyi Bank [sait]. URL: <https://data.worldbank.org/> (data obrashcheniya: 21.10.2021).
 37. Argentina prosit Kitai polnost'yu profinansirovat' stroitel'stvo AES s reaktorom "Khualun1" [Elektronnyi resurs] // Strana ROSATOM. URL: <https://strana-rosatom.ru/2022/04/08/argentina-prosit-kitaj-polnostju-pro/> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
 38. Feeling The Stones: Chinese Development Finance To Latin America And The Caribbean, 2023 [Elektronnyi resurs] // THE DIALOGUE. URL: <https://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2024/06/Chinese-Development-Finance-in-Latin-America-and-the-Caribbean-2023-Update-Final.pdf> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
 39. Mezhamerikanskii Bank Razvitiya [sait]. URL: <https://www.iadb.org/en/project-search> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
 40. Top 10 PV module suppliers in 2022 shipped 245GW [Elektronnyi resurs] // PVTECH. URL: <https://www.pv-tech.org/top-10-pv-module-suppliers-in-2022-shipped-245gw/> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
 41. Chinese-built solar park launches commercial operations in Argentina [Elektronnyi

- resurs] // XINHUANET. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/28/c_139402962.htm (data obrashcheniya: 21.10.2024).
42. China's Ganfeng Lithium to buy Lithea for \$962m [Elektronnyi resurs] // Mining Weekly. URL: <https://www.miningweekly.com/article/chinas-ganfeng-lithium-to-buy-lithea-for-962m-2022-07-11> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
43. "NEW INFRASTRUCTURE" Emerging Trends in Chinese Foreign Direct Investment in Latin America and the Caribbean [Elektronnyi resurs] // The Dialogue. URL: <https://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2024/01/Emerging-Trends-in-Chinese-Foreign-Direct-Investment-in-LAC.pdf> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
44. Pokupka Kitaem aktsii SQM v Chili vyzvala somneniya otnositel'no perspektiv tsen na litii [Elektronnyi resurs] // LARGE. URL: <https://ru.large.net/news/6pu43mh.html> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
45. Huawei to build second data center in Santiago, Chile [Elektronnyi resurs] // Data Center Dynamics. URL: <https://www.datacenterdynamics.com/en/news/huawei-build-second-data-center-santiago-chile/> (data obrashcheniya: 22.10.2024).
46. Chile: Foreign investment [Elektronnyi resurs] // Santander | Trade Markets. URL: <https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/chile/foreign-investment> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
47. Argentina: Foreign investment [Elektronnyi resurs] // Santander | Trade Markets. URL: <https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/chile/foreign-investment> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
48. Global Miami [Elektronnyi resurs] // Chile/USA Trade and Investment 2024. URL: <https://globalmiamimagazine.com/2024/05/13/chile-usa-trade-and-investment-2024/> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
49. Gosudarstvennyi Departament SShA [sait]. URL: <https://www.state.gov/the-united-states-of-america-and-the-argentine-republic-sign-memorandum-of-understanding-to-strengthen-cooperation-on-critical-minerals/> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
50. Infortal Worldwide Company [sait]. URL: <https://infortal.com/latin-america-open-for-business-argentina-chile-mexico/> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
51. Argentina: Foreign investment [Elektronnyi resurs] // Santander | Trade markets. URL: <https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/argentina/foreign-investment> (data obrashcheniya: 21.10.2024).
52. Chile, US miner Albemarle hold talks on lithium nationalization plan [Elektronnyi resurs] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/chile-us-miner-albemarle-hold-talks-lithium-nationalization-plan-2023-04-25/> (data obrashcheniya: 22.10.2024).
53. Geopolitika litiya [Elektronnyi resurs] // Geopolitika. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/geopolitika-litiya> (data obrashcheniya: 22.10.2024).
54. Australia sees lithium exports matching thermal coal by 2028 [Elektronnyi resurs] // Minnng.com. URL: <https://www.mining.com/web/australia-sees-lithium-exports-matching-thermal-coal-by-2028/> (data obrashcheniya: 22.10.2024).
55. Lithium tug of war: the US-China rivalry for Argentina's white gold [Elektronnyi resurs] // Clean Energy Frontier. URL: <https://cleanenergyfrontier.climatechangenews.com/lithium-tug-of-war-the-us-china-rivalry-for-argentinas-white-gold/> (data obrashcheniya: 20.09.2024).
56. Secretary Antony J. Blinken And Argentine Foreign Minister Diana Mondino At a Joint Press Availability [Elektronnyi resurs] // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-argentine-foreign-minister->

diana-mondino-at-a-joint-press-availability/ (data obrashcheniya: 20.10.2024).
 57. A conversation with General Laura J. Richardson on security across the Americas
 [Elektronnyi resurs] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S2ry5Xl7AhM>
 (data obrashcheniya: 20.10.2024).

Prospects for economic cooperation between China and Afghanistan after the withdrawal of US Troops

Rakhimov Komron Hakimjonovich

PhD in History

Senior Lecturer; Department of Theory and History of International Relations; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ rahimov_k93@mail.ru

Nguyen Tri Dung

Student; Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ tridung156@gmail.com

Tran Thi My Hanh

Student; Department of Theory and History of International Relations; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ tranmyhanh2812@gmail.com

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the transformation and prospects of economic cooperation between China and Afghanistan in the context of the U.S. troop withdrawal in 2021. The study focuses on three key clusters: (1) transport and logistics projects, concerning the development of railway and road corridors, including the China–Afghanistan line and the expansion of the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC); (2) infrastructure initiatives, encompassing the construction of energy facilities (TAPI, CASA-1000, 500 kV power lines), fiber-optic networks, and the Digital Silk Road; (3) mining agreements, involving negotiations and contracts for the development of copper (Mes Aynak), lithium, and oil deposits (Amu Darya basin). The aim of this paper is to comprehensively assess the feasibility of economic cooperation initiatives between the two countries in both bilateral and multilateral formats. The theoretical and methodological foundation of the study is grounded in international relations theories, in particular liberalism. This theory is used to explain how economic initiatives and models of bilateral and multilateral cooperation can contribute to peace and stability in the region. The study reveals that following the U.S. withdrawal, China intensified its diplomatic and economic engagement, provided humanitarian assistance, supported the implementation of the Belt and Road Initiative and the China–Pakistan Economic Corridor, and resumed agreements on the development of copper, lithium, and oil deposits. Bilateral trade volumes have increased, while new transportation routes have contributed to reducing logistical costs. The primary obstacles identified are political instability, security threats (particularly ISIS-K terrorist attacks), as well as deficits in infrastructure and qualified personnel. The scientific novelty of the research lies in the systematization and in-depth analysis of state policies, economic indicators, and cooperation

mechanisms between China and Afghanistan to clarify the prospects for their economic interaction. New political developments in Afghanistan following the U.S. troop withdrawal in 2021 create an urgent need for comprehensive research assessing the practical feasibility of bilateral economic cooperation. The findings of this study can be utilized to inform the strategies of international organizations and investors, and to develop mechanisms for monitoring and evaluating investment projects.

Keywords: Geopolitics, Regional Integration, Taliban, Mineral Resources, Infrastructure Projects, CPEC, BRI, China–Afghanistan relations, U.S. Troop Withdrawal, Economic Cooperation

References (transliterated)

1. D'yakonova, M. A., Sharipov, F. F. Afganistan i ego rol' dlya Rossii i Kitaya // *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya*. 2022. T. 4, № 4. S. 146-155. DOI: 10.24412/2686-9675-4-2022-146-155. EDN: SRTXMD.
2. Klimenko, A. F. Nekotorye osobennosti sovremennoi politiki Kitaya v otnoshenii Afganistana // *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*. 2022. T. 27, № 27. S. 225-239. DOI: 10.48647/IFES.2022.45.24.017. EDN: MLEARX.
3. Nachinaya s 1 dekabrya Kitai predostavit nulevoi tarif na 98% tarifnykh pozitsii tovarov iz 10 stran, vklyuchaya Afganistan [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/09/content_5725688.htm (data obrashcheniya: 15.04.2025).
4. Safronova, E. I. Kitai i Afganistan: sostoyanie otnoshenii posle vyvoda voisk SShA // *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2022. № 6. S. 56-69. DOI: 10.31857/S013128120023341-6. EDN: IDQYBD.
5. Shi, V. ShOS i initsiativa "Poyas i put'": perspektiva dvoinoi strakhovki dlya Afganistana // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2023. T. 67, № 9. S. 90-98. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-90-98. EDN: XAMUKK.
6. Acxir, A. S., RahmanZai, S. R. Review of Opportunities and Challenges in China-Afghanistan Relations Post-U.S. Withdrawal // *Journal of Political Science and International Relations*. 2024. Vol. 7, № 4. P. 114-127. DOI: 10.11648/j.jpsir.20240704.14. EDN: CFUJXE.
7. Adam, S., Azhar, A. China's Engagement in Afghanistan: Implications for the Region // *Policy Perspectives*. 2018. Vol. 15, № 1. P. 127-138.
8. Canyon, D., Sitaraman, S. China's Global Security Aspirations with Afghanistan and the Taliban // Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies. 2020. 4 P.
9. Chene, H. China in Afghanistan: balancing power projection and minimal intervention // *Institute of Peace and Conflict Studies*. 2015. 22 P.
10. China and Afghanistan's exports [Elektronnyi resurs]. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/afg/partner/chn> (data obrashcheniya: 15.04.2025).
11. China Exports to Afghanistan. Trading Economics [Elektronnyi resurs]. URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports/afghanistan> (data obrashcheniya: 15.04.2025).
12. Countries by share of global BEV and PHEV markets. Autovista24 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://autovista24.autovistagroup.com/news/china-starts-2025-at-the-front-of-the-global-ev->

market/#:~:text=BEV%3A%20battery%2Delectric%20vehicle%2C,BEV%20and%20PHEV%20unit%20sales.&text=China%20accounted%20for%2073.1%25%20of,%25%20and%20Japan%20with%201.3%25 (data obrashcheniya: 15.04.2025).

13. Dkhar, A., Tamim, M. A. M., Walid, S. S. Perspectives and Obstacles for Afghanistan to be a Part of the China's Belt and Road Initiative // Proceedings of the 2021 International Conference on Social Science: Public Administration, Law and International Relations (SSPALIR 2021). Atlantis Press, 2021. P. 169-173.
14. Faisal, M. Pakistan-China Relations: Beyond CPEC // Strategic Studies. 2020. Vol. 40, № 2. P. 23-44.
15. Jabarkhil, M. H., Parikh, M. BRI Participation of Afghanistan: Assessing Benefits and Drawbacks // American Research Journal of Humanities & Social Science. 2023. Vol. 6, № 12. P. 19-26.
16. Hashimy, S. Q. China's Belt-Road Initiative and Investment Strategies: A Two Pillar Approach to Afghanistan // International Journal of Science and Research. 2023. Vol. 24, № 2. P. 65-92.
17. Naveed, A., Zaheer, A. C., Dost, M. B. The Taliban takeover in Afghanistan: where does China stand? // Journal of Pakistan-China Studies. 2021. Vol. 2, № 1. P. 64-94.
18. Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan. "Deepening Connectivity and Expanding Trade, Through Investment in Infrastructure and Improving Synergy" // Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan. - Kabul: Ministry of Foreign Affairs. 2017. URL: <http://recca.af/wp-content/uploads/2017/11/RECCA-Annual-Review-2017-FINAL-VERSION.pdf> (data obrashcheniya: 15.04.2025).
19. Safi, M., Alizada, B. Integrating Afghanistan into the Belt and Road Initiative: Review, Analysis and Prospects // Friedrich Ebert Stiftung. 2018. P. 1-78.
20. Sudha, R. Can the Belt and Road Initiative Succeed in Afghanistan? // ChinaBrief. 2023. Vol. 23, № 9. P. 19-24.
21. Xiangyu, Z. Afghanistan and Regional Security: Implications for China // Policy Perspectives. 2011. Vol. 8, № 2. P. 65-72.
22. Yao-Tian, F., Li, W. Parsing China's geostrategic designs in the post-war Afghanistan // International Trends. 2022. Vol. 20, № 3. P. 45-54.
23. Zaki, Z., Tian, G. L., Amini, M. Y. Literature Review on Belt and Road Initiative's Integration for Trade Connectivity of Afghanistan // Open Journal of Business and Management. 2023. Vol. 11. P. 3287-3312. DOI: 10.4236/ojbm.2023.116179. EDN: SUHXWO.
24. Zhang, J. Extending the China-Pakistan Economic Corridor to Afghanistan: Progress and Prospect // East Asian Policy. 2023. Vol. 15, № 3. P. 115-127. DOI: 10.1142/s1793930523000247. EDN: YPVHNM.

Digital transformation as the part of China's foreign policy strategy

Men'shikova Ekaterina Sergeevna

Senior Lecturer; Institute of Asian and African Countries; Lomonosov Moscow State University
Postgraduate student; Institute of Asian and African Countries; Lomonosov Moscow State University

11 Mokhovaya Street, building 1, Moscow, 125009

✉ bastet-1997@mail.ru

Abstract. Digitalization plays a key role in the political strategy of international actors due to its impact both on the transformation of governance processes and on the interaction of states in the international arena. The subject of the article is the analysis of the main trends of digital transformation as an integral part of the foreign policy strategy of the People's Republic of China. Special attention is paid to aspects of external promotion of technological initiatives by China. China is shaping the digital ecosystem, actively promoting it in world politics within the framework of the concept of a "community of common destiny in cyberspace." It is determined that China is striving both to strengthen its position in the global market and to become a leading player in the field of digital innovation, which makes its strategy an important factor in global digital transformation. The study of China's strategy includes discourse analysis, conceptual analysis, and an "ideological-value" approach. Critical conceptual and narrative analyses have defined the conceptual foundations of the digital strategy. Event analysis and case study revealed the trends and mechanisms of Beijing's digital system. The institutional method has identified institutions for the development of the digital economy. The analysis of secondary statistical data showed the dynamics of China's digitalization in the global system. Special attention is paid to China's role in shaping global technology standards and its interaction with actors in promoting digital initiatives. The initiative of the Digital Silk Road as a tool for exporting Chinese technologies is analyzed. China's digital influence is particularly pronounced in the countries of Central Asia, Africa and Latin America in terms of creating infrastructure projects and exporting digital technologies, promoting global "ideological and value-based" initiatives. The novelty of the article lies in the systematization of the mechanisms for promoting China's digital strategy, demonstrating its desire to take a leading position in the field of digital innovation development. The main focus is on China's promotion of global digital governance initiatives and analysis of Chinese technology scaling issues in various countries.

Keywords: digital transformation, technology, China's discourse, ideas and values, Digital Silk Road, artificial intelligence, digital discourse, digital technologies, digitalization, China's strategy

References (transliterated)

1. Torin A. I. Konkurentsia tekhnologicheskikh platform v tsifrovoy srede XXI veka: osnovnye ugrozy [Elektronnyi resurs] // Mezhdunarodnaya zhizn'. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29503> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
2. Shutszy Chzhungo tszyan'she chzhenti butszyui guikhua [Obshchii plan stroitel'stva Tsifrovogo Kitaya] [Elektronnyi resurs] // Pravitel'stvo KNR. URL: <https://russian.news.cn/20240714/02f35addf26842aa977144cce13935a0/c.html> (data obrashcheniya: 19.05.2025).
3. Shutszy Chzhungo tszyan'she nyan' sindun Fanan' tszin'zhi in'fa [Nedavno opublikovan "Plan deistvii po postroeniyu Tsifrovogo Kitaya na 2025 god"] [Elektronnyi resurs] // Pravitel'stvo KNR. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202505/content_7024041.htm (data obrashcheniya: 19.05.2025).
4. Idei i tsennosti vo vneshnei politike Rossii, gosudarstv Blizhnego i Postsovetskogo Vostoka: kollektivnaya monografiya / INION RAN. Otd. Blizhnego i Postsovetskogo Vostoka; otv. red. d-r polit. nauk V.A. Avatkov. – Moskva: INION RAN, 2025. – 132 s.
5. Karaganov S. A. Oboronitel'naya traditsiya neumestna v nyneshnem mire [Elektronnyi resurs] // Rossiya v global'noi politike. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nastuplenie-v-vojne-idej/> (data obrashcheniya: 19.05.2025).

20.03.2025).

6. Luk'yanov F. A. Sila myagkost' lomit: v chem slabost' vneshnei politiki Rossii [Elektronnyi resurs] // Forbes. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/17658> (data obrashcheniya: 11.05.2025).
7. Maslov A. A. Kitai 2020. Pandemiya, obshchestvo i global'nye al'ternativy // – M.: Ripol Klassik, 2021. – 368 s.
8. Outline of the 14th Five-Year Plan (2021-2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China [Elektronnyi resurs] // General Office of Fujian Provincial People's Government. URL: https://fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (data obrashcheniya: 20.03.2025).
9. Belaya kniga: sozdanie soobshchestva edinoi sud'by v kiberprostranstve – eto neobkhodimyi vybor v informatsionnuyu epokhu [Elektronnyi resurs] // Sin'khua novosti. URL: <https://russian.news.cn/20221107/7a3966d586e940819d7a1837670b3d78/c.html> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
10. Izhu Lyu, Avdokushin E. F. Formirovanie osnov "Tsifrovogo shelkovogo puti" // Mir novoi ekonomiki. – 2019. – № 4. – S. 62-71.
11. Sekretareva K. N. Tsifrovaya transformatsiya i ee vliyanie na vneshnyuyu politiku Kitaya. Informatsionnoe obshchestvo. – 2025. – № 1. – S. 143-151.
12. Titarenko A. M. "Kitaiskaya mehta" i "poyas i put'": vozmozhnosti sopryazheniya s integratsionnymi proektami na postsovetskom prostranstve // Politicheskie protsessy na postsovetskom prostranstve: novye trendy i starye problemy. – M: Natsional'nyi issledovatel'skii institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii imeni E.M. Primakova Rossiiskoi akademii nauk, 2020. – S. 148-161.
13. Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy / pod red. A.D. Voskresenskogo. – M.: Strategicheskie izyskaniya, 2019. – 736 s.
14. Sidorenko E. L. Kitaiskaya initsiativa Tsifrovogo shelkovogo puti: napravleniya i perspektivy razvitiya, preimushchestva i riski dlya Rossii. Russian Journal of Economics and Law. – 2025. – № 19(1). – S. 57-79.
15. Gouyuan' guan'yui in'fa sin'idai zhen'gunchzhinen fachzhan' guikhua de tunchzhi [Uvedomlenie Gosudarstvennogo soveta o vypuske Plana razvitiya iskusstvennogo intellekta novogo pokoleniya] [Elektronnyi resurs] // Sait Gosudarstvennogo soveta KNR. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (data obrashcheniya: 20.03.2025).
16. Sin'idai zhen'gunchzhinen lun'li guifan' [Kodeks eticheskikh printsipov iskusstvennogo intellekta] [Elektronnyi resurs] // Ministerstvo Nauki i Tekhnologii KNR. URL: https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html (data obrashcheniya: 20.05.2025).
17. Leksyutina Ya. V., Sizov G. A. Tsifrovoy shelkovyi put': osobennosti i perspektivy razvitiya. Problemy natsional'noi strategii. – 2022. – № 6(75). – S. 324-339.
18. Tsifrovoy povorot v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: kak novye tekhnologii menyayut mirovuyu politiku i nauku o nei: monografiya / M.A. Suchkov, K.V. Vorontsov, N.Yu. Silaev [i dr.]; pod red. M.A. Suchkova, I.V. Bolgovoi; MGIMO MID Rossii, Institut mezhdunarodnykh issledovaniy, Laboratoriya intellektual'nogo analiza dannykh. – M: MGIMO-Universitet, 2023. – 232 s.
19. Reshetnikova M. S., Vasil'eva G. A., Tret'yakova S. S. Mesto Kitaya na mirovom rynke "umnykh gorodov" // Russian Journal of Innovation Economics. – 2024. – № 11(4). – S. 1997-2018.

20. Quarterly share of the cloud Infrastructure as a service (IaaS) market in China from 4th quarter 2019 to 4th quarter 2024, by company [Elektronnyi resurs] // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1129265/china-cloud-infrastructure-service-market-share-by-company/> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
21. Amazon and Microsoft Stay Ahead in Global Cloud Market [Elektronnyi resurs] // Statista. URL: <https://www.statista.com/chart/18819/worldwide-market-share-of-leading-cloud-infrastructure-service-providers/> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
22. Zaklyaz'minskaya E. O. Zavisimost' Kitaya ot zarubezhnykh tekhnologii. Analiticheskie zapiski IKSA RAN. – 2023. – № 3. – S. 58-62. DOI: 10.48647/ICCA.2023.80.59.013 EDN: UAOHYL.
23. Tszyada chzhichi lidu guntszyan' gochan' tsaotszositun tuni shentai [Uvelichenie podderzhki dlya sozdaniya edinoi ekosistemy proizvodstvennykh i operatsionnykh sistem] [Elektronnyi resurs] // Shenzhen Securities Times. URL: <https://www.stcn.com/article/detail/813499.html> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
24. FT uznala o zaprete kitaiskim gosstrukturam ispol'zovat' chipy Intel i AMD [Elektronnyi resurs] // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/03/2024/6600e6a79a7947769ed324c4?ysclid=mailcatqyi858431819> (data obrashcheniya: 25.03.2025).
25. Huawei's HarmonyOS unseats Apple's iOS to become China's No 2 mobile operating platform [Elektronnyi resurs] // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/tech/big-tech/article/3266747/huaweis-harmonyos-unseats-apples-ios-become-chinas-no-2-mobile-operating-platform> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
26. Grigor'evskii V. V. Regulirovanie "oblachnykh servisov" kak instrument mezhdunarodnoi konkurentsii: opyt SShA i Kitaya. Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. – 2024. – № 3. – S. 50-70.
27. Statistika prodazh Hongqi [Elektronnyi resurs] // Setevoe izdanie "Kitskie avtomobili". URL: https://www.chinamobil.ru/faw/hongqi/?view=sales_all&year=23&mon=0 (data obrashcheniya: 20.03.2025).
28. US tech stocks plunge on China AI's unexpectedly strong showing [Elektronnyi resurs] // South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/news/china/article/3296510/us-tech-stocks-plunge-china-ais-unexpectedly-strong-showing?module=top_story&pgtype=subsection (data obrashcheniya: 20.03.2025).
29. DJI Won the Drone Wars, and Now It's Paying the Price [Elektronnyi resurs] // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2020-03-26/dji-s-drone-supremacy-comes-at-a-price> China's Smart Dragon-3 rocket sends 9 satellites into space (data obrashcheniya: 20.05.2025).
30. China's Smart Dragon-3 rocket sends 9 satellites into space [Elektronnyi resurs] // CGTN. URL: <https://news.cgtn.com/news/2024-02-03/China-s-Smart-Dragon-3-rocket-sends-9-satellites-into-space-1qTxS6qFo8o/p.html> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
31. Filipova I. A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: opyt Kitaya. Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – № 1. – S. 46-73.
32. Stoimost' vysokotekhnologichnogo eksporta. Kitai. 2023. [Elektronnyi resurs] // Statbase. URL: <https://statbase.ru/data/chn-high-technology-exports/> (data obrashcheniya: 22.03.2025).
33. Itogi 2023 goda: snizhenie ob'emov trgovli vysokotekhnologichnoi produktsiei na fone zamedleniya rosta mirovoi trgovli i transformatsii global'nykh tsepochek

sozdaniya stoimosti [Elektronnyi resurs] // WIPO. URL:

<https://www.wipo.int/ru/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/high-tech-trade>
(data obrashcheniya: 22.03.2025).

34. China sees prosperous development of digital trade [Elektronnyi resurs] // People's Daily Online. URL: <http://en.people.cn/n3/2023/0926/c90000-20077200.html> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
35. Opros: 86 prots. respondentov vysoko otsenivayut tsifrovye innovatsii Kitaya [Elektronnyi resurs] // Sin'khua. URL: <https://russian.news.cn/20250508/c6c1c18d540a447e8966bc5b860802a3/c.html> (data obrashcheniya: 09.05.2025).
36. Kitai v 2022 godu eksportiroval promyshlennyykh robotov na \$610 mln [Elektronnyi resurs] // Informatsionnoe agentstvo TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16933205> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
37. Svyaz' 5G integrirovana v 60% natsional'noi ekonomiki KNR [Elektronnyi resurs] // CGTN. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-06-06/1666033737633263618/index.html> (data obrashcheniya: 20.03.2025).

Characteristics of the African Policy of Contemporary Cuba

Demidov Aleksei Mihailovich

PhD in Politics

Associate Professor; Department of International Relations and Political Science; St. Petersburg State University of Economics

191023, Russia, the city of St. Petersburg, St. Petersburg, Sadovaya St., 21

✉ a.m.demidov@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is Cuba's foreign policy. The focus of the study is on Havana's foreign policy activities in Africa during the period from 2010 to 2025. The author examines the history of Cuba's activities in Africa, the contemporary relations between Cuba and its key partners in the region—South Africa, Nigeria, Angola, Ethiopia, and Algeria—are analyzed. The particular features of Cuba's foreign policy towards Africa and the significance of its relations with the continent for Havana are identified. Special attention is paid to several aspects important for maintaining the intensity of Cuba-Africa relations. These include the role of historical memory in justifying current cooperation, the dynamics of high-level diplomatic visits, and Cuba's medical and educational diplomacy. The goals of Cuba's foreign policy towards Africa are considered in the context of the increasing role of the Global South in global politics. General scientific methods of cognition are applied, including analysis and synthesis, as well as elements of the comparative method. The sources for the analysis include documents and informational materials from the Ministries of Foreign Affairs of Cuba and African countries, as well as media materials from Cuba and African nations, and scientific works by domestic and foreign specialists. The scientific novelty of the work is due to the lack of attempts in domestic science to analyze the modern foreign policy of Cuba concerning African countries. This study demonstrates the adaptation of the Caribbean republic to the challenges of today's global politics. Key findings include, firstly, the continuing importance of Africa for Cuba's global objectives, which are to prevent the diplomatic and economic isolation of the island and to seek partners for trade and innovative cooperation. African countries support Havana in the UN and are willing to pay for the services of Cuban specialists. Secondly, Cuba not only continues to maintain, but also to develop cooperation with African countries. It has been established that in the last three years, Cuba has intensified high-level

diplomatic visits to Africa—countries on the continent have been visited by the president, the vice-president, and the minister of foreign affairs. Havana interacts with Africa not only bilaterally but also multilaterally, and has good relations with organizations such as the African Union and ECOWAS.

Keywords: Algeria, Ethiopia, Nigeria, Angola, Republic of South Africa, medical diplomacy, foreign policy, Africa, Cuba, solidarity

References (transliterated)

1. Beseda s Prezidentom Kuby Migelem Dias-Kanelem Bermudesom 7 maya 2025 goda [Elektronnyi resurs] // Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76863> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
2. Zaparii, E. S. Evolyutsiya vneshnei politiki Kuby na sovremennom etape // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2019. T. 6, № 4. S. 438-449. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-4-438-449. EDN: OMJTXM.
3. Lutsyuk, D. V. Razvitie vneshnei politiki Kuby s 2000 po 2021 god // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2022. T. 11, № 5A. S. 195-205. DOI: 10.34670/AR.2022.98.76.023. EDN: NOEAQT.
4. Kheifets, V. L. Kuba: pereosmyslenie roli strany v mirovom soobshchestve / V. L. Kheifets, L. S. Kheifets // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 61, № 2. S. 94-103. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-94-103. EDN: XXWRBD.
5. Lamrani, S. "Prekrasneishee delo chelovechestva" - vklad Kuby v osvobozhdenie Afriki i bor'bu s aparteidom // Russkaya politologiya. 2019. № 4(13). S. 59-71. EDN: XOFANP.
6. Borodaev, V. A. Vklad Kuby v krushenie rezhima aparteida v YuAR na izlete "kholodnoi voyny" // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2018. № 2. S. 87-109. EDN: XMZWQP.
7. Lysenko, M. Evolyutsiya kubino-alzhirskikh otnosheniy v 60-e gg. // Mezhdunarodnyi aspekt. 2020. T. 1, № 1(1). URL: <https://www.intaspect.ru/jour/article/view/10/32> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
8. Laurent, L. K. Cuba-África: los motivos de una cercanía en la distancia // Perspectivas Revista De Ciencias Sociales. 2019. № 4(7). P. 196-209.
9. Kheifets, V. L. Traditsiya internatsionalizma v ideologii i praktike kubinskoj revolyutsii / V. L. Kheifets, L. S. Kheifets // Latinskaya Amerika. 2020. № 8. S. 60-76. DOI: 10.31857/S0044748X0010346-9. EDN: CRNJNU.
10. Borodaev, V. A. "Pervaya angol'skaya voyna" 1975-1976 gg. kak primer internatsionalizatsii vnutrennego konflikta v usloviyakh "kholodnoi voyny" / V. A. Borodaev // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2016. T. 8, № 4. S. 142-170. EDN: YGSDWV.
11. Borodaev, V. A. Vovlechenie Kuby v bor'bu sverkhderzhav na Afrikanskom Roge (1977-1978): shag ot razryadki k novomu vitku "kholodnoi voyny" / V. A. Borodaev // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2017. № 3. S. 43-62. EDN: ZDAURJ.
12. Presidente Díaz-Canel realizará visita oficial a países africanos [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/presidente-diaz-canel-realizara-visita-oficial-paises-africanos> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
13. Cuba tiene un lugar especial en África [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/cuba-tiene-un-lugar-especial-en->

africa (data obrashcheniya: 16.06.2025).

14. Ministro de Relaciones Exteriores de Cuba inició visitas a países de África [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/ministro-de-relaciones-exteriores-de-cuba-inicio-visitas-paises-de-africa> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
15. South Africa and Cuba commemorates 27 years of diplomatic relations based on solidarity and cooperation [Elektronnyi resurs] // Department of International Relations and Cooperation. URL: <https://dirco.gov.za/south-africa-and-cuba-commemorates-27-years-of-diplomatic-relations-based-on-solidarity-and-cooperation/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
16. Parliament slams costly Project Thusano, urges termination of "rebranded" Project Kgala [Elektronnyi resurs] // DefenceWeb. URL: <https://www.defenceweb.co.za/featured/parliament-slams-costly-project-thusano-urges-termination-of-rebranded-project-kgala/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
17. South Africa wipes out Cuba's R1-billion debt [Elektronnyi resurs] // Brand South Africa. URL: <https://brandsouthafrica.com/112878/government-services/cuba081210/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
18. Cuba Strengthen Ties, Pledge Deeper Cooperation [Elektronnyi resurs] // The State House. URL: <https://statehouse.gov.ng/news/nigeria-cuba-strengthen-ties-pledge-deeper-cooperation/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
19. Shettima: Nigeria, Cuba to Deepen Bilateral Relations [Elektronnyi resurs] // This Day. URL: <https://www.thisdaylive.com/index.php/2023/09/15/shettima-nigeria-cuba-to-deepen-bilateral-relations/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
20. Nigeria-Cuba to Deepen ties on Trade and Commerce [Elektronnyi resurs] // Ministry of Budget and Economic Planning. URL: <https://nationalplanning.gov.ng/nigeria-cuba-to-deepen-ties-on-trade-and-commerce/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
21. Desarrolla Ministro de Relaciones Exteriores programa oficial en Nigeria [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/desarrolla-ministro-de-relaciones-exteriores-programa-oficial-en-nigeria> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
22. Fifty years of diplomatic relations, we celebrate the Cuban Culture Day [Elektronnyi resurs] // Cuba's Representative Office Abroad. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/en/articulo/50-years-diplomatic-relations-we-celebrate-cuban-culture-day> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
23. Angola y Cuba renuevan sus lazos de cooperación y solidaridad [Elektronnyi resurs] // Embajada de Angola. URL: <https://www.embajadadeangola.com/noticias/noticia-210823-1.html> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
24. Cuba y Etiopía, a 45 años de una especial relación bilateral [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/node/2827> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
25. Salvador Valdés Mesa fue recibido por la Presidenta de Etiopía [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/salvador-valdes-mesa-fue-recibido-por-la-presidenta-de-etiofia> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
26. Inicia visita oficial a Etiopía el Ministro de Relaciones Exteriores de Cuba [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/es/inicia-visita-oficial-etiofia-el-ministro-de-relaciones-exteriores-de-cuba> (data obrashcheniya: 16.06.2025).

27. Ethiopia, Cuba Pledge to Strengthen Bilateral Ties [Elektronnyi resurs] // EBC English News. URL: <https://www.ebc.et/english/newsdetails.aspx?newsid=10365> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
28. Ethiopia and Cuba aim to implement bilateral agreements in education and trade [Elektronnyi resurs] // Media network edition TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/en/news/ethiopia-and-cuba-aim-to-implement-bilateral-agreements-in-education-and-trade/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
29. Ethiopia, Cuba sign MoUs to collaborate in technology and sports [Elektronnyi resurs] // Fana Media Corporation. URL: <https://www.fanamc.com/english/ethiopia-cuba-sign-mous-to-collaborate-in-technology-and-sports/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
30. Cuba thanks Algeria for its support in the fight against US blockade [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://cubaminrex.cu/en/cuba-thanks-algeria-its-support-fight-against-us-blockade> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
31. Visita oficial del Presidente cubano a Argelia [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/es/articulo/visita-oficial-del-presidente-cubano-argelia> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
32. Algeria, Cuba Celebrate 62 Years of Exemplary Medical Solidarity [Elektronnyi resurs] // Dzair Tube. URL: <https://www.dzair-tube.dz/en/algeria-cuba-celebrate-62-years-of-exemplary-medical-solidarity/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
33. Cuba and Algeria united by ties of brotherhood [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/en/articulo/cuba-and-algeria-united-ties-brotherhood> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
34. Álvarez Acosta, M. E. Una aproximación a la política exterior de Cuba hacia África Norte y el Medio Oriente // Política internacional. 2023. № 4. P. 103-119.
35. Algeria Thanks to Be Guest of Honor at Book Fair in Cuba [Elektronnyi resurs] // Radio Reloj. URL: <https://www.radioreloj.cu/news/culture/algeria-thanks-to-be-guest-of-honor-at-book-fair-in-cuba/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
36. The African Union adopted a resolution against the blockade of Cuba. [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/en/articulo/african-union-adopted-resolution-against-blockade-cuba> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
37. A new beginning between Cuba and ECOWAS [Elektronnyi resurs] // Ministerio de Relaciones Exteriores de Cuba. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/en/articulo/new-beginning-between-cuba-and-ecowas> (data obrashcheniya: 16.06.2025).

Potential of national-cultural autonomy in the implementation of public diplomacy (on the example of the activities of the national-cultural autonomies of Republic of Crimea)

Arutyunyan Aikui Genrikovna

Deputy Chairman of the State Committee for Interethnic Relations of the Republic of Crimea.
An independent researcher.

295017, Russia, Rep. Crimea, Simferopol, Graviyn lane, 6A

✉ aikui_arut@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the potential of national-cultural autonomies in the

implementation of public diplomacy (using the example of the activities of national-cultural autonomies of the Republic of Crimea).

Modern international influence is based on the ability to attract attention through cultural values, political ideals and humanitarian initiatives, and public diplomacy is a tool for implementing this influence through dialogue between non-state actors and foreign audiences. National-cultural autonomies representing the interests of ethnic and cultural communities can become key non-state actors in this process, as they establish close ties with cultural metropolises and with states where a particular culture is widely represented. These connections directly influence the trust that arises within ethnic communities and, as a result, form a positive perception of the processes occurring between a national minority and the state.

The novelty of the study lies in the fact that for the first time the activities of national-cultural autonomies have been improved at the current stage of implementation of public diplomacy.

To determine the level of involvement of regional national-cultural autonomies of the Republic of Crimea in international activities, an expert survey was conducted.

As a result of the expert survey conducted, aimed at determining the level of international activity of the national-cultural autonomies, as well as the analysis of the activities of the Crimean national-cultural autonomies, the parameters for assessing the effectiveness of their activities in implementing foreign policy were identified.

The metric measurement of each of the designated parameters makes it possible to determine the effectiveness of the use of the resource of national-cultural autonomies in the implementation of public diplomacy.

Keywords: international activity, Russian Federation, foreign policy, Republic of Crimea, national-cultural autonomies, non-state actors, soft power, civil society, social capital, public democracy

References (transliterated)

1. Nye J. S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 94-109. DOI: 10.1177/0002716207311699 EDN: JLETLZ.
2. Yashkova, M. R. Sotsial'nyi kapital: evolyutsiya kontsepta / M. V. Yashkova // Neprikosnovennyi zapas. 2018. № 3. S. 196-210. EDN: ZJEFDF.
3. Burd'e, P. Formy kapitala / P. Burd'e // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2002. № 5. S. 60-75. EDN: OYUVRD.
4. Bauer, O. Natsional'nyi vopros i sotsial-demokratiya. Per. s nem. I. S. Panina; s predisl. Zh. Zhitlovskogo. SPb.: Serp", 1909. 654 s.
5. Taylor, C. The Politics of Recognition / In: Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition / A. Gutmann (ed.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 25-73.
6. Khabrieva T. Ya. Izbrannye trudy: v 10 t. T. 3: monografii. Soderzh.: Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossiiskoi Federatsii. Sovremennye problemy samoopredeleniya etnosov: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. – M., 2018. – 496 s.
7. Natsional'no-kul'turnye avtonomii Rossiiskoi Federatsii: nauchnyi sbornik [na osnove statei i interv'yuu Yu. I. Erofeeva / otvetstvennyi redaktor O. V. Solopova]. – Sankt-Peterburg : Aleteiya, 2019. – 370 s.
8. Nam I. V. Rol' natsional'no-kul'turnykh avtonomii v adaptatsii/integratsii migrantov:

- pravo i realii (na primere Tomska). Gosudarstvo, Obshchestvo i Tserkov': migratsiya i mezhkul'turnoe mnogoobrazie : materialy nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, g. Novosibirsk, 29-30 maya 2018 g. : v 2 ch. Ch. 2 / Ros. akad. nar. khoz-va i gos. sluzhby, Sib. in-t upr. ; pod nauch. red. L. V. Savinova. – Novosibirsk : Izd-vo SibAGS, 2018. S. 104-108 EDN: XPOXR.
9. Kalashnikov K. N. Natsional'no-kul'turnye avtonomii v sovremennoi Rossii: problemy predstavitel'stva i effektivnosti // Voprosy territorial'nogo razvitiya. 2020. T. 8. № 3. DOI: 10.15838/tdi.2020.3.53.4 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28590> (data obrashcheniya 28.04.2024). EDN: ZKIGEQ.
 10. Kuznetsova E. V. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossiiskoi Federatsii: istoricheskii opyt i problemy razvitiya: 1996-2006 gg.: dis. kand. ist. nauk. – M., 2006. – 159 s. EDN: NOGSVH.
 11. Shtraler O. F. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossiiskoi Federatsii: opyt, problemy razvitiya (Na primere Respubliki Komi): dis.... kand. polit. nauk. – M., 2003. – 152 s. EDN: NMIYGB.
 12. Baimler O. R. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v sisteme tekhnologii predotvrashcheniya i uregulirovaniya vnutrigosudarstvennykh konfliktov: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk – Moskva, – 2013. – 24 s. EDN: SURGBH.
 13. Ilarionova T. S. Gosudarstvo i natsional'no-kul'turnye avtonomii narodov Rossii: aktual'nye problemy i perspektivy // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. – 2010. – № 3 (27). S. 44-65. EDN: OPSKLB.
 14. Letopis' narodnoi diplomatii Kryma / sost. S. Balayan, G. Muradov, A. Trofimov. – Simferopol': IT "Arial", 2022. – 272 s.
 15. Reestr NKA [Elektronnyi resurs] // Ofitsial'nyi sait FADN Rossii. URL: <https://fadn.gov.ru/otkritoeagenstvo/reestr-nka/> (data obrashcheniya: 25.04.2025).
 16. Kuznetsov, E. "Myagkaya sila" Rossii: chego ne khvataet / Zhurnal "Rossiya v global'noi politike". URL: <https://globalaffairs.ru/articles/myagkaya-sila-rossii-chego-ne-hvataet/> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
 17. Zasedanie mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" // Prezident Rossii. 19.09.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (data obrashcheniya: 18.04.2023).
 18. Mislivskaya, G. Putin: Chtoby "myagkaya sila" rabotala, nado uvazhat' sebya // Ofitsial'nyi sait gazety RGRU ot 21.10.2021. URL: <https://rg.ru/2021/10/21/putin-chtoby-miagkaia-sila-rabotala-nado-uvazhat-sebia.html> (data obrashcheniya: 30.04.2024).
 19. Ivanchenko, Ya. A., Muradov, G. L. Mezhdunarodnye svyazi Respubliki Krym (2014-2022). – Simferopol': Sonat, 2022. – 386 s.
 20. Vstrecha s predstavitelyami natsional'nykh obshchestvennykh ob"edinenii Kryma // Sait Prezidenta Rossii ot 17 avgusta 2015 goda. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50140> (data obrashcheniya: 01.10.2024).
 21. Letopis' narodnoi diplomatii Kryma / sost. S. Balayan, G. Muradov, A. Trofimov. – Simferopol': IT "Arial", 2022. – 272 s.
 22. Arutyunyan, A. G. Gosudarstvennaya kul'turnaya politika Rossii i mekhanizmy ee realizatsii: materialy II Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii / nauch. red. i sost. Matveev, V. V., Solov'eva, I. A. – Orel: OGIK, 2024. S. 166-174.

on the foreign policy of Serbia in the context of the confrontation between Russia and Western countries

Boliev Sergei Olegovich

Graduate student; School of International Relations; Saint Petersburg State University
Editor of the department of the former USSR; LLC 'Lenta.ru'

196628, Russia, St. Petersburg, Pushkin district, village of Shushary, ter. Slavyanka, Kolpinskoe highway 34, k.1,
sq. 349 Kolpinskoe highway

✉ sergey290400@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the foreign policy of Serbia as a small country in relation to Russia and the West during their confrontation since 2022. The object of the study is the Republic of Serbia. The author focuses on the analysis of Belgrade's behavior through the concept of a "small state" and through the peculiarities of the historical development of the republic. When analyzing the factors of small countries, special attention is paid to their foreign policy strategies, which were identified by researchers of the 20th century and which Belgrade is currently applying. In identifying the factors of the historical development of political leadership in Belgrade from a comparative perspective, the focus of the study is on the periods of external Yugoslavia under J. Broz Tito and the opposite course under S. Milosevic. All these factors add up and explain Serbia's chosen foreign policy strategy of balancing between the two major players. The study uses social constructivism to analyze how Serbia's historically established identity (Tito's neutrality, Milosevic's isolationism) influences its current foreign policy course. The Neorealist approach is used to assess the systemic constraints that Belgrade faces as a small country. The official content analysis allows to analyze the statements of the Serbian authorities and the media discourse in a given period. The novelty of this study lies in the analysis of the internal political factors of the Republic of Serbia in the context of its foreign policy strategy in the period from 2022. The analysis of Serbia's foreign policy through the prism of the theories of small countries is also new. In the Russian scientific literature, research is focused only on the bilateral relations between Moscow and Belgrade. In this paper, we study the factors that motivate the Serbian leadership to conduct relations with both Russia and the West. The author concludes that Serbia's foreign policy remains strategically cautious and balanced between the great powers due to historical experience (the negative consequences of the isolation of the 1990s under Milosevic and defeat in the Yugoslav wars, on the one hand, and Tito's neutrality and the growth of the Yugoslav economy, on the other) until internal and external circumstances they will force Belgrade to make a choice in favor of one of the great powers.

Keywords: NATO, EU, European Union, Kosovo, Belgrade, Ukraine, A. Vucic, Russia, Small State, Serbia

References (transliterated)

1. Andzhelkovich T.D. Geroi polya boya: kul't russkikh soldat vo vremya serbsko-turetskikh voin (1876–1878 gg.) v serbskoi vizual'noi kul'ture XIX veka // Baština. 2023. Vol. 33. No. 60.
2. Biserko S. Gegemonistskie natsionalisticheskoe matritsy proshlogo i budushchee Balkan // Aktual'nye problemy Evropy. 2021. № 2. DOI: 10.31249/ape/2021.02.04. EDN: HBZZRV.
3. Boliev S.O. Reprezentatsiya voennogo konflikta v Bosnii i Gertsegovine v 1990-ykh godakh na primere muzeev v Saraevo i Mostare / S. O. Boliev // Zimnyaya

- konferentsiya SNO: Issledovaniya pamyati v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: Sbornik statei IV Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 02-04 dekabrya 2024 goda. Sankt-Peterburg: OOO "Skifiya-print", 2025. S. 449-460. EDN BPHDFW.
4. Efremenko D., Rastegaev D. Faktory ontologicheskoi bezopasnosti i ikh vliyanie na vneshnyuyu politiku Serbii i Turtsii // *Sovremennaya Evropa*. 2024. № 6.
 5. Koloskov E.A. Kosovskii mif v sovremennoi serbskoi i albanskoi istoriografii: etapy i osnovnye tendentsii // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2(20). S. 152-168. DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.210. EDN XMAUMH.
 6. Lobanov M., Zvezdanovich-Lobanova E. Problemy vneshnepoliticheskogo samoopredeleniya Serbii: cherez ternii k "zvezdam" Evrosoyuza // *Sravnitel'naya politika*. 2016. № 4.
 7. Mladenovich M. Serbiya na novom geopoliticheskom perekrestke i osobennosti vybora rossiiskogo napravleniya // *Serbsko-rossiiskii nauchnyi zhurnal*. 2024. № 1-2. S. 55-60. DOI 10.18572/3034-3798-2024-1-2-55-60. EDN CVKYML.
 8. Novikova I.N. Malye strany v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: nekotorye teoreticheskie aspekty // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. № 3. DOI 10.21638/spbu06.2022.301. EDN EHMKUH.
 9. Ponamareva A.M. Mnemonicheskaya diplomatiya v rossiisko-serbskikh otnosheniyakh: predely vozmozhnogo // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 2023. T. 15, № 1. S. 93-132. DOI 10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132. EDN VHGTRE.
 10. Rastegaev D.O. Kosovo i Metokhiya kak "frontir" Serbskogo mira: ontologicheskaya bezopasnost' i perspektivy uregulirovaniya kosovskogo krizisa / D. O. Rastegaev // *Patrioticheskoe vospitanie molodezhi: problemy istorii i sovremennosti: Sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Rostov-na-Donu, 25-26 noyabrya 2022 goda* / Sost. A.I. Abramova. Rostov-na-Donu: Rostovskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet, 2023. S. 281-284. EDN CLRTYA.
 11. Rastegaev D.O. Istoricheskaya pamyat' v rossiisko-serbskikh otnosheniyakh: Rabochaya tetrad' RSMD № 87. Moskva: Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam, 2024. 32 s. ISBN 978-5-605-16426-5. EDN UYNYSM.
 12. Filimonova A.I. Zakrytie karabakhskogo voprosa i prolog k zaversheniyu kosovskoi problemy osen'yu 2023 goda: vneshnie i vnutrennie faktory // *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: Vysshaya shkola Rossii v usloviyakh global'nykh vyzovov, riskov, ugroz: Doklady i materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 23-24 noyabrya 2023 goda*. Moskva: Moskovskii gumanitarnyi universitet, 2024. S. 557-571. EDN PAKPIZ.
 13. Khudolei K.K. Rossiya i Zapad: vtoraya "kholodnaya" ili pervaya "prokhladnaya"? // *Rossiya v global'noi politike*. 2020. № 6 (106). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-prokhladnaya/>.
 14. Entina E. Serbskaya vneshnyaya politika: vyzovy i vospriyatie // *Aktual'nye problemy Evropy*. 2024. № 2.
 15. Aguis C. Transformed Beyond Recognition? The Politics of Post-Neutrality // *Cooperation and Conflict*. 2011. Vol. 46. No. 3. P. 370-395.
 16. Baker Fox A. *The Power of Small States: Diplomacy in the World War II*. Chicago: Chicago University Press; 1959.
 17. Bakić-Hayden M. *Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia* // *Slavic*

Review. 1995. Vol. 54, No. 4. P. 917-931. URL: <https://www.jstor.org/stable/2501399>. EDN HKIDUV.

18. Dessler D. What's at Stake in the Agent-Structure Debate? // International Organization. 1989. Vol. 43. P. 441-473. EDN: HIHRWN.
19. Efremenko D.V. Skeletons in a Slavic Closet. Controversies of Historical Memory and Nation-Building in Serbia and Croatia after the Collapse of the SFRY. Polis. Political Studies. 2021. No. 5. P. 132 (In Russ.). DOI 10.17976/jpps/2021.05.09. EDN RBSREM.
20. Hanson S.E. "A Weberian Theory of Ideology." Chapter. In: Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia. Cambridge Studies in Comparative Politics. Cambridge: Cambridge; 2010. P. 29-56.
21. Katzenstein P. J., Keohane R. O. Anti-Americanism in World Politics / P. J. Katzenstein, R. O. Keohane. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 336 p.
22. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977.
23. Lampe J.R. Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 487 p. ISBN 0-521-77401-2.
24. Löden, H. Reaching a Vanishing Point? Reflection on the Future of neutrality Norms in Sweden and Finland // Cooperation and Conflict. 2012. Vol. 47, No. 2. P. 271-284.
25. McGlynn J. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy / J. McGlynn, J. Đureinović // Memory Studies. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 227-242. DOI 10.1177/17506980211073108. EDN GGQQU.
26. Stojanov T. Understanding spelling conflicts in Bosnian, Croatian, Montenegrin, and Serbian: Insights from speakers' attitudes and beliefs // Lingua. 2023. Vol. 296. DOI 10.1016/j.lingua.2023.103622. EDN OBIAQU.
27. Tournois L. Re-framing Serbian identity within a global imaginary: Nation building through the Belgrade Waterfront project // Political Preferences. 2023. № 30. P. 5-30. DOI 10.31261/polpre.2022.2.5-30. EDN TYNEEX.
28. Veković M., Đogatović V. Errando Discimus: Has Post-Yugoslav Political and Social Science Neglected Religion? // Journal for the Scientific Study of Religion. 2019. Vol. 58. No. 2. P. 437-455. DOI 10.1111/jssr.12589.
29. Vital D. The Survival of Small States: Studies in Small Power/Great Power Conflict. Oxford: Oxford University Press, 1971.
30. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

China's peacekeeping in Africa as a foundation for strengthening Beijing's influence on the continent considered on the Sudan's example

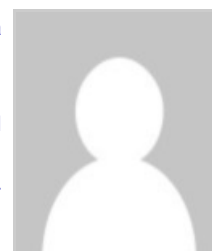
Rogozhina Evgeniya Mikhailovna

PhD in Politics

Associate professor, Department of International Relations and Global Political Processes, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University

603155, Russia, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, ul. Mnina, 31A, of. 1407

✉ evgenia-amiga@yandex.ru

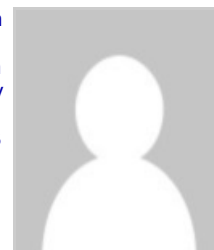

Margaryan David Levaevich

Graduate student; Institute of International Relations and World History; N.I. Lobachevsky National Research
Nizhny Novgorod State University

603022, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, ave. Gagarina, 23

✉ dartvader2595@mail.ru

Mel'nikov Anton Vladimirovich

Graduate student; Department of International Relations and Political Science; N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod
State Linguistic University

Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, Minina str., 31A

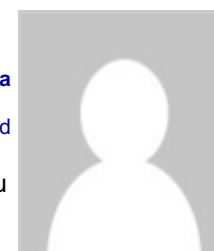
✉ antonmelnikov2003@gmail.com

Solodovnikova Anna Nikolaevna

Assistant at the Department of Oriental Languages of Linguistics University of Nizhny Novgorod

✉ anja91@list.ru

Abstract. The article examines the expansion of China's geopolitical influence in Africa through the participation of the Chinese peacekeeping contingent in the settlement of continental military conflicts, in particular, using the example of Sudan. The methodological basis of the study is a systemic-structural approach, which is based on the study of Beijing's peacekeeping activities; two methodological principles are used: the "principle of universalism" and the "principle of narrow interpretation" of the object of study. The authors applied the method of analyzing the peacekeeping operations of the PRC, as well as the interpretative analysis of statistical and political-legal documents in the sphere of regulation of peacekeeping activities. The article provides a comprehensive analysis of the causes of the conflict in Sudan and describes Beijing's role in its settlement, and analyzes China's economic and geopolitical interests in stabilizing the region. The significance of the article lies in the comprehensive analysis of the results of China's peacekeeping activities in Sudan. From a political point of view, it contributed to the strengthening of political ties. From an economic point of view, it contributed to the growth of bilateral trade and the increase of Chinese investment in the economy and infrastructure of Sudan. From the humanitarian point of view – implementation of food, educational and medical programs in order to improve the living standards of the population and mitigate the consequences of the conflict. From the international point of view – assistance to international peacekeeping and strengthening of international security. Overall, the authors of the article concluded that Chinese peacekeeping in Africa demonstrates a symbiosis of humanitarian goals and economic and political interests. On the one hand, China makes a significant contribution to stabilizing the region by providing resources, infrastructure projects, and diplomatic support. On the other hand, its actions are interpreted as part of a "soft power" strategy aimed at expanding influence and control over important resources.

Keywords: geopolitics, economic interests, conflict, UN, USA, Darfur, Sudan, peacekeeping, Africa, China

References (transliterated)

1. Deich T.L. Kitai "zavoevyyaet" Afriku. M.: Institut Afriki RAN, 2014.
2. Li Z. Kitai i Afrika: novye vozmozhnosti dlya sotrudnichestva v oblasti trgovli i investitsii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. № 6. S. 122-129.
3. Barton B., Hwang J. China's peacekeeping in Africa: a comparative analysis // Journal of Contemporary China. 2019. Vol. 28. No. 117. Pp. 136-153.
4. Lyu M. Kitaisko-afrikanskoe sotrudnichestvo v oblasti ekologii i okhrany okruzhayushchei sredy: problemy i vozmozhnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2018. № 4. S. 132-142.
5. Tszin'pin Si. Kitai i Afrika: druz'ya vechnye // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2019. № 6. S. 94-97.
6. Hodzi O. China's peacekeeping in Africa and the implications for Africa's security governance // Journal of Contemporary African Studies. 2020. Vol. 38. No. 1. Pp. 1-17.
7. Benabdallah L. China and the African Union: from rhetoric to pragmatism in peace and security cooperation // Journal of African Policy Studies. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 171-188.
8. Weber A. China's peace and security engagement in Africa: the implications of non-interference for conflict prevention // Journal of Peacebuilding & Development. 2019. Vol. 14. No. 1. Pp. 1-14.
9. Gao L. Kitai i Afrika: perspektivy razvitiya ekonomicheskogo sotrudnichestva // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. № 11. S. 111-119.
10. Li Z. Kitai i Afrika: novye vozmozhnosti dlya sotrudnichestva v oblasti trgovli i investitsii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. № 6. S. 122-129.
11. Lyu Ts. Razvitie kitaisko-afrikanskikh otnoshenii v kontekste initsiativy "Odin poyas, odin put'" // Problemy Afriki i Blizhnego Vostoka. 2019. № 1. S. 25-33.
12. Zhang Chun. China's participation in UN peacekeeping operations: motives, methods and implications // African Security Review. 2016. Vol. 25. No. 4. Pp. 453-466.
13. Jie Yang. China's peacekeeping in Africa: motivations and implications // Journal of Chinese Political Science. 2016. Vol. 21. No. 3. Pp. 285-303.
14. Yunnan Chen. China's peacekeeping in Africa: a Chinese perspective // Journal of Asian Security and International Affairs. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 55-72.
15. Kosukhin N.D. Etnopoliticheskie konflikty v Afrike: istoki i tipologiya. Chast' I // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2011. № 1. S. 48-58. EDN: NDLIZT.
16. Vychugzhanina A.A. Krizis mirotvorchestva OON. (Morozov G.I. "OON na rubezhe XXI veka (krizis mirotvorchestva OON)". Doklady Instituta Evropy № 55. Moskva, 1999. 96 s.) // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2000. № 2. S. 369-372. DOI: 10.24833/0869-0049-2000-2-369-372 EDN: SSPCDW.
17. Mehler A., Melber H. China's peacekeeping in Africa: a challenge to traditional conflict management strategies? // Conflict, Security & Development. 2016. Vol. 16. No. 1. Pp. 1-23.
18. Benabdallah L. China's peacekeeping in Africa: towards a new model of peacebuilding and conflict resolution? // Conflict, Security & Development. 2020. Vol. 20. No. 3. Pp. 233-253.
19. Khuan Kh. Kitaiskaya politika v Afrike: istoriya, nastoyashchee i budushchee // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2016. № 2. S. 103-112.

20. Mit'ko A. V., Sidorov V. K. Kitai v sovremennom mire: osnovnye paradigmy vneshnei politiki // Rossiya i mir: razvitie tsivilizatsii. Mir, strana, universitet - 25 let razvitiya. M.: Izdatel'skii dom "UMTs", 2024. S. 127-132. EDN: CHTTPC.
21. Wu W. China's Role in the UN Peacekeeping Operations in Africa // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 28. Pp. 146-153. DOI: 10.54097/yh8ajg15 EDN: NOBHKY.
22. Large D., Gebreselassie T. China and peacekeeping in Africa: an analysis of the PLA's involvement in UNAMID // Journal of Contemporary China. 2013. Vol. 22. No. 83. Pp. 100-119.
23. Deich T., Kul'kova O. Problemy mira i bezopasnosti v sotrudnichestve Kitaya so stranami Afriki // Puti k miru i bezopasnosti. 2023. № 2 (65). S. 123-147. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-123-147 EDN: WFECVA.
24. Lyu Ts. Razvitie kitaisko-afrikanskikh otnoshenii v kontekste initsiativy "Odin poyas, odin put'" // Problemy Afriki i Blizhnego Vostoka. 2019. № 1. S. 25-33.
25. Alao A. China's peacekeeping in Africa: a case of strategic opportunism? // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. No. 105. Pp. 34-49.
26. Rapanyane M.B. Neocolonialism and New imperialism: Unpacking the Real Story of China's Africa Engagement in Angola, Kenya, and Zambia // Journal of African Foreign Affairs. 2021. Vol. 8. No. 3. Pp. 89-112. DOI: 10.31920/2056-5658/2021/v8n3a5 EDN: ENVTEH.
27. Yan Ch. Kitai i Afrika: sotrudnichestvo v oblasti energetiki // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. № 7. S. 83-94.
28. Yaqing Qin. China's peacekeeping in Africa: a new strategy for a rising power // Journal of Contemporary China. 2013. Vol. 22. No. 81. Pp. 828-845.
29. Gao L. Kitai i Afrika: perspektivy razvitiya ekonomicheskogo sotrudnichestva // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. № 11. S. 111-119.
30. Bo Li. China's peacekeeping in Africa: a case study of the Darfur conflict // Journal of Contemporary China. 2014. Vol. 2. No. 87. Pp. 1015-1030.
31. Mokhamed A. A. I. Konflikty v Sudane i ikh posledstviya // Vlast'. 2024. T. 32. № 4. S. 285-290. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-4-285-290 EDN: KEDJMU.
32. Amon R.S. Understanding Sudan Conflict and Its Political Economy Implications in Southern Sudan // International Journal of Scientific Research in Multidisciplinary Studies. 2019. Vol. 5. No. 2. Pp. 9-17.
33. Wilén N. Contagious Coups In Africa? History Of Civil-military imbalance. URL: <https://www.egmontinstitute.be/contagious-coups-in-africa-history-of-civil-military-imbalance>.
34. Dzherri R.T.D. Vneshnie faktory kak prichiny neeffektivnosti uregulirovaniya konflikta v Darfure // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2015. № 3. S. 49-57. EDN: ULXYBF.
35. Lyu Ts. Kitaisko-afrikanskoe sotrudnichestvo v oblasti infrastruktury: problemy i perspektivy // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. № 9. S. 121-129.
36. Yun Sun. China's peacekeeping in Africa: a perspective from South Sudan // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. No. 106. Pp. 594-608.